

16+

ISSN 2311-1402

В

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

е
с

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

т

3(55)/2021

н

и

к

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал основан в 2008 г.

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015.

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3>

Учредитель: ФГБОУ ВО «Низневартовский
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 80105 от
31.12.2020.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 79658 от
27.11.2020.

Подписной индекс АО «Почта России» ПП617

Периодичность издания: 4 раза в год.
Язык издания: русский, английский

Индексируется и размещается: CrossRef, Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ), НЭБ
КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС
«Лань», DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google
Академия, Information Matrix for the Analysis of
Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI),
Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS,
Open Ukrainian Citation Index.

Адрес редакции: Россия, 628616, ХМАО-Югра,
г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56. тел./факс: (3466) 44-
39-50, факс: (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Адрес издательства: Россия, 628616,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.
Тел./факс: (3466) 24-50-51, e-mail: izd@nvsu.ru

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Издатель: ФГБОУ ВО «Низневартовский государственный университет», Россия, 628605, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
Исполнитель: Издательство НВГУ, Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.

ISSN 2311-1402 (Print)
ISSN 2686-8784 (Online)

Подготовлено и отпечатано в изд-ве НВГУ
Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.09.2021
Дата выхода 20.09.2021. Объем 2,67 МБ
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 8,38.
Тираж 500 экз. Заказ 2216. Цена: бесплатно

Главный редактор: **Горлов С. И.** (г. Нижневартовск, Россия)

Зам. гл. редактора: **Погонышев Д. А.** (г. Нижневартовск, Россия)

Отв. редактор: **Цысь В. В.** (г. Нижневартовск, Россия)

Редакционная коллегия:

Аикин В. А. (г. Омск, Россия)

Войтенко А. А. (г. Москва, Россия)

Гбоко С. К. (г. Буаке, Кот-д'Ивуар)

Горшков-Кантакузен В. А. (г. Мидлсекс, Великобритания)

Дайнеко Н. М. (г. Гомель, Беларусь)

Ибрагимова Л. А. (г. Нижневартовск, Россия)

Еманов А. Г. (г. Тюмень, Россия)

Казанский М. М. (г. Париж, Франция)

Кулагин А. Ю. (г. Уфа, Россия)

Лубышева Л. И. (г. Москва, Россия)

Маймерова Г. Ш. (г. Бишкек, Кыргызстан)

Медведев С. С. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Нурбеков Б. Ж. (г. Нур-Султан, Казахстан)

Овечкина Е. С. (г. Нижневартовск, Россия)

Синяевский Н. И. (г. Сургут, Россия)

Суртаева Н. Н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Талыбов Т. Г. (г. Нахчыван, Азербайджан)

Фатуллаев П. У. (г. Нахчыван, Азербайджан)

Солодкин Я. Г. (г. Нижневартовск, Россия)

16 +

Солдатова Е. Е. редактор

Овечкина Е. С. тех. редактор

Вилиев Д. В. верстка оригинал-макета

© Нижневартовский государственный университет, 2021

BULLETIN

of NIZHNEVARTOVSK
STATE UNIVERSITY

Bulletin of Nizhnevartovsk State University was founded in 2008

Included in the List of peer-reviewed scientific publications,

approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 01.12.2015

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-2>

The journal is published quarterly by the Publishing House of Nizhnevartovsk State University

Registration certificate PI number FS77-80105 on 31.12.2020.

Registration certificate EL number FS77-79658 on 31.12.2020.

Subscription index in the JSC "Russian post" - PP617.

Quarterly

Language of publication: Russian, English

Indexed: CrossRef, Russian Science Citation Index (RSCI), NES Cyber-Leninka (CyberLeninka), EBS IPRbooks, EBS Lan, DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Academy, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Editorial address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra, Nizhnevartovsk, st. Lenin, 56.
tel./fax: (3466) 44-39-50; (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Publisher address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area–Yugra, Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4, of. 1001. tel.: (3466) 24-50-51,
e-mail: izd@nvsu.ru

Editor-in-Chief: *Gorlov S. I.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Deputy Editor: *Pogonysh D. A.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Executive editor: *Tsys V. V.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Editorial Board:

Aikin V. A. (Omsk, Russia)

Voitenko A. A. (Moscow, Russia)

Gboko S.K. (Bouake, Côte d'Ivoire)

Gorshkov-Kantakuzen V.A. (Middlesex, UK)

Daineko N. M. (Gomel, Belarus)

Ibragimova L. A. (Nizhnevartovsk, Russia)

Emanov A. G. (Tyumen, Russia)

Kazansky M. M. (Paris, France)

Kulagin A. Yu. (Ufa, Russia)

Lubysheva L. I. (Moscow, Russia)

Maymerova G. Sh. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Medvedev S. S. (St. Petersburg, Russia)

Nurbekov B. Zh. (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Ovechkina E.S. (Nizhnevartovsk, Russia)

Sinyavsky N. I. (Surgut, Russia)

Surtaeva N. N. (St. Petersburg, Russia)

Talibov T. G. (Nakhchivan, Azerbaijan)

Fatullayev P. U. (Nakhchivan, Azerbaijan)

Solodkin Ya. G. (Nizhnevartovsk, Russia)

16+

Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISSN 2311-1402 (Print)

ISSN 2686-8784 (Online)

Prepared and printed in the publishing house of NVGU
Ed. persons. JIP No. 020742. Signed for printing on 01.09.2021
Release date 20.09.2021. Volume 2, 67 MB
Format 60 × 84 1/8. Times typeface. CONV. print sheets 8,38.
Circulation 500 copies. Order 2216. Free

Soldatova E.E., editor

Ovechkina E.S., technical editor

Vilyavin D.V., design, publication layout

© Nizhnevartovsk State University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Козлова Д.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ШОТЛАНДСКИЙ СЛУЧАЙ.....	6
Горбунова С.В. «ПИСЬМА ИЗ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ» СУЛТАНА МЕНДАЛИ ПИРАЛИЕВА: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ РУССКОГО АДМИНИСТРАТОРА НА ИМПЕРСКУЮ ПОЛИТИКУ В КАЗАХСТАНЕ	14
Козьякова Н.С. ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ АВСТРИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В 1960–1970 гг.	24
Нурбаев Ж.Е., Нурбаева С.Б. ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ХРАМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (по материалам фотодокументов города Костанай)	34

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Шевченко М.Н. О ФОРМИРОВАНИИ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ МОСКОВСКОЙ ДИНАСТИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (конец XIV – первая половина XV вв.).....	47
Митрофанов В.В. СОТРУДНИЧЕСТВО Б.В. КЛЮЧЕВСКОГО С С.Ф. ПЛАТОНОВЫМ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТРУДОВ СВОЕГО ОТЦА	61
Суханов А.С. ВКЛАДЫ СЛУЖИЛЫХ И ПРИКАЗНЫХ ЛЮДЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ (по материалам вкладных книг Далматовского Успенского монастыря)	72
Пузанов В.Д. РУССКАЯ АРМИЯ В СИБИРИ В 30–50 ГОДЫ XVIII в.	84
Задорожная О.А. ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX вв.)	96
Еремин С.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ (23 августа 1939 – июнь 1941 гг.): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	106

CONTENT

GENERAL HISTORY

Kozlova D.A. HISTORICAL MEMORY AND EUROPEAN REGIONALISM: THE SCOTTISH CASE	6
Gorbunova S.V. “LETTERS FROM THE TRANS-URAL STEPPE” BY SULTAN MENDALI PIRALIEV: AN UNOFFICIAL POINT OF VIEW OF A RUSSIAN OFFICIAL ON IMPERIAL POLICY IN KAZAKHSTAN	14
Kozyakova N.S. THE PROBLEM OF DISARMAMENT AND THE ATTITUDE OF AUSTRIAN STATESMEN TO IT IN THE 1960S AND 1970S	24
Nurbayev Zh.Ye., Nurbayeva S.B. URBAN REALM AND TEMPLE CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE CUSP OF 19TH AND 20TH CENTURIES (BASED ON PHOTOGRAPHIC DOCUMENTS OF KOSTANAY CITY)	34

DOMESTIC HISTORY

Shevchenko M.N. ON THE FORMATION OF THE PHENOMENON OF THE POWER OF THE MOSCOW DYNASTY THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL ANTHROPOLOGY (LATE 14TH – FIRST HALF OF THE 15TH CENTURIES).....	47
Mitrofanov V.V. COOPERATION B.V. KLYUCHEVSKY WITH S.F. PLATONOV ON THE DISTRIBUTION OF HIS FATHER'S WORK	61
Sukhanov A.S. CONTRIBUTIONS OF SERVICE MEN AND CLERKS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XVII-BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE CONTRIBUTION BOOKS OF THE DALMATIAN ASSUMPTION MONASTERY).....	72
Puzanov V.D. THE RUSSIAN ARMY IN SIBERIA IN THE 30–50 YEARS OF THE XVIII CENTURY.....	84
Zadorozhnyaya O.A. THE TRENDS IN THE FORMATION OF THE ELITE OF THE MERCHANT CLASS OF TOBOLSK PROVINCE (THE LAST QUARTER OF THE XVIII – FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURIES)	96
Eremin S.V. TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE NAZI REGIME IN THE SOVIET PROPAGANDA (23 AUGUST 1939 – JUNE 1941): A SOURCE STUDY ASPECT	106

HISTORICAL MEMORY AND EUROPEAN REGIONALISM: THE SCOTTISH CASE

Козлова Д.А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ШОТЛАНДСКИЙ СЛУЧАЙ

Abstract. The region's past together with the historical memory of the people inhabiting it, undoubtedly carries lessons for the present and the future, both for the British state in particular, and for the rest of Europe as a whole. Studying the issues of historical memory helps to rethink the mechanisms of the formation of historical consciousness. It is also important when studying the role of various social strata in this process, which can include both professional historians and politicians, 'decision makers' – people on whom decision-making process depends to one degree or another. Among the set of functions that historical knowledge performs, the most significant one can be singled out – an attempt to "reconcile" the present and the past of the people as a nation. In the light of the current European agenda, a change in ideas about the status of historical memory and a searching of approaches to understanding the issues raised by the regionalization processes require a new look at the process of interaction between these spheres of public life. This article examines the issues of Scottish historical memory in the context of regionalization processes in Europe: what in this case is the history of Scotland – rather a common European tradition or a particular British case? Is it possible to look at the problem differently when both paths are not mutually exclusive?

Keywords: historical memory, Scotland, Great Britain, nationalism, federalism, European regionalism

About the author: Diana Anatolyevna Kozlova, PhD, Associated professor of the Higher School of Business of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, dakozlova@sfedu.ru

Аннотация. Прошлое региона вместе с исторической памятью населяющих его людей, несомненно, несет уроки для настоящего и будущего, как для британского государства в частности, так и для остальной Европы в целом. Изучение вопросов исторической памяти помогает переосмыслить механизмы формирования исторического сознания. Это также важно при изучении роли различных социальных слоев в этом процессе, которые могут включать как профессиональных историков, так и политиков, «лиц, принимающих решения» – людей, от которых в той или иной степени зависит процесс принятия решений. Среди множества функций, которые выполняет историческое знание, можно выделить наиболее значительную – попытку «примирить» настоящее и прошлое народа как нации. В свете актуальной европейской повестки дня изменение представлений о статусе исторической памяти и поиск подходов к пониманию проблем, возникающих в связи с процессами регионализации, требуют нового взгляда на процесс взаимодействия этих сфер общественной жизни. В данной статье исследуются вопросы исторической памяти Шотландии в контексте процессов регионализации в Европе: что в данном случае является историей Шотландии – общеевропейской традицией или конкретным британским случаем? Можно ли по-другому взглянуть на проблему, если оба пути не исключают друг друга?

Ключевые слова: историческая память, Шотландия, Великобритания, национализм, федерализм, европейский регионализм.

Об авторе: Козлова Диана Анатольевна, канд. ист. наук, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, dakozlova@sfedu.ru

Introduction

The prospect and nature of the relationship between Scotland and the European Union have been re-placed on the political agenda in connection with the referendum on UK membership in the European Union (EU). The political fiasco of Brexit in Scotland, when 1 million 660 people voted

for staying, and 1 million 018 people voted to leave [5], contributed to the development of a discussion on the historical experience of Scotland and the European Union, Scottish historical memory and its role in the context of the development of such a phenomenon as European regionalism.

Materials and methods of research

Object of research is the processes of development and transformation of the Scottish society in their socio-cultural and political context; the subject of research is Scottish historical memory and the process of European regionalism in particular.

Aim of the research – learning the features of the regionalism processes in Scotland, according to its national tradition.

Chronological frames of the article cover modern times, although with some flashbacks to the past of the region.

To achieve this aim, general scientific research methods were used, such as: description, analysis, comparative-comparative method; and also used special methods of historical research: the historical-comparative method and the cultural-semiotic approach.

Results and the discussion

In particular, M. Russell, a member of the Scottish Parliament and a former supporter of the Scottish National Party, noted that the Scots considered themselves Europeans, and accordingly, their region – part of the common European space, long before the UK ratified its membership in the EU. The politician cites a number of historical facts about the point interaction between the region and the mainland in various fields – from economics to education. Accordingly, Russell concludes that the people of Scotland have determined their choice by voting according to an established historical tradition [14].

The pro-European views of M. Russell were supported by the Sunday Herald newspaper published in Glasgow: the editors focused on the historical identity of the Scots, which, in their opinion, largely depends not only on the national character and historical memory, but also on the degree of their influence on their European neighbors through a common history of commercial interactions, intellectual and cultural exchange – that is, the external relations of regions of Europe [15].

The question raised by both the politician and the editors is relevant: the question of whether the history of Scotland and Scottish national memory are more of a common European tradition, a particular British case, or both paths are not mutually exclusive – still remains of current interest among the academic community. Moreover, what lessons can the Scottish past carry, together with it the historical memory, for the Scottish future, as well as for the future of a united Europe in the context of the development of regionalization processes?

Recently, the internal situation in the EU has been characterized by the growth of political regionalism: an increase in regional activity has been noted in Italy, Spain, Belgium and the UK [13]. It is noteworthy that work on this issue is being carried out on several levels at once: at the

national level, the governments of all countries prefer to respond to these challenges in a fairly uniform manner, namely, to pursue a policy aimed at stabilization, expansion, but, in general, a balanced composition of internal political representation. Most of them chose to delegate authority from the center to the regional authorities [11].

At the supranational level, the EU increasingly includes a regional dimension in the process of shaping and developing its policy guidelines: the establishment in 1994 of the Committee of the Regions and the expansion of the powers of the EU funds for regional policy and European structural funds have created new links between the EU and the regions within its member states.

The historical similarity between Scotland and Europe becomes especially evident when we draw a parallel with the region's southern neighbors, the British. For example, this applies to the spiritual sphere: the complete subordination of the church to the authority of the state in England, and “Calvinism of the Geneva type” – in Scotland. Also noticeable are the frequent references and desire of the Scots to adopt the Scandinavian experience (both in everyday life and in the economic one – for example, on oil issues), and the American one – from the British. At the same time, English and Welsh legal systems are based on common law, Scottish law uses a civil code based on Roman law.

Prior historical tradition viewed Scotland's history primarily within the framework of general British history, which was largely aimed at illuminating the successful integration of the two states after 1707. Touching upon the European context, the Scottish regional heritage is seen as an integral part of building a common European space in the process of universal integration, and therefore the idea of a common historical memory with the continent is gaining relevance again. It seems that the choice between these two views of Scottish history is not entirely correct. It would be more accurate to say that this or that historical tradition prevailed depending on the balance of power in the political arena. Claims that Scotland is more “European” in character and history than England are equally related to the shaping of modern Scottish identity as the basis for an independent nation-state [12].

Traditional modernization theories are based on the idea that the development of such processes as industrialization, urbanization, the development of education and the expansion of communication contribute to the homogenization of Western European society [7]. This region was not chosen by chance: it was the countries of the Western European region, as representatives of the long-established statehood, that were assigned the role of the flagship engines of modern processes.

This region is also unique in that there is a simultaneous presence of two opposite trends – integration (the formation of a single European community) and disintegration (regionalism).

At the beginning of this century, contrary to the forecasts of such modernization theories about the irreversibility of the processes of homogenization of society, regionalism (in its various forms) turned out to be one of the dominant trends. British society, as mature, stable and dynamically developing, should have been an example of such homogeneity. But historically it turned out that it was here that ethnic and interethnic contradictions again spread, which, along with universal British nationalism and regionalism, testify to the weakening of the national state.

Scientists note that regionalism in Western Europe at this time was the least expected process. For example, K. Deutsch, one of the leading scholars in the field of European integration, a sociologist and political scientist at Harvard University, considered the development of the ideas of nationalism in the middle of the 20th century as not a promising vector of movement in the North Atlantic region for the political activity of national groups [4; 9].

European regionalism develops under the influence of the historical memory of the territories, in this case – Scotland. “Healthy” nationalism promotes state building, while sympathies for supranational institutions weaken it, which can be noted in the example of Scotland, in which the surge of nationalism in the 60–70s of the XXth century and at the beginning of the XXth century is a sign of a crisis in the British state. The phenomenon of the so-called double identity is associated with these processes: a large part of the population of Scotland defined themselves as both Scots and British. Considering Scotland as a separate region (or nation), they considered England as a separate region (or nation).

Scottish historical memory traditionally carries with it the idea that the British state did not live up to its expectations. First of all, this is expressed in the fact that at the conclusion of the Union in 1707, the Scots considered themselves as an equal partner, and not a region dependent on London. Convinced that they were allied with England as an equal partner, the Scots intuitively denied that they were being ruled by a richer and possibly stronger southern neighbor [3].

It is also indicative that, according to studies, over the past quarter century no European country has become more centralized. At the same time, half of them, on the contrary, are characterized by the decentralization of powers towards the regional level of government [6]. Moreover, it is worth noting that within the framework of the European Union itself, several types of regionalism can be distinguished:

1) regionalism as devolution.

In the area of administrative powers, when European governments have delegated some of their responsibilities to regional levels of government. And here the Scottish case is a classic example: the establishment of its own parliament by the Scottish Act in 1998 and the first elections in 1999. This phenomenon, in addition to obvious historical, political and other social policy and practice [2], the system of state administration that developed after the war in the new realities is not economically profitable and ineffective. Having resorted to devolution, the central government has relinquished some of its everyday tasks, leaving the regions to independently determine the vector of their development on private issues.

2) regionalism as federalism.

This, at first glance, is a completely contradictory property of regionalism – sometimes taking federal features – serves as greater regional autonomy both within one state entity and in the vastness of the common European space. An example is the governments of the federal states of Germany or Austria, participating in the development of a common European policy not only on administrative issues, but also at the foreign policy level.

3) regionalism as nationalism.

The classical understanding of a nation is a community of people based on a single historical tradition and memory, culture, in most cases, language and religion matter. Very often, nations develop within several states. This is the key moment of the interaction of European regionalism and nationalism: since the EU consists of several member states, including many nations, the first [regionalism] helps the second [nationalism] go beyond one state and develop at the interstate level.

Multilevel governance has led to the fact that regional entities began to exert an increasing influence on decision-making in the EU; nation states, in turn, began to lose their monopoly in this area.

In this light, the example of Scotland is particularly interesting. This is a region whose people, following the path of European integration, have managed to maintain a commitment to the national memory and historical tradition of their once independent state, while resisting centripetal tendencies within the United Kingdom. Chronologically, Britain's accession to the European Union coincided with the rise of nationalism in Scotland [8]. These two events took place in parallel and were not dependent on each other. However, it seems obvious that joining the common European space allowed the nationalists to feel a certain level of confidence: having achieved the status of autonomy within the UK, they would nevertheless continue to receive support from Brussels. The rise of nationalism in the late 1960s and early 1970s, which ended in the 1979 referendum, laid the foundation for the subsequent modernization in the constitutional order of the entire British state in the long term: the establishment of parliament in accordance with the 1998 Scottish Act and subsequent elections to it in 1999. The division of responsibilities took place in such a way that the competence the regional parliament was assigned a number of issues such as health, education, legislation, agriculture, while matters relating to foreign policy remained the prerogative of Westminster. Thus, it is obvious that the interaction of the region with the EU was extremely difficult without the participation of London: the British government tightly controlled the conduct of European politics and the degree of independence of the Scottish executive power in these processes [10].

As the European Union began to interact with its territories through the implementation of regional projects, the influence of territorial authorities increased. Along with other states, Scotland is represented in the European Union through a number of formal and informal institutions. First of all, the EU interacts with the regions through legislation. However, it is worth considering the fact that as long as countries, and not regions, are members of the European Union, then the interaction between them will take place at the supranational level.

Conclusion

Historically, Scotland is a region characterized by the presence of powerful and influential regional authorities (for example, Strathclyde), which also influences the nature of relations with the European Union.

Scotland is also characterized by the presence of traditional devolutionary tendencies aimed at making localized decisions. The question of the complete independence of the territory from the UK is still open and it is assumed that its status is unlikely to be changed over the next decade.

However, the analysis of the historical experience of Scotland, as well as devolutionary tendencies of the XX – early XXI century suggests that it is the regional interaction in the European Union that is of paramount importance for the region, since it is within its framework that small countries are given the opportunity to be “heard”. This applies to both the political and economic spheres – for example, the adoption of a single currency would ensure closer interaction in the future of an independent region with one of the most powerful economies in the world.

Being subject to transformation, national consciousness, along with the historical memory of the people, contributes to changes in national thinking: a nation as a spiritual community, united by the unity of the past and its symbols, culture, and not needing independent political institutions, came to be replaced by a political nation, putting forward demands for political independence [1].

Even if Scotland does not receive the status of an independent state within the next decade, in search of explanations for many of the problems faced by Scottish society in a rapidly changing world, and attempts to find its own place in it, to define its identity along with the presence of a conflict of “native” and “imported” from a political point of view, support from the European Union will continue to be of a strategic nature, since the stronger the ties between the EU regions, the weaker the authority of the central government within the nation state [1].

Литература

1. Апрыщенко В. Ю. Травма Унии и опыт ее историзации в XVIII–первой половине XIX века // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 181-214.
2. Якубова Л. А. Социальная ситуация Великобритании второй половины XX века: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы изучения всеобщей и отечественной истории и методик их преподавания. 2014. С. 89-92.
3. Glen C. M. Regionalism in the European Union: The Case of Scotland // Contemporary European Studies. 2008. № 02. P. 59-70.
4. Deutsch K. et al. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience // Debates on European integration: a reader. New York: Palgrave Macmillan. 2006. P. 68-88.
5. Results and turnout at the EU referendum. 2019. <https://www.electoralcommission.org.uk>
6. Hooghe L., Marks G. Types of multi-level governance // European integration online papers (EIoP). 2001. V. 5. №11. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.302786>
7. Huntington S. P. The change to change: Modernization, development, and politics // Comparative politics. 1971. V. 3. №3. P. 283-322. <https://doi.org/10.2307/421470>
8. Kozlova D. A. 1980s." Independent" Scotland and the way to European union // World Applied Sciences Journal. 2013. V. 27. №13 A. P. 155-157. <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.32>
9. Lijphart A. 2. Political Theories and the Explanation of Ethnic Conflict in the Western World: Falsified Predictions and Plausible Postdictions // Ethnic conflict in the western world. Cornell University Press, 2019. P. 46-64. <https://doi.org/10.7591/9781501734281-005>
10. McLeod A. The Scottish Parliament and Europe. Scottish Parliament. Information Centre, 2003.

11. Molle W. The Economics of European Integration: Theory // Practice, Policy. 2006. V. 3.
12. Reid N. H. Pollock, Scotland, England and France after the Loss of Normandy, 1204–1296. 2016.
13. Urwin D. W. (ed.). The Politics of Territorial Identity: Studies of Developments in the European Peripheries. Sage, 1982.
14. Russell M. MSP, SP OR 28 June 2016, 2016. col. 42.
15. Sunday Herald. The weight of history demands that Scotland retain its European identity. 3rd July 2016. 2016. <http://www.heraldscotland.com/>

References

1. Apryshchenko, V. Yu. (2012). Travma Unii i opyt ee istorizatsii v XVIII–pervoi polovine XIX veka. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati*, 181-214. (in Russian)
2. Yakubova, L. A. (2014). Sotsial'naya situatsiya Velikobritanii vtoroi poloviny XX veka: problemy i puti ikh resheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya vseobshchei i otechestvennoi istorii i metodik ikh prepodavaniya* (pp. 89-92). (in Russian)
3. Glen, C. M. (2008). Regionalism in the European Union: The Case of Scotland. *Contemporary European Studies*, (02), 59-70.
4. Deutsch, K. (2006). Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. *Debates on European integration: a reader*. New York: Palgrave Macmillan, 68-88.
5. Results and turnout at the EU referendum (2019). <https://www.electoralcommission.org.uk/>
6. Hooghe, L., & Marks, G. (2001). Types of multi-level governance. *European integration online papers (EIoP)*, 5(11). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.302786>
7. Huntington, S. P. (1971). The change to change: Modernization, development, and politics. *Comparative politics*, 3(3), 283-322. <https://doi.org/10.2307/421470>
8. Kozlova, D. A. (2013). 1980s." Independent" Scotland and the way to European union. *World Applied Sciences Journal*, 27(13 A), 155-157. <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.32>
9. Lijphart, A. (2019). 2. Political Theories and the Explanation of Ethnic Conflict in the Western World: Falsified Predictions and Plausible Postdictions. In *Ethnic conflict in the western world* (pp. 46-64). Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501734281-005>
10. McLeod, A. (2003). *The Scottish Parliament and Europe*. Scottish Parliament. Information Centre.
11. Molle, W. (2006). The Economics of European Integration: Theory. *Practice, Policy*, 3.
12. Reid, N. H. (2016). Pollock, Scotland, England and France after the Loss of Normandy, 1204–1296.
13. Urwin, D. W. (Ed.). (1982). *The Politics of Territorial Identity: Studies of Developments in the European Peripheries*. Sage.
14. Russell, M. 2016. MSP, SP OR 28 June 2016, col. 42.

15. Sunday, Herald (2016). The weight of history demands that Scotland retain its European identity. 3rd July 2016. <http://www.heraldsotland.com>

Kozlova D.A. Historical Memory and European Regionalism: the Scottish Case // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 6-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/01>

Kozlova, D.A. (2021). Historical Memory and European Regionalism: the Scottish Case. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 6-13. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/01>

дата поступления: 18.04.2020

дата принятия: 12.06.2021

УДК 94(574)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/02>

Горбунова С.В.

**«ПИСЬМА ИЗ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ» СУЛТАНА МЕНДАЛИ
ПИРАЛИЕВА: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ РУССКОГО
АДМИНИСТРАТОРА НА ИМПЕРСКУЮ ПОЛИТИКУ В КАЗАХСТАНЕ**

Gorbunova S.V.

**“LETTERS FROM THE TRANS-URAL STEPPE” BY SULTAN MENDALI
PIRALIEV: AN UNOFFICIAL POINT OF VIEW OF A RUSSIAN OFFICIAL
ON IMPERIAL POLICY IN KAZAKHSTAN**

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов В.В. Григорьева на российскую политику в казахских жузах. Поскольку среднеазиатское направление было далеко не приоритетным во внешней политике Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв., центральные власти поручили непосредственные отношения с казахами оренбургскому губернатору и Оренбургской пограничной комиссии. Оренбургская, а позднее и омская, администрации не только претворяли в жизнь российскую политику на местах, но и, в свою очередь, оказывали существенное влияние на ее формирование, принимая участие в выработке большинства нормативных актов, касавшихся управления Степью. Поэтому для понимания среднеазиатской политики Российской империи, особенностей отношений с казахами и управления ими представляют интерес взгляды местных администраторов, в сферу деятельности которых входила Казахская степь. Занимавший важный пост председателя Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев предпочел изложить свою позицию широкой публике в виде писем от якобы казахского султана Мендали Пиралиева. Можно предположить, что использование этого псевдонима В.В. Григорьевым придавало большей весомости его точке зрения и давало возможность быть более свободным в характеристике политики русских властей в казахских жузах в XVIII – начале XIX вв. Эта политика, по мнению В.В. Григорьева, была ошибочной, поскольку не учитывала менталитет восточного человека и основывалась не на справедливости, а на «излишней снисходительности». Именно поэтому российская администрация не могла даже справиться с нападениями казахов на русские селения и пограничную линию, которая была возведена для отделения казахов уже после принятия ими подданства. В.В. Григорьев, возглавлявший Оренбургскую пограничную комиссию в 50 – начале 60-х гг. XIX в., когда в российских органах власти завершалось обсуждение дальнейшей судьбы Степи, рассчитывал с помощью публикации своих полемических «Писем» усилить позиции сторонников инкорпорации казахов в общеимперское политическое и правовое пространство.

Abstract. The article is devoted to the analysis of V. V. Grigoriev's views on Russian policy in the Kazakh Hordes. The interrelations with the Central Asia was not the primary one in the foreign policy of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th centuries. Therefore, the central authorities entrusted managing the Kazakhs to the Orenburg governor and the Orenburg border commission. The Orenburg and Omsk officials not only implemented Russian policy in this region, but also exerted a strong influence on its formation and took part in the development of the most normative acts in the Steppe management. Therefore, the views of local officials are of interest for understanding the Central Asian policy of the Russian Empire, the peculiarities of relations with the Kazakhs and their management. V.V. Grigoriev, who held the important post of chairman of the Orenburg Border Commission, preferred to declare his position in the form of letters from the imaginary Kazakh sultan Mendali Piraliev, because thus as we can assume his ideas got more weight and he could have felt free in describing the policy of the Russian authorities in the Kazakh Hordes. This policy, according to V.V. Grigoriev, was erroneous, because it did not take into account the mentality of an Eastern person and was based not on justice, but on “excessive indulgence”. That is why the Russian administration could not cope even with the attacks of the Kazakhs on Russian villages and the border line that had been erected to separate the Kazakhs after their taking citizenship. V.V. Grigoriev, who headed the Orenburg border commission in the 50s and early 60s. XIX century, the period of the Kazakh steppe future fate determination, perhaps expected to strengthen the positions of supporters of the incorporation of Kazakhs into the general imperial political and legal space by publishing his polemical “Letters”.

Ключевые слова: принятие российского подданства, русско-казахские пограничные конфликты, российская политика в Казахской степи, Мендали Пиралиев, ханская власть, казахские жузы.

Сведения об авторе: Горбунова Светлана Витальевна, ORCID: 0000-0001-5014-6508, канд. ист. наук, Нижневартровский государственный университет; г. Нижневартовск, Россия, s.v.gorbunova@mail.ru

Keywords: acceptance of Russian citizenship, Russian-Kazakh border conflicts, Russian policy in the Kazakh steppe, Mendali Piraliev, khan power, Kazakh zhuzes.

About the author: Gorbunova Svetlana Vitalievna, ORCID: 0000-0001-5014-6508, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, s.v.gorbunova@mail.ru

Среднеазиатское направление довольно долго находилось на периферии российской внешней политики. Даже после принятия российского подданства ханами и рядом султанов Младшего и Среднего жуза, петербургские власти продолжали считать Казахскую степь внешней областью империи, не подчиняющейся ни в коей мере общегосударственному законодательству, фактически не управляемой из центра [1, с. 110]. Проведение политики в отношении казахов было поручено оренбургским властям, в функции которых входили непосредственные сношения не только с казахами, но и всей Средней Азией. Несмотря на то, что в конце XVIII в. усилилось реальное участие центральной власти в формировании политики в этом регионе, местные имперские органы власти по-прежнему играли основную роль в этом процессе. Поэтому для понимания среднеазиатской политики Российской империи, особенностей отношений с казахами и управления ими представляют интерес взгляды оренбургских и омских администраторов, в сферу деятельности которых входила Казахская степь.

Как правило, главные оренбургские и сибирские начальники (военные губернаторы / генерал-губернаторы), чиновники по особым поручениям, председатели Оренбургской пограничной комиссии и Омского областного правления направляли изложение своей позиции в виде «записок», «заметок» и отчетов вышестоящим органам или оставляли записи в личных архивах. «Письма из Зауральской степи» В.В. Григорьева стали первой публикацией действующего чиновника, занимавшего важный пост председателя Оренбургского областного правления (так стала называться Оренбургская пограничная комиссия в 1859 г.).

Во главе Оренбургской пограничной комиссии (Областного правления) стояли, как правило, талантливые и деятельные люди. Но Василий Васильевич Григорьев был единственным руководителем этого органа, который имел востоковедческое образование (он закончил восточное отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, занимался научными изысканиями по истории Средней Азии и преподавательской деятельностью) и был теоретически подготовлен к своей должности гораздо лучше остальных администраторов. С 1844 г. В.В. Григорьев служил в министерстве иностранных дел, в 1851 г. был направлен в распоряжение оренбургского генерал-губернатора, и через три года был назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии.

В 1862 г., накануне своей отставки, он начал публиковать серию писем от имени «султана Мендали Пиралиева». Принадлежность этих писем В.В. Григорьеву была

установлена его биографом И.И. Веселовским [2, с. 199]; подробно и тщательно источниковедческие аспекты публикаций от имени «Мендали Пиралиева» и причины, побудившие В.В. Григорьева использовать такой псевдоним, рассмотрены в работе А.В. Ремнева [3, с. 33–37]. А.В. Ремнев считает, что мистификация нужна была В.В. Григорьеву, в первую очередь, для того, чтобы познакомить Россию с ее Азией через взгляд придуманного степняка, мнению которого русское общество могло бы доверять больше. Однако в «Письмах» речь идет не столько о внутренних проблемах Казахской степи, сколько о русско-казахских отношениях и деятельности русской администрации. Скорее всего, В.В. Григорьев действительно рассчитывал на большее доверие к информации от имени казаха, но для того, чтобы общественное мнение помогло скорректировать русскую политику в отношении Степи.

Кроме того, занимая важнейший пост председателя Оренбургского областного правления, он, вероятно, не рискнул представить под своим именем личную позицию по проблемам управления казахами широкой публике (на это тоже указывает А.В. Ремнев), поскольку довольно критично оценивал действия российских властей, особенно в первые десятилетия номинального казахского подданства. Впрочем, в этом взгляды В.В. Григорьева не расходились с большинством дореволюционных исследователей проблем Казахской степи, которые подвергали острой и далеко не всегда обоснованной критике политику русской администрации в XVIII – первой четверти XIX вв.

Наибольшей критике подвергались действия русских властей в отношении хана Младшего жуза Абулхаира, который первым принял российское подданство и положил начало вхождения казахов в состав России. А.И. Левшин писал о «хитрости, коварстве, властолюбии и вспыльчивости» Абулхаира [4, с. 163, 171]; Л. Мейер характеризовал хана как «лживого», «уклончивого», «хитрого», «корыстолюбивого азиатца», который «горячо и необдуманно за все брался, а при неудаче также скоро охладевал к предприятию, чтобы затеять новое» [5, с. 6]; М.А. Терентьев называл его «беспокойным авантюристом», которого казахи ненавидели [6, с. 53]; а Ф.И. Лобысевич упрекал хана в принятии подданства из «личных властолюбивых целей», рассчитывая найти в России «поддержку своему слабому авторитету» [7, с. 38].

В.В. Григорьев также считал, что решение о российском подданстве было принято Абулхаиром исключительно из корыстных побуждений. Набеги же казахов на калмыков, башкир, уральских казаков, разграбления караванов объяснял нерешительностью местной администрации, которая боялась донести до центральных властей реальное положение дел. Более того, В.В. Григорьев возлагал полную ответственность за эти набеги именно на Абулхаира. Он вслед за А.И. Левшиным даже утверждал, что до 1743 г. казахи не совершали открытые нападения на российскую территорию (что явно не соответствует истине), но, когда Россия настояла том, чтобы в аманаты был прислан законный сын Абулхаира Ходжи-Ахмед вместо побочного Чингиса, хан «озлобился» настолько, что сам подстрекал барымтачей к нападениям на русскую границу. В результате, отряды в 1000, в 2000

барымтачей вторгались в малочисленные, только что основанные русские селения и «увлекали с собою за Урал все, что не могло спастись от них или быть ими истреблено» [8, с. 12].

В.В. Григорьев, впрочем, вполне справедливо отмечал, что Россия «ровно ничего не выиграла» от подданства казахов [8, с. 14]. Создание пограничных линий, отгородивших новых подданных от российской территории, потребовало много материальных и человеческих ресурсов, но никоим образом не способствовало укреплению власти над казахами и не обеспечивало защиту российского населения от набегов. Казахи продолжали оставаться независимыми: «Вступали, не спрашиваясь России, в связи союза и присяжничества с другими государствами; столько же мало, как и до того, повиновались ханам своим и султанам, так же грабили проходившие степью караваны или брали с них тягостный окуп, так же безнаказанно разоряли русские селения, похищая из них скот и увлекая в неволю жителей, так же дрались и резались между собою по разным поводам, как и встарь» [8, с. 15].

Несмотря на это, российская центральная власть, для которой казахские, в частности, и среднеазиатские дела, в целом, стояли едва ли не на последнем месте, продолжала придерживаться ошибочной, по мнению В.В. Григорьева, линии в отношении казахов, предпочитая задабривать и подкупать ханов, султанов и влиятельных старшин [8, с. 15].

В более поздней работе «Русская политика в отношении к Средней Азии», изданной уже после отставки под своим именем, В.В. Григорьев писал: «История подходов наших к обращению киргизов из номинальных подданных в действительные представляется в высшей степени комичною, по несообразности с целию и непрактичности употреблявшихся для того мер, несообразности и непрактичности вытекавших из полнейшего незнакомства заправлявших этим делом не только со страстями кочевников и пружинами, приводящими их в действие, но даже с языком их, религиею, понятиями и нравами: разумеется, что при таких условиях чуть не каждый шаг наш долженствовал быть промахом» [9, с. 248].

Сам же В.В. Григорьев полагал, что все проблемы российских отношений с казахами вытекали из-за того, что русские администраторы не учитывали особенности менталитета «азиатцев». Именно на восприятии степняками русской власти и своего подданства он и сосредоточился в «Письмах из Зауральской орды». «Капитальною ошибкою русской политики в отношении к кайсакам, – писал он, – было убеждение, что успеха в делах с ними можно достигнуть кротостию, снисхождением, уступчивостию, подарками и ласками». «Излишняя снисходительность», зиждущаяся на христианских ценностях, была, по мнению В.В. Григорьева, совершенно непонятна для «азиатцев», рассматривалась как признак слабости и вызывала только неуважение к русской власти: «Кто допускает других оскорблять себя, обманывать и не мстить, не наказывает за это, тот не имеет, ни власти, ни силы» [8, с. 17]. «Долготерпение и уступчивость русских» только утверждали казахов в убеждении, что правительство бессильно наказать их, и тем самым власти провоцировали казахов на новые нападения и разбои. От имени казахского султана он рассуждал: «Уважает,

и крепко уважает азиатец не снисходительность ..., а справедливость, строгую справедливость. Хотите заслужить уважение азиатца, заставить его повиноваться себе, будьте, прежде всего, справедливы и строги. Снисходительность к виновному представляется в глазах его несправедливостью в отношении к правому» [8, с. 20].

Следует отметить, что не только В.В. Григорьев, но и другие оренбургские администраторы, в отличие от центральных властей, считали необходимым ужесточение ответственности казахских барымтачей за нападения на русскую границу. Занимавший пост председателя Оренбургской пограничной комиссии в 1825–1844 гг. Г.Ф. Генс в оставшихся неопубликованными заметках возмущался тем, что «киргизцам прощают все; все извиняют простотою нравов их и невежеством. Ожидают, что они просветятся, образуются и тогда сами собою отстанут от грабежей! Но никогда и ни в каком народе не выводились разбои и своеволия иначе, как наказанием преступников» [10, л. 20 об-21]. Впрочем, В.В. Григорьев и Г.Ф. Генс подчеркивали необходимость наказания только для лиц, совершивших тяжкие преступления против русского населения, и ни в коем случае речь не шла о «репрессалиях», которые бы затрагивали группы населения.

Однако центральная власть считала необходимым «приноравливаться» к казахам. В.В. Тимковский, один из создателей Азиатского департамента МИДа, командированный в 1820 г. в Оренбург с поручением разработать рекомендации по дальнейшей политике в отношении Младшего жуза, основную причину русско-казахских пограничных конфликтов видел в действиях местных российских властей, которые «по не искусству или малому усердию» только способствовали укоренению среди казахов «неустройств и смятений». Потому он предлагал рассматривать нападения и грабежи на русскую территорию всего лишь как «возмездные поиски» «для отплаты и мщения за свои страдания» [11, л. 268–268 об]. И российские власти, действительно, продолжали проводить довольно лояльную по отношению к барымтачам политику, при этом установив множество ограничительных мер для русского населения в целях недопущения конфликтных ситуаций [Подробнее: 12, с. 274–277].

Вероятно, поэтому В.В. Григорьев посчитал, что иная точка зрения будет выглядеть более убедительной, если будет обоснована от лица «образованного ордынца». Он раз за разом подчеркивает казахское происхождение якобы автора «Писем»: «Я сам, Мендали-Пиралиев, несмотря на русское образование мое, чувствую еще себя настолько азиатцем, что совершенно разделяю этот взгляд и считаю его весьма разумным» и вкладывает в уста выдуманного автора пространное рассуждение о том, что «снисходительность унижает и оскорбляет [казаха – С.Г.], а заслуженное наказание не унижит» [8, с. 20].

Политика подкупа казахской элиты могла бы быть эффективной, считал В.В. Григорьев, но оренбургские власти неразумно пользовались этим инструментом, раздавая награды и подарки не за реальные дела, а лишь за пустые обещания и мнимое подданство. При этом одариваемыми оказывались те ханы, султаны и старшины, которые

«явно и нахально обманывали правительство». Неразборчивое же «сорение подарками» приводило к неуважению, граничащему с презрением [8, с. 16].

С большой долей вероятности можно предположить, что такая острая критика политики «замирения» была во многом обусловлена событиями 50-х гг. XIX в., связанными с действиями Есета Котибарова. В советской историографии сложился образ Есета Котибарова, как руководителя национально-освободительного движения [13, с. 106–127]. В современном казахстанском мифотворчестве он предстает в образе безупречного национального героя [например: 14, с. 92–114].

Реакцией российских властей на нападения Есета и его сторонников на пограничную линию и активное участие в междоусобной войне с родом адай стали бесконечные попытки «вразумить» и «умиротворить» мятежного старшину, в том числе, и с помощью наград (15, л. 24–25об, 27 об–28].

Батыр принимал награды, заверял в преданности и через некоторое время возобновлял нападения, откочевывал в кокандские владения и возвращался снова к русской границе. В 1853 г. Есет Котибаров во главе барымтачей напал на отряд султана-правителя Арслана Джантурина, в результате чего султан и несколько человек из его окружения были убиты. Как отмечалось в отчете Оренбургской пограничной комиссии, подписанном В.В. Григорьевым, султан-правитель не предпринимал никаких мер предосторожности, «надеясь, кажется, до последней минуты жизни своей смирить Кутибарова мерами кротости и благоразумных внушений... и погиб от неуместной доверчивости к Исету» [16, л. 21 об.–22].

В.В. Григорьев, безусловно, был близко знаком с Арсланом Джантуриным, находившимся в непосредственном подчинении председателя Оренбургской пограничной комиссии, и гибель султана должна была произвести тяжелое впечатление на него. В.В. Григорьев рассчитывал, что виновные понесут наказание, но в 1858 г. Есет, воспользовавшись предложением оренбургского генерал-губернатора, явился с повинной, и был не только прощен, но и получил награду – 300 рублей серебром, освобождение от кибиточного сбора (налога, который уплачивали казахи) и в 1861 г. – должность управляющего отделением кабак рода шикли [17, с. 54].

Дальнейшие события все-таки подтвердили обоснованность такого подхода: Есет Котибаров больше не совершал нападений на русских, отказался от барымты, и в Степи, наконец, прекратились межродовые столкновения. Кипучий характер не позволил Есету оставаться без активной деятельности, но теперь уже в пользу России: он участвовал в завоевании Средней Азии на стороне русских войск, служил помощником Иргизского уездного начальника и до конца жизни оставался вполне лояльным империи. Однако в то время, когда В.В. Григорьев работал над «Письмами», было совсем неочевидным окончательное «замирение» этого мятежного батыра, и председатель Оренбургской пограничной комиссии имел все основания сомневаться в эффективности таких методов «водворения гражданственности» и считать их «ложными».

Резюмируя, что эта «ложная система действий переходила от одного начальника края к другому», В.В. Григорьев объясняет ее инерцией государственного аппарата и личными интересами местных оренбургских начальников, которые опасались ответственности в случае, если казахи, «раздраженные наказанием», перестанут придерживаться даже формального вассалитета («вдруг перестанут присягать, будет международный позор, что не смогли удержать в подданстве людей, добровольно подчинившихся») [8, с. 21–22].

В этих рассуждениях В.В. Григорьев игнорировал то обстоятельство, что центральные власти, исходя из интересов и возможностей России, изначально не были заинтересованы в реальном подчинении казахов, поэтому и избегали широкого применения силовых методов. Российские власти, включив казахов в состав России, понимали непрочность этого подданства, и считали необходимым постепенно, «приноравливаясь к местным обстоятельствам, ... готовить [казахов – С.Г.] к новому бытию политическому» [18, с. 251]. Даже накануне отмены ханской власти в Младшем жузе в 1824 г. петербургская администрация продолжала обоснованно сомневаться в необходимости включения казахов в состав империи и склонялась к тому, чтобы оставить их в номинальном вассалитете: «Может быть, гораздо выгоднее было бы, не принимая киргиз-кайсаков в число подданных России, почитать их только дружественными соседями, иметь на них влияние посредством договоров, подкрепленных в случае нужды превосходством силы, и извлекать от них возможную пользу, какую природное состояние, свойства сего народа и его географическое положение открывают» [10, л. 265]. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде, докладывая Азиатскому комитету, предлагал в отношении казахов «ограничиться на одном сильном политическом на них влиянии, а не искать управлять ими положительно» [19, л. 181 об].

Во второй половине XIX в., когда произошло реальное вхождение в состав России не только казахов, но и Средней Азии, такая позиция представлялась многим государственным деятелям (да и исследователям тоже) ошибочной и противоречащей российским интересам. В.В. Григорьев, возглавлявший Оренбургскую пограничную комиссию в 50 – начале 60-х гг. XIX в., когда в российских органах власти завершалось обсуждение дальнейшей судьбы Степи, рассчитывал с помощью публикации своих полемических «Писем» усилить позиции сторонников инкорпорации казахов в общеимперское политическое и правовое пространство.

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

РГИА – Российский исторический архив

ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

Литература

1. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 470 с.
2. Веселовский Н.И. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1887.
3. Ремнев А.В. Султан Мендали Пиралиев: История одной мистификации // Вестник Кокшетауского университета имени Ш.Ш. Уалиханова. 2006. №3(12). С. 22–37.
4. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2: Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.
5. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 414 с.
6. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб.: Типофотография В.В. Комарова, 1906. Т. 1. 536 с.
7. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях: Доп. материал для истории Хивинского похода 1873 г. СПб.: Типография т-ва «Обществ. польза», 1900.
8. Султан Мендали Пиралиев. Письма из Зауральской степи. М: Типография Бахметева, 1862. 24 с.
9. Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1874. Т. 1. С. 233–261.
10. ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3.
11. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а.
12. Горбунова С.В. «Не преследовать киргизцев в их границах ни шагу»: государственная регламентация отношений русского населения пограничных линий и казахов (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы V Международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 09–10 февраля 2016 года). Нижневартовск, 2016. Ч. II. С. 274–277.
13. Шахматов В.Ф. Исет Котибаров (К вопросу о вооруженном выступлении казахов против царизма в 1855–1857 гг.) // Известия КазФАН СССР. Серия историческая. 1946. Вып. 2(27). С. 106–127.
14. Жүрсінбаев Б.А., Жұбанышов Б.Т. Қазақстандағы азаттық қозғалыс тарихы: Оқу құралы. Алматы: «Қыздар университеті» баспасы, 2013. 377 б.
15. ЦГАРК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 408.
16. ЦГАРК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5144.
17. Перфильев А.Л. «Замирение» Есета Котибарова (к вопросу об урегулировании межродовых и пограничных конфликтов в Младшем казахском жузе в середине XIX в.) // Власть и общество в России: История и проблемы взаимоотношений: Материалы международной научной конференции. Смоленск, 2006. С. 49–54.

18. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. Т. I. 441 с.

19. АВПРИ. Ф. 161. СПб. ГА. I-1. Оп. 781. 1819-1849. Д. 489.

References

1. Vasil'ev, D.V. (2014). Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka. Moscow. (In Russian).
2. Veselovskii, N.I. (1887). V.V. Grigor'ev po ego pis'mam i trдам. 1816–1881. St. Petersburg, Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya. (In Russian).
3. Remnev, A.V. (2006). Sultan Mendali Piraliev: Istoriya odnoi mistifikatsii. *Vestnik Kokshetauskiego universiteta imeni Sh.Sh. Ualikhanova*, 3(12), 22–37. (In Russian).
4. Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisakskikh, ord i stepei. Ch. 2: In *Istoricheskie izvestiya*, St. Petersburg. (In Russian).
5. Meier, L. 1865. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. St. Petersburg. (In Russian).
6. Terent'ev, M.A. (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. 1. St. Petersburg. (In Russian).
7. Lobysevich, F.I. (1900). Postupatel'noe dvizhenie v Srednyuyu Aziyu v torgovom i diplomaticheskovoennom otnosheniyakh: Dop. material dlya istorii Khivinskogo pokhoda 1873 g. St. Petersburg. (In Russian).
8. Sultan Mendali Piraliev (1862). Pis'ma iz Zaural'skoi stepi. Moscow. (In Russian).
9. Grigor'ev, V.V. (1874). Russkaya politika v otnoshenii k Srednei Azii. *Istoricheskii ocherk*. In *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*, St. Petersburg, 1, 233–261. (In Russian).
10. GAOO. F. 166. Op. 1. D. 3.
11. RGIA. F. 1291. Op. 81. D. 44a.
12. Gorbunova, S.V. (2016). “Ne presledovat' kirgiztsev v ikh granitsakh ni shagu”: gosudarstvennaya reglamentatsiya otnoshenii russkogo naseleniya pogranichnykh linii i kazakhov (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.). In *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Nizhnevartovsk, 09–10 fevralya 2016 goda)*. Nizhnevartovsk, II, 274–277. (In Russian).
13. Shakhmatov, V.F. (1946). Iset Kotibarov (K voprosu o vooruzhennom vystuplenii kazakhov protiv tsarizma v 1855–1857 gg.). *Izvestiya KazFAN SSSR. Seriya istoricheskaya*, 2(27), 106–127. (In Russian).
14. Zhyrsinbaev, B.A., & Zhybanyshov, B.T. (2013). Qazaqstandaғы azattyq kozғalys tarikhы: Oқu qyraly. Almaty. (In Russian).
15. TsGARK. F. 4. Op. 1. D. 408.
16. TsGARK. F. 4. Op. 1. D. 5144.
17. Perfil'ev, A.L. (2006). “Zamirenje” Eseta Kotibarova (k voprosu ob uregulirovanii mezhrodovykh i pogranichnykh konfliktov v Mladshem kazakhskom zhuze v seredine XIX v.). In

Vlast' i obshchestvo v Rossii: Istoriya i problemy vzaimootnoshenii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Smolensk, 49–54. (In Russian).

18. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii) (1960). Alma-Ata, I.

19. AVPRI. F. 161. SPb. GA. I-1. Op. 781. 1819-1849. D. 489.

Горбунова С.В. «Письма из Зауральской степи» султана Мендали Пиралиева: неофициальная точка зрения русского администратора на имперскую политику в Казахстане // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 14-23. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/02>

Gorbunova, S.V. (2021). "Letters from the Trans-Ural Steppe" by Sultan Mendali Piraliyev: an Unofficial Point of View of a Russian Official on Imperial Policy in Kazakhstan. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 14-23. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/02>

дата поступления: 18.04.2021

дата принятия: 12.06.2021

УДК 94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/03>

Козьякова Н.С.

ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ АВСТРИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В 1960–1970 гг.

Kozyakova N.S.

THE PROBLEM OF DISARMAMENT AND THE ATTITUDE OF AUSTRIAN STATESMEN TO IT IN THE 1960s AND 1970s

Аннотация. Статья посвящена проблемам международной безопасности во Второй Австрийской республике в 1960–1970-е гг. Целью является рассмотрение политики нейтральной Австрии, которая заключалась в активной борьбе за сохранение и укрепление мира на международной арене, а не в «бегстве в изоляцию». Актуальность темы заключается в том, что ведущие интересы Австрии в рассматриваемый период состояли в решении всех существующих европейских проблем мирным путем и, следовательно, ядерное оружие не было размещено рядом с ее границами. Она энергично выступала на международной арене, исходя, в первую очередь, из своих собственных интересов и поддерживала решение таких проблем, как обеспечение европейской безопасности и разоружение. Исследование основано на материалах правительства Австрии, содержащих резолюции о прекращении испытаний ядерного оружия. Австрийские государственные деятели признавали важность мирного решения данной проблемы. Отдельное внимание автор уделяет немецкому вопросу. Его решение для Австрии имело большое значение, так как жизненные интересы страны требовали того, чтобы на ее границах в центре Европы не возник новый очаг опасности. Австрийское правительство до 1966 г. не высказывало отношения к связанным с обеспечением европейской безопасности вопросам, делая при этом ссылку на нейтралитет страны. В заключении делается вывод, что в качестве нейтральной страны, Австрия не могла изолироваться от инициатив стран социалистического лагеря по вопросам безопасности и сотрудничества на общеевропейском совещании в связи с наметившимися во второй половине 1960-х гг. тенденциями к разрядке напряженности.

Ключевые слова: нейтральное государство, Б. Крайский, Ю. Рааб, национальные интересы, нераспространение ядерного оружия, немецкий вопрос.

Сведения об авторе: Козьякова Наталья Сергеевна, ORCID: 0000-0002-3271-8215, канд. полит. наук, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, nkozyakowa@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to international security problems in the Second Austrian Republic in the 1960s and 1970s. The aim is to consider the policy of neutral Austria, which was an active struggle for the preservation and strengthening of peace in the international arena and not “flight to isolation”. The topic's relevance lies in the fact that Austria's leading interests during the period under review were to ensure that all European problems were resolved peacefully and, therefore, nuclear weapons were not placed near its borders. It has been very active in the international arena, based primarily on its own interests, and has supported the solution of such problems as ensuring European security and disarmament. The study is based on the Austrian Government's materials containing resolutions on the cessation of nuclear weapons testing. Austrian politicians recognized the importance of a peaceful solution to this problem. The author pays special attention to the German question. His decision was of great importance for Austria since the country's vital interests demanded that a new hotbed of danger should not arise on its borders in the center of Europe. Until 1966, the Austrian Government had not expressed its attitude to ensuring European security while referencing the country's neutrality. In conclusion, it is noted that Austria, as a neutral country, could not be isolated from the initiatives of the socialist camp countries on security and cooperation at the Pan-European conference in connection with the emerging trends in the second half of the 1960s to defuse tensions.

Keywords: neutral state, B. Kreisky, J. Raab, national interests, the nonproliferation of nuclear weapons, the German question.

About the author: Kozyakova Natal'ya Sergeevna, ORCID: 0000-0002-3271-8215, Ph.D., Moscow Region State University, Moscow, Russia, nkozyakowa@yandex.ru

Введение. В силу своего международного статуса нейтральное государство не могло быть заинтересовано в процессе вооружения. Предполагалось, что оно должно было

проявлять собственную инициативу в поддержке мероприятий, направленных на достижение мер по разоружению, так как это был одним из лучших путей укрепления безопасности государства. Австрийские государственные деятели много раз делали заявления о поддержке усилий, направленных на сохранение мира, предложений о разоружении и важности разрешения проблемы разоружения. Во время своего пребывания на посту министра иностранных дел, Б. Крайский в одном из интервью сказал: «С точки зрения Австрии любое решение проблемы разоружения, если оно будет проводиться под строгим международным контролем, надо всячески приветствовать» [1, с. 42]. Канцлер Ю. Рааб сделал высказывание в подобном стиле, отмечая, что «хотя вопрос о разоружении в первую очередь является делом великих держав, Австрия будет в меру своих сил поддерживать все усилия, направленные на сохранение прочного мира» [2, с. 114]. Согласно австрийско-польскому сообщению о визите в Польшу министра иностранных дел Австрии Б. Крайского, по мнению обеих сторон «проблема всеобщего и полного разоружения, соединенного с эффективным контролем, становится сейчас главным вопросом международной политики» [3, с. 85].

Здесь необходимо отметить, что Австрия не предпринимала никаких действий, которые были бы направлены даже на частичные меры по разоружению и вообще не проявляла в этом деле активности. В ООН австрийский представитель в связи с предложениями, чтобы Австрия стала членом Комиссии по разоружению, заявил, что «Австрийское правительство только в том случае может принять во внимание такое предложение, если оно будет сделано всеми заинтересованными государствами, в частности, четырьмя великими державами» [4, с. 248].

Материалы и методы исследования. Объектом исследования является политика Австрии по вопросам обеспечения безопасности и мира в Европе. Цель исследования состоит в осуществлении исторического анализа проблемы разоружения, которая во внешней политике Австрии занимала одно из главных мест и характеризовала в рассматриваемый период ее роль в международных отношениях. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1955 года, когда Европа раскололась на два военных политических союза. В это время шла конфронтация по существующим направлениям между социалистическим миром и политикой экспансионизма, а в конце 1960-х – начале 1970-х гг. под воздействием ослабления международной напряженности происходил постепенный переход к урегулированию спорных вопросов при помощи переговоров.

Для достижения поставленной цели использовались следующие исторические методы: источникового анализа, сравнительно-сопоставительный, синхронный и хронологический. В ходе работы над заявленной проблемой автор придерживался принципов объективности и системного подхода.

Результаты и их обсуждение. Австрийское правительство не поддержало предложений стран соцлагеря о частичных мерах по разоружению, исходя из необходимости соблюдения «равновесия страха», в том числе плана Рапацкого, несмотря на то, что его осуществление для безопасности Австрии имело бы большое значение. Во время визита в Польшу в 1960 г. министр иностранных дел Б. Крайский сделал заявление, что такие

предложения как план Рапацкого, может быть принято в случае, если они будут удовлетворять обе стороны, и таким образом, дал понять, что Австрия данный план поддерживать не будет.

Размещение на севере Италии рядом с австрийской границей американских ракетных баз австрийское правительство не подвергло осуждению, несмотря на то, что в случае войны ракеты могли быть выпущены через воздушное пространство нейтральной Австрии и направлены против стран социалистического лагеря.

В отношении разоружения австрийское общество не было согласно с пассивной позицией и требовало от правительства полной поддержки любых предложений, направленных на разоружение [5, с. 7].

О своем несогласии с внешней политикой, имевшей в базисе теорию обеспечения мира в гонке вооружения, неоднократно заявляла Коммунистическая партия Австрии, которая выражала интересы рабочих в стране. [6, с. 128] Коммунисты призывали к поддержке любой инициативы в направлении разоружения и призывали к мировым силам для воздействия на австрийское правительство и парламент, они также направили петиции и резолюции с требованием поддержки СССР о полном и всеобщем разоружении [7, с. 94].

Необходимо отметить также и тот факт, что в стране широкое распространение получила борьба за снижение расходов на армию [7, с. 35]. Известный ученый и общественный деятель Г. Тирринг в 1963 г. предложил, чтобы нейтральная Австрия под контролем ООН провела самостоятельно полное разоружение, показав, таким образом, в жизни доказательство идеи разоружения [8, с. 28]. Молодежное коммунистическое движение Австрии в 1970 г. также потребовало в 1970 г. роспуска австрийской армии. В заявлении говорилось, что в задачи Австрии входит направление своей политики на исполнение решения ООН о полном и всеобщем разоружении. Это было необходимо для того, чтобы стать показательным образцом в решении данной задачи. В 1965 г. в австрийской армии было 55 000 человек, а расходы на ее содержание составляли 2,9 млрд. шилл., что составляло примерно 4,4% бюджета страны [9, с. 52].

Но политические партии и австрийское правительство не согласились с данной инициативой и не поддержали ее. Вице-канцлер правительства Австрийской народной партии Ш. Витхальм дал отрицательную характеристику подготовки народного опроса о роспуске австрийской армии, назвав этот «безответственным делом» [10, с. 7].

Необходимо отметить заинтересованность австрийского общества в предложении СССР о всеобщем и полном разоружении, которое было внесено на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1959 г. Это выразилось в большом количестве писем, которые представители различных общественных страт направили парламенту и австрийскому правительству. Они содержали требования о включения вопроса предложения СССР в повестку дня сессии австрийского парламента, которая проходила в это время, а также большое количество подписей [7, с. 172].

В представленном на обсуждение в парламенте докладе австрийского правительства, была представлена на рассмотрение идея полного и всеобщего разоружения. Несмотря на то,

что данный вопрос обсуждался в ускоренном порядке в конце дня, а в прениях выступало только двое докладчиков от Социалистической партии Австрии и Австрийской народной партии, сам факт обсуждения подобного предложения имел положительную характеристику. Оба докладчика подчеркивали тот факт, что Австрия была заинтересована в реальной разрядке напряженности, а депутат от СПА Р. Штрасер добавил, что Австрия согласна с предложением СССР, так как оно соответствует интересам народов всего мира [12, с. 147].

Но здесь австрийское правительство не проявило инициативы и не поддержало идеи премьер-министра СССР Н.С. Хрущева о направлении для участия в обсуждении проблемы разоружения на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН глав государств и правительств.

Правительство Австрии не могло не принимать во внимание существующего внутри страны общественного мнения и, следовательно, в ООН Австрия несколько раз выступила в качестве соавтора проектов резолюций, которые касались запрета на испытание ядерного оружия.

Австрия была соавтором резолюций А/1402 (XIV), которая содержала призыв к ядерным державам о прекращении испытаний ядерного оружия [12, с. 182] и А/1252 (XIII), принятой

4-го ноября 1958 г. на Генеральной Ассамблеи ООН. В ней выражалась надежда, что совещание трех стран о прекращении ядерных испытаний, начавшееся в октябре 1958 г. в Женеве, будет иметь положительные итоги [12, с. 214].

Выступая на пленарном заседании XVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Б. Крайский полностью одобрил договор о частичном запрете ядерных испытаний, сделав акцент на том, что договор «стал большим облегчением для всего человечества», так как он «проложил путь к дальнейшим успехам в решении проблемы разоружения» [13, с. 95].

К договору о нераспространении ядерного оружия Австрия отнеслась положительно. Она подписала его 01.04.1968 г. и в качестве одного из первых государств ратифицировала его 28.03.1969 г. 13-ю статью Государственного договора содержала обязательство запрета на обладание ядерным оружием. Министр иностранных дел К. Вальдхайм и постоянный представитель Австрии в ООН Г. Хаймерле подчеркивали, что данный договор не является конечной целью, но представляет собой первый конкретный шаг по направлению полного и всеобщего разоружения [14, с. 48].

Самой главной европейской проблемой в рассматриваемый период был немецкий вопрос. Его решение для Австрии имело большое значение, так как «жизненные интересы требовали того, чтобы на ее границах в центре Европы не возник новый очаг опасности» [15, с. 45].

Австрийские государственные деятели признавали важность мирного решения данной проблемы. По мнению канцлера Ю. Клауса, «германский вопрос следует рассматривать как ключевой вопрос международной политики» [16, с. 109].

Несмотря на то, что Австрия выражать официально свою позицию по путям урегулирования немецкой проблемы воздерживалась, австрийские правящие круги

поддерживали политику, которую проводили правительство ХДС/ХСС и западные страны. Это была направленная на поглощение ГДР Федеративной Республикой Германии линия, которая могла быть исполнена при помощи проведения общегерманских выборов. Канцлер Австрии Ю. Рааб в интервью 1958 г. выразил надежду на проведение общегерманских выборов и дальнейшего воссоединения Германии [7, с. 62].

Но через несколько месяцев в интервью западногерманскому телевидению Ю. Рааб уклонялся от предыдущего высказывания и говорил, что данный вопрос должен решаться при помощи «открытого обмена мнениями в узком кругу этих держав», следовательно, урегулирование немецкого вопроса является делом только ведущих стран мира [18, с. 75].

Затронуть германский вопрос на двусторонних переговорах с ФРГ и СССР австрийское правительство побудила начавшаяся во второй половине 1960-х гг. разрядка напряженности на европейском континенте. Содержащиеся в совместных протоколах данных переговоров общие формулировки позволяют предполагать, что правительство Австрии здесь занимало осторожную позицию. Например, советско-австрийские протоколы о визите Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного в Австрию в ноябре 1966 г. содержали положение, что «решение проблемы германского мирного урегулирования должно учитывать интересы безопасности всех заинтересованных государств» [19, с. 325]. Австрийско-западногерманские протоколы о визите в марте 1969 г. в Австрию канцлера ФРГ К. Кизингера сообщали, что в рамках «справедливого европейского мирного урегулирования» должен быть решен германский вопрос [20, с. 135].

Своего отношения к решению проблемы Западного Берлина Австрия официально не выражала. Но претензии ФРГ на Западный Берлин правящие круги поддерживали. Свидетельством этому стало разрешение проведения с 13-го по 19-е октября 1960 г. в Вене так называемой «Берлинской недели».

По мнению президента Австрии Ф. Йонаса, который в это время занимал пост бургомистра Вены, «Берлинская неделя» организовывалась в политических целях [21, с. 115].

Непризнание Австрией до 1972 г. ГДР было характерной чертой ее позиции.

Австрийское правительство избегало всех действий, которые могли быть поняты в качестве косвенного признания ГДР и не желало рассматривать любые политические вопросы с ГДР. Это было вопреки экономическим интересам Австрии и требованиям деловых кругов страны, которые были заинтересованы в расширении торговли с ГДР. Контакты между внешнеторговой палатой ГДР и австрийской Федеральной Торгово-промышленной палатой установились еще до подписания Государственного договора заинтересованными торговлей с ГДР австрийскими деловыми кругами. В 1954 г. между торговыми палатами сторон было подписано первое соглашение о товарообороте. Внешнеторговой палате ГДР австрийское правительство было вынуждено разрешить открыть свое представительство в Вене.

Торговые соглашения между ГДР и Австрией регулировались заключаемыми каждый год между торговыми палатами обеих стран соглашениями. Быстрыми темпами рос объем

торговли. В 1954 г. из ГДР австрийский импорт составлял 193,5 млн. шилл., в 1960 г. – 504,8 млн. шилл., в 1970 г. – 723 млн. шилл. Соответственно, австрийский экспорт составлял 260,9; 523,1 и 680 млн. шиллингов. Развитию товарооборота между ГДР и Австрией способствовал также тот факт, что внешнеторговые органы ГДР принимали участие в Венской ярмарке, а австрийские – в Лейпцигской.

Подобная позиция австрийского правительства заключалась в давлении на Австрию ФРГ. По мнению журнала “Deutsche Aussenpolitik”, который выходил в ФРГ, следствием «диктата Бонна» было непризнание ГДР. Журнал также сообщал, что «западногерманские дипломаты в Вене с усердием, достойным лучшего применения, стараются помешать всему, что могло бы быть полезно для отношений (Австрии – Н.К.) со вторым германским государством» [22, с. 351].

Заключение. Свидетельством вмешательства правительства ФРГ в решения Австрии, которые касались ее отношений с ГДР, стала ситуация, когда во время переговоров в 1969 г. Австрии с ГДР об образовании австрийской торговой миссии в Берлине, правительство ФРГ сделало заявление. Оно содержало мысль о том, что «политическая позиция австрийского правительства по отношению ГДР не изменится также и в будущем» [22, с. 412]. Учреждение такой миссии в столице ГДР было внутренним делом Австрии, следовательно, планы утверждения австрийской торговой миссии в Берлине облегчали развитие товарообмена с ГДР при соблюдении интересов австрийских предприятий. В ответ на это австрийские государственные деятели заверили ФРГ в том, что они не намерены признавать ГДР в будущем.

Министр иностранных дел Австрии К. Вальдхайм 20-го ноября 1969 г. в Национальном совете сделал заявление, согласно которому в Берлине учреждение австрийской торговой миссии не означает изменения отношения к ГДР Австрии [23, с. 136].

В феврале 1970 г. подобное заявление сделал австрийский министр торговли О. Миттерер. Он полагал, что решение австрийского правительства об установлении с ГДР торговых связей «ни в коем случае не означает дипломатического признания ГДР» и что «глава австрийской миссии не будет обладать ни дипломатическим, ни консульским статутом» [24, с. 175].

На протяжении всего рассматриваемого периода политические силы Австрии за установление дипломатических отношений с ГДР выступали последовательно. Например, на XVII съезде Коммунистическая партия Австрии приняла резолюцию, в которой содержался призыв к установлению с ГДР дипломатических отношений. Также резолюция указывала на важность для развития экономических и других связей Австрии с ГДР данной политической акции [25, с. 417].

Председатель КПА И. Коплениг уделял особое внимание факту того, что политика австрийского правительства, которое суверенное немецкое государство, но при этом не признавало другого, противоречит «национальным интересам Австрии» и «духу нейтралитета» [26, с. 178].

По мнению газеты “Folksstimme”, «действительно, нейтральная политика должна исходить из реальной обстановки, сложившейся в Германии и что нейтральная Австрия должна иметь дипломатические отношения с обоими германскими государствами» [27, с. 214].

Выражая настроения большей части общественности Австрии, австрийская коммунистическая пресса неоднократно подчёркивала, что, проводя политику непризнания ГДР, правительство в отношении одной из своих главных задач ограничивает свободу действий в разрядке напряженности и обеспечении мира в Европе [32, с. 148]. Признание Австрией ГДР могло стать «главной предпосылкой для мирного урегулирования в Европе» [32, с. 185].

В начале 1970-х гг. давление на правительство Австрии со стороны общества и изменение в Европе политической ситуации в конечном счете привели к признанию ГДР Австрией и дальнейшему установлению между ними в декабре 1972 г. дипломатических отношений.

Необходимо отметить, что признание Австрией ГДР не было следствием коренного изменения ее политики, это продиктовала необходимость, которая вытекала из изменений в политике ФРГ, роста авторитета ГДР и сложившегося международного положения.

Литература

1. Alge S. Spreng-Sätze: Texte gegen Faschismus, Krieg und atomare Bedrohung. Erstausg. Salzburg, 1988.
2. Müller P.P. Julius Raab – ein österreichischer Baumeister: 50 Jahre Julius-Raab-Stiftung Österreich. Linz, Trauner. 2011.
3. Bauer F., Seewald E. Bruno Kreisky in Ost-Berlin 1978: ein Besuch der besonderen Art. – StudienVerl., 2011.
4. United nations. General assembly. Plenary meetings of the General assembly. Lake Success, N.Y.: UN, 1947.
5. Massiczek A. Sinn unserer Neutralität – Österreich muß Frieden stiften. Wien: Aktion f. Frieden u. Abrüstung. 1967.
6. Pecha A. Friede braucht Bewegung: Analysen und Perspektiven der Friedensbewegung in Österreich. 1. Aufl. Haid: Roithner. 2002.
7. Roithner T. Europa Macht Frieden: die Rolle Österreichs. Münster: Agenda-Verl, 2003.
8. Glatzl Ch. Abrüstung und Rüstungskontrolle in der österreichischen Sicherheitspolitik (1970-1979). Wien, 1986.
9. Wissenschaftliches Symposium, Mechanismus der Sicherheit und Probleme der Abrüstung in Europa, Wien, 29.-30. März 1974. International Institute for Peace, Wien: Gazzetta. 1974.
10. Pahr W. Vortrag von Bundesminister für Auswärtige Angelegenheiten Willibald Pahr, vor der Sondergeneralversammlung der Vereinten Nationen über Abrüstung am 1. Juni 1978. Wien, 1978.

11. Roithner T. Sicherheit, Supermacht und Schießgewähr: Krieg und Frieden am Globus, in Europa und Österreich. Wien, 2018.
12. Karner S., Stelzl-Marx B. Krieg – Folgen – Forschung: politische, wirtschaftliche und soziale Transformationen im 20. Jahrhundert. Wien – Köln – Weimar, 2018.
13. Документы ООН, 18-я сессия, пленарные заседания. Т.1. 181 с.
14. Palmisano S. Sicherheitspolitik Österreichs: Aktuelle Fragen zur Rüstungskontrolle und Abrüstung, Vertrauens- und Sicherheitsbildung. Wien, 1989.
15. Vetschera H. Die Rüstungsbeschränkungen des österreichischen Staatsvertrages: aus rechtlicher, politischer und militärischer Sicht. Wien, 1985.
16. Problems of disarmament under conditions of international detente: Vienna, 4–5 July, 1975. Vienna, 1976.
17. Roithner T. Wieviel Sicherheit braucht der Friede?: zivile und militärische Näherungen zur österreichischen Sicherheitsstrategie. Wien, 2013.
18. Scientific Symposium: Mechanism of security and disarmament problems in Europe: Vienna, 29-30 March, 1974. Wien, 1974.
19. Mueller W. Sowjetische Politik in Österreich 1945-1955: Dokumente aus russischen Archiven. Wien, 2005.
20. Uhl M. Krieg um Berlin?: die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962; Veröffentlichungen zur SBZ-/DDR-Forschung im Institut für Zeitgeschichte. München, 2008.
21. Pfeiffer R. Die DDR und Österreich 1949-1972: Beziehungen in den Jahren offizieller Beziehungslosigkeit. Aachen, 2015.
22. Graf M. Österreich und die DDR 1949-1990: Politik und Wirtschaft im Schatten der deutschen Teilung. Wien, 2016.
23. Pichler Ch. Österreich, ein besseres Deutschland?: ungleiche Partner: ungleich mächtig, ungleich erfolgreich. Marburg, 2009.
24. Staadt Jo. Schwierige Dreierbeziehung: Österreich und die beiden deutschen Staaten. Frankfurt, Main, 2013.
25. Gehler M., Steininger R. Einheit und Teilung: Österreich und die Deutschlandfrage 1945-1960; Festgabe für Rolf Steininger zum 70. Geburtstag; eine Edition ausgewählter Akten. Innsbruck – Wien, 2013.
26. Nadherny E., Panholzer P. Erinnerungen aus dem alten Österreich. Wien, 2009.
27. Bauer F. Botschafter in zwei deutschen Staaten: die DDR zwischen Anerkennung und Auflösung (1973-1990); die aktive Neutralitätspolitik Österreichs. Wien, 2006.
30. Pfeiffer R. Die DDR und Österreich 1949-1972: Beziehungen in den Jahren offizieller Beziehungslosigkeit. Aachen: Shaker, 2015.

References

1. Alge, S. (1988). Spreng-Sätze: Texte gegen Faschismus, Krieg und atomare Bedrohung. Erstausg. Salzburg.

2. Müller, P.P. (2011). Julius Raab – ein österreichischer Baumeister: 50 Jahre Julius-Raab-Stiftung Österreich.
3. Bauer, F., & Seewald, E. (2011). *Bruno Kreisky in Ost-Berlin 1978: ein Besuch der besonderen Art*. StudienVerl.
4. United nations (1947). General assembly. Plenary meetings of the General assembly. Lake Success, N.Y.
5. Massiczek, A. (1967). Sinn unserer Neutralität – Österreich muß Frieden stiften. Wien: Aktion f. Frieden u. Abrüstung.
6. Pecha, A. (2002). Friede braucht Bewegung: Analysen und Perspektiven der Friedensbewegung in Österreich. 1. Aufl. Haid: Roithner.
7. Roithner, T. (2003). Europa Macht Frieden: die Rolle Österreichs. Münster.
8. Glatzl, Ch. (1986). Abrüstung und Rüstungskontrolle in der österreichischen Sicherheitspolitik (1970-1979). Wien.
9. Wissenschaftliches Symposium, Mechanismus der Sicherheit und Probleme der Abrüstung in Europa (1974). Wien, 29.-30. März 1974. International Institute for Peace, Wien.
10. Pahr, W. (1978). Vortrag von Bundesminister für Auswärtige Angelegenheiten Willibald Pahr, vor der Sondergeneralversammlung der Vereinten Nationen über Abrüstung am 1. Juni 1978. Wien.
11. Roithner, T. (2018). Sicherheit, Supermacht und Schießgewähr: Krieg und Frieden am Globus, in Europa und Österreich. Wien.
12. Karner, S., & Stelzl-Marx, B. (2018). Krieg – Folgen – Forschung: politische, wirtschaftliche und soziale Transformationen im 20. Jahrhundert. Wien – Köln – Weimar.
13. Dokumenty OON, 18-ya sessiya, plenarnye zasedaniya. 1. (In Russian).
14. Palmisano, S. (1989). Sicherheitspolitik Österreichs: Aktuelle Fragen zur Rüstungskontrolle und Abrüstung, Vertrauens- und Sicherheitsbildung. Wien.
15. Vetschera, H. (1985). Die Rüstungsbeschränkungen des österreichischen Staatsvertrages: aus rechtlicher, politischer und militärischer Sicht. Wien.
16. Problems of disarmament under conditions of international detente: Vienna, 4–5 July, 1975. (1976). Vienna,
17. Roithner, T. (2013). Wieviel Sicherheit braucht der Friede?: zivile und militärische Näherungen zur österreichischen Sicherheitsstrategie. Wien.
18. Scientific Symposium: Mechanism of security and disarmament problems in Europe (1974). Vienna.
19. Mueller, W. (2005). Sowjetische Politik in Österreich 1945-1955: Dokumente aus russischen Archiven. Wien.
20. Uhl, M. (2008). Krieg um Berlin?: die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. In *Veröffentlichungen zur SBZ-/DDR-Forschung im Institut für Zeitgeschichte*. München.
21. Pfeiffer, R. (2015). Die DDR und Österreich 1949-1972: Beziehungen in den Jahren offizieller Beziehungslosigkeit. Aachen.

22. Graf, M. (2016). Österreich und die DDR 1949-1990: Politik und Wirtschaft im Schatten der deutschen Teilung. Wien.
23. Pichler, Ch. (2009). Österreich, ein besseres Deutschland?: ungleiche Partner: ungleich mächtig, ungleich erfolgreich. Marburg.
24. Staadt, Jo. (2013). Schwierige Dreierbeziehung: Österreich und die beiden deutschen Staaten. Frankfurt.
25. Gehler, M., & Steininger, R. (2013). Einheit und Teilung: Österreich und die Deutschlandfrage 1945-1960. In *Festgabe für Rolf Steininger zum 70. Geburtstag; eine Edition ausgewählter Akten*. Innsbruck – Wien.
26. Nadherny, E., & Panholzer, P. (2009). Erinnerungen aus dem alten Österreich. Wien.
27. Bauer, F. (2006). Botschafter in zwei deutschen Staaten: die DDR zwischen Anerkennung und Auflösung (1973-1990); die aktive Neutralitätspolitik Österreichs. Wien.
30. Pfeiffer, R. (2015). Die DDR und Österreich 1949-1972: Beziehungen in den Jahren offizieller Beziehungslosigkeit. Aachen.

Козьякова Н.С. Проблема разоружения и отношение к ней австрийских государственных деятелей в 1960–1970 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 24-33. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/03>

Kozyakova, N.S. (2021). The Problem of Disarmament and the Attitude of Austrian Statesmen to it in the 1960s and 1970s. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 24-33. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/03>

дата поступления: 18.03.2021

дата принятия: 12.05.2021

UDC 94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/04>

Nurbayev Zh.Ye., Nurbayeva S.B.

**URBAN REALM AND TEMPLE CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH ON THE CUSP OF 19TH AND 20TH CENTURIES
(BASED ON PHOTOGRAPHIC DOCUMENTS OF KOSTANAY CITY)**

Нурбаев Ж.Е., Нурбаева С.Б.

**ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ХРАМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
(по материалам фотодокументов города Костанай)**

Abstract. The article is devoted to considering “church construction” on the territory of Kostanay city, which broadly speaking includes building of churches, church government, and administrative organization. The investigations have led to a conclusion that the main factors contributing to soaring church construction in rapidly growing Kostanay city on the cusp of 19th and 20th centuries were active migration processes resulting in movement of significant number of orthodox people from European part of Russia, as well as development of missionary activities among native population. On the basis of photographic documents, the authors have characterized orthodox temple architecture, as well as subdivided churches according to “institutional principle”, composition and spatial dynamics, and style of space-planning decisions. It was found that a greater number of churches in Kostanay were the parish ones, prayer halls of temples had a single or five-domed top, the following architectural styles were distinguished in the temple construction: eclecticism, elements and techniques of provincial Baroque and classicism, national Russian style combined with the techniques of the “brick” style. Within church construction, the government was tasked with designing living environment in general, rather than religious buildings. The urban realm balanced all aspects of confessional life, included its physical, functional, pragmatic, social, as well as emotional and artistic parameters. After Orthodox temples were built and given certain functions, there were changes in the social structure of the society, the parish was growing, the number of priests was increasing, which led to changes in the urban realm. The environment is connected with

Аннотация. В статье рассматривается «церковное строительство» на территории города Костанай, понятие, которое в широком смысле включает в себя собственно строительство церквей, церковное управление, административное деление. Статья направлена на выявление факторов и особенностей церковного строительства в г. Костанай и его влияние на развитие городской среды, анализ и выявление основных закономерностей и типологических особенностей архитектурно-планировочной организации православных храмов. Сделан вывод о том, что главными предпосылками стремительного церковного строительства в быстро растущем городе Костанай на рубеже XIX–XX веков являлись активные миграционные процессы, переселение из европейской части России большого количества православного населения, а также развитие миссионерской деятельности среди коренного населения. На основе фотодокументов дается характеристика храмовому православному зодчеству, производится деление церквей по «ведомственному принципу», по композиционно-пространственному аспекту и по стилистике объемно-планировочного решения. Было определено, что большее количество церквей города Костанай были приходскими, молитвенные залы храмов имели одно- или пятикупольное завершение, в храмовом строительстве были выделены следующие архитектурные стили: эклектика, элементы и приемы провинциального барокко, классицизма и модерна, национальный русский в сочетании с приемами «кирпичного» стиля. В условиях церковного строительства была поставлена задача проектирования не столько зданий культовых сооружений, сколько среды обитания в целом. Городская среда гармонично связывала все аспекты конфессиональной жизни, включала материально-физические, функционально-прагматические, социальные и эмоционально-художественные ее параметры. Вслед за строительством православных храмов, насыщением их функционалом, происходили изменения в социальной структуре общества, увеличивался приход, расширялся штат священников, что приводило к переменам и в городской

the main elements of the urban system, having stability and variability, respectively, which resulted in a set of individual and collective creative acts. The Russian Orthodox Church had a great influence on education and the moral state of urban dwellers. A network of parochial schools was formed at each church and each temple. Such schools pursued not only educational, but also missionary goals.

Keywords: Kostanay, urban environment, photographic documents, Russian Orthodox Church, church (temple) construction, diocese, cathedral, monastery, architectural styles.

About the author: Nurbayev Zhaslan Yesseyevich, ORCID: 0000-0003-4862-6152, Ph.D., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan, nur1282@mail.ru; Nurbayeva Sailaugul Bauyrzhanovna, A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan; salli_1984@mail.ru

среде. Среда связана с основными элементами городской системы, которые обладали устойчивостью и изменчивостью соответственно, что выражается совокупностью индивидуальных и коллективных творческих актов. Большое влияние русская православная церковь оказывала на сферы образования и нравственное состояние горожан. При каждой церкви и каждом храме создавалась сеть церковно-приходских школ. Такие школы преследовали не только просветительские, но и миссионерские цели.

Ключевые слова: Костанай, городская среда, фотодокументы, русская православная церковь, церковное (храмовое) строительство, епархия, собор, монастырь, архитектурные стили.

Сведения об авторах: Нурбаев Жаслан Есеевич, ORCID: 0000-0003-4862-6152, канд. ист. наук, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан, nur1282@mail.ru; Нурбаева Сайлаугул Бауыржановна, Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан, salli_1984@mail.ru

Introduction

Evolution of the environment is an irreversible phenomenon in historical cities with architectural monuments of different periods. A small settlement of Kostanay has grown up into a large commercial and industrial regional center, which is a bearer of the multinational culture. The modern urban environment reflects historical, socio-economic, political, and cultural traditions characteristic of this region, which has been developing over several centuries.

At the present stage, in the Kazakhstani society, as well as worldwide, formation of a harmonious urban environment and adaptation of historical and architectural heritage to the modern requirements of life have become of utmost importance. The modern construction boom in Kazakhstan has set the task of designing not so much separate buildings, but the environment as a whole, harmoniously linking all its physical, functional, pragmatic, emotional, and artistic parameters.

In search of reference points for this construction, it was expectedly turned to pre-revolutionary history, history of religion and temple architecture. It has paved the way for the process of returning the lost values, i.e. restoration of the destroyed churches, reconstruction and transfer to religious organizations of the preserved ones, as well as construction of new temples of various religious affiliations. After gaining independence, Kazakhstan has begun construction of both Muslim and other religious temples, including Orthodox ones, since after Islam, Orthodoxy is the second largest religion in the Republic.

The work is aimed to specify factors and peculiarities of church construction in Kostanay city and its impact on the development of urban environment, as well as to identify and to analyze the principal patterns and typological features of the architectural and planning organization of Orthodox churches.

The research methods include use of pre-revolutionary and contemporary literary sources, periodicals and research works related to this topic, as well as collection and processing of project and photographic documents, graphic materials, archive and museum funds. The topic is an interdisciplinary one; therefore, the methods of related fields have been applied in investigating it, i.e. environmental approach, architectural analysis, historical, typological, and comparative, etc.

Historiography. The topic is of interdisciplinary nature. Material life of a city is investigated in many sciences. The same concerns its spiritual life and its certain aspects.

Taking into account multidimensional and ambivalent character of urban realm phenomenon, the authors have considered works of philosophers, sociologists, cultural experts M. Weber, U. Eco, F. Brodel [1].

A great assistance in defining architectural forms and styles was rendered by research of Russian architects. For example, Ye.A. Feoktistova considers the evolution of the city-planning culture of Kazakhstan [2], Z.V. Popova studies Orthodox architecture [3], and P.V. Mikhnova investigates the urban realm and the architectural and artistic system of historical cities of North-Eastern Kazakhstan [4]. The research of Archpriest Alexander Bertash and the collective work of Ye.R. Voznyak, V.S. Goryunov, S.V. Sementsov are also of certain interest [5].

In Kazakhstan, articles devoted to peculiarities of formation of urban space in the Modern Age are gradually appearing. Using the example of the cities of Semipalatinsk and Ust-Kamenogorsk, G.A. Sarsembayeva conducts an analysis of ethnic and social evolutions in the structure of the urban population, shows the transformation of the urban image [6].

G.A. Alpyspaeva, Sh.N. Sayakhimova investigate the role of merchants in the development of the city of Akmolinsk, including their contribution to the construction of religious buildings in the provincial city [7].

An important and unique sources of information are local history literature, literature dedicated to the history of the city of Kostanay. It is necessary to mention here the research of Kostanay historians I.K. Ternovoy, Ya.K. Dukhin, and others, who wrote both collective anthologies, fundamental monographs, and individual articles in local newspapers and journals [8].

Changes in the ethnic confessional structure of the population of the Kostanay region. In the second half of the 19th - early 20th centuries, land relations in the European part of Russia became strained, and the tsarist government, in a bid to preserve the landlord property rights in the central part, made an attempt to sort out agrarian conflicts by state incentives for resettling peasants from the populated south-western and central provinces to the remote south-eastern areas of the Empire. As a result, the ethnic characteristics of Kazakhstan was radically changed, there was a dramatic spike in proportion of the Slavic component, and hence, there were changes in the confessional structure towards increase in the number of the Orthodox population.

The growth of the Orthodox Faithful was recorded in the annual statistical reports. Between 1900 to 1911, there was a progressive growth of the Orthodox population, especially in Kostanay uyezd. In 1899, 18431 Orthodox Christians lived here; in 1911, their number made 147527 people. In Kostanay city in 1899 there were 14445 Orthodox Christians, in 1911 this number doubled to 22,596 people [9]. Let us consider the confessional structure of the population in accordance with

the First General Population Census of the Russian Empire in 1897 in a more detailed way. For instance, the census survey demonstrated that the proportion of Orthodox Christians in the Turgay region was 8.2% of the total population. For example, there were 170 Old Believers and dissenters, of whom the majority lived in Kostanay uyezd [10].

Organization of administering Orthodox parishes. These processes determined institutional structuration of Russian Orthodox Church on the territory of Turgay region. The second half of 19th century gave the start to mass construction of Orthodox churches. In 1869, in Moscow a special organization – “Missionary Society” as well as missionary camps and posts were founded to carry out the task of “Christian education of the native population”. By a special government decree, it was proposed to punish people convicted of propagating unorthodoxy among the Orthodox with imprisonment in the fortress. However, adoption of Orthodoxy by the Unorthodox was given the utmost encouragement. The government demanded that its representatives on the ground systematically inform on the situation with faith in the province and the measures taken to bolster the influence of Orthodoxy.

The territory of the modern Kostanay region was governed by the Orenburg Diocese, which was established in 1799. Before the Orenburg Diocese was formed, the territories that made it up had been under jurisdiction of the Kazan and Tobolsk Dioceses. In 1859, the Holy Synod formed two independent dioceses – Ufa and Orenburg-Ural ones. Due to active migration wave of the late 19th – early 20th centuries, the government of the diocese was made to establish two vicariates – in Uralsk and Chelyabinsk. September 10, 1908, the Chelyabinsk Vicariate was formed by the decree of the Holy Synod. November 13, 1914, within the Orenburg Diocese, a second vicariate – the Kostanay one – was established.

Findings. Due to the large influx of back-settlers, the number of churches and parishes in Kazakhstan more than doubled. After having arrived in the northern regions and halfway got settled in their houses, the immigrants immediately raised the question of building a parish church for them. Since the very beginning, they paid attention to the distance from the church, for they used to live near churches when being in Russia, and therefore, a long distance from the church was highly undesirable for them.

From 1859 to 1915, the number of churches in the Orenburg Diocese increased almost fourfold. Almost all the churches in the Orenburg governorate were built at private expense. For construction and decoration of churches and monasteries, the Synod and consistories allowed fundraising in the province or in the country.

The first project of the Russian Orthodox Church in the territory of Kostanay city was a wooden chapel in the name of Nikolay Chudotvorets. Pavel Podbelsky was appointed the first priest, who was sent to Troitsk city constructed in the Kostanay tract from the Grado-Troitskiy Cathedral [11, p. 50]. However, he paid flying visits to Kostanay, and the priest Vasily Gilyarov, whose name is associated with many charitable events in the city, permanently ministered at the chapel built [12, p. 160]. In an archival document dated 1882 it is indicated that when designing the chapel, a special place was already allocated for the construction of the church [11, p. 50].

The very first Orthodox church in Kostanay was the small **Nikolsk Church**, which was located in the center of the city (the territory of the modern Central Park). Due to the rapid growth of the city and increase in the population, one church could not cater to all the religious needs of the townspeople. Therefore, in 1886, it was decided to build a new, more spacious church.

In 1887, the wooden **Michael the Archangel Church** was founded, which was decided to be built on the outskirts, between the town and Konstantinovich village (territory of the modern Central market). The new church was built two years later on donations raised in the amount of 13 000 rubles thanks to the collections of both residents of the city and representatives of all regions of the Empire. For beauty and popularity among the prominent citizens of the Archistratigus Michael's Church was called the "merchant" one.

At that time, drunkenness was a social problem of paramount importance to the urban population. Both the city authorities and the Orthodox clergy were worried about this. Thus, the city judges petitioned the city Duma to take the most drastic measures against drunkenness, as well as for making drunk people undergo appropriate punishment [13, pp. 17-18]. At the beginning of the 20th century, the activities of religious organizations under the Michael Archangel Church were of particular importance. The largest of them was the Kostanay Temperance Association, which was engaged in educational and religious propaganda [14, p. 44].

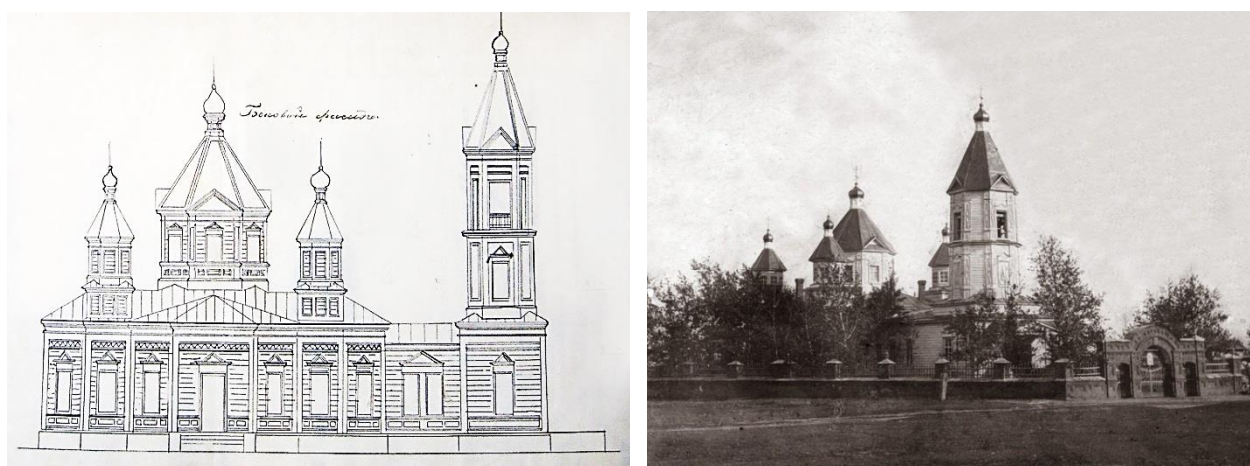

Photo 1. Construction plan and photo of the Michael Archangel Church of the early twentieth century [15]

The historical photo of Michael Archangel Church, preserved in the Kostanay Regional Museum of Local History, as well as the project plan of the Church, found in the Central State Museum of Kazakhstan enable to characterize its style, and architectural features.

The wooden church named after Archangel Michael had a size of 19 x 18 meters (or 9 x 8.5 sazhens) and was built without a single nail. The church was a unique object of the tent style in architecture. The tent style is an architectural design in the form of a multi-faceted pyramid completing the structure. The tent design in Russian architecture replaced the domes in wooden construction. In wooden buildings, unlike the stone ones, it is extremely difficult to convey the shape of the dome, the design of the tent is much simpler. It was the tents that gave the buildings a

magnificent pillar-like silhouette. Thus, the wooden temples displayed for the world in the form of a huge pointed wooden cone

The life of an Orthodox church is a continuous process of development and changes. One cannot consider a temple as a completed project, for it is developing and living together with the community. Creating a new church begins with the allocation of the community of the future parish, which is able to raise money for construction of the church and support the parish and the church itself in the future. After construction of the church is completed, chapels, a bell tower, parish houses, a church school, etc. are gradually appearing around it. From a small church, large cathedrals may grow. So, near the small wooden Nikolsk Church, the majestic stone **Nikolsk Cathedral** was built in the late 19th century.

The first mention of the intention to build a cathedral in Kostanay dates back to 1883, when, in response to the petition of its residents, the Ministry of Internal Affairs informed the military governor of the Turgay region that “The Emperor, for humbly the report of the Minister of Internal Affairs on the 10th day of November, has most graciously deigned to launch throughout the Empire voluntary donations for the construction in the newly founded Kostanay town area, at the Tobol river of a Cathedral in the name of St. Nicholas, according to the plan blessed by the Bishop of Orenburg and Ural” [16, p. 6].

The idea of building a temple was primarily determined by missionary goals. It can be confirmed by the circular of the military governor: “Construction of an Orthodox church among the Kazakh population will help win over their opinion in favour of the religion that this church will represent and, thus, will provide a significant service to missionary activity in the region, and will facilitate the most important Russian task in the region – involving Kazakhs-Mohammedans into Russian Christian citizenship” [17, pp. 302-303].

People started with some small donations, which became more regular and considerable since 1894, when an appeal to the residents of the Russian Empire was published on behalf of the specially founded “Committee for the Construction of the Cathedral Church” (headed by Archpriest P. Podbelsky). The whole country, even its most remote areas, took up the call. So, in spring of 1898, from the inhabitants of the Amur region, the committee received 831 rubles 24 kopecks – not a small amount of money for that time. June 6, 1898, the cathedral church was dedicated before a vast assembly [16, p. 6]. It was written in “Turgayskaya Gazeta”: “Every now and again, there were crowds of curious people appearing in the streets. A lot of people flocked together from the surrounding rural areas.” The consecration was performed by Bishop Vladimir of Orenburg and Ural, witnessed by the military governor of the Turgay region, Ya.F. Barabash [17, p. 303].

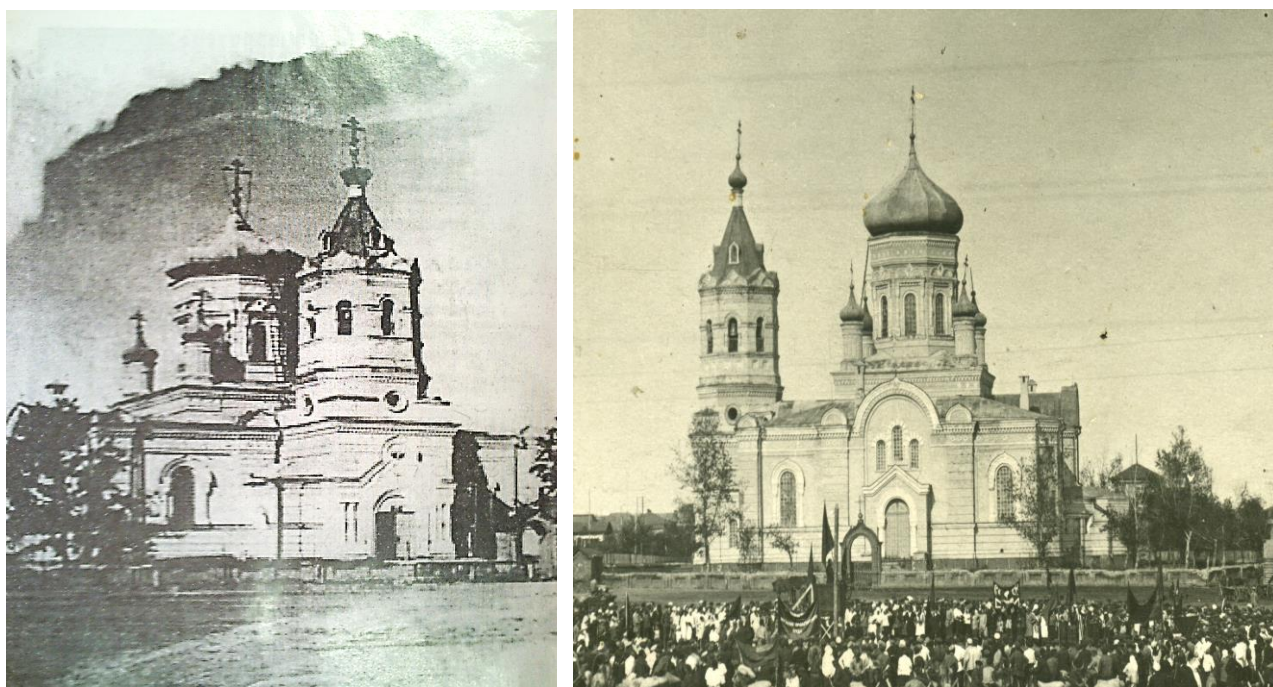

Photo 2. Nikolsk Cathedral [18]

Nikolsk Cathedral is a massive construction, the highest building in the town at that time. Its volumes and structure demonstrated the skill and experience of designers and builders. However, the name of the architect has not been found in the sources. But, there is information that Pavel Dmitriyevich Korin, a young student and successor of the famous artist M.V. Nesterov, was invited to paint the temple. Coming from the generation of icon painters of Palekh, he later became famous as the author of the grandiose idea of the painting “Rus Ukhodyaschaya” [12, p. 163].

Voluminosity of the planning solution influenced the overall verticality of the temple with the tent-shaped tops of the “bell tower” and the octagonal drum above the prayer hall, at the corners of which further four smaller decorative cupolas were installed. The building of Nikolsk Cathedral with a repressed, but expressive decoration also speaks for the knowledge and experience gained – this is one of the most valuable, but lost religious buildings in Kostanay.

Nikolskiy Cathedral was meant to play a great role not only in formation and dissemination of the ideas of Orthodoxy in the region, but also in becoming a center of enlightenment and charitable initiatives, especially revealing itself in the organization of all kinds of assistance to population in distress.

In addition to parochial schools, as far back as 1884, foundation of primary male (for 30 boys) and female (for 20 girls) parochial colleges was initiated in the city [11, pp. 64-65, 68-69].

Since 1888, a single-class college opened in the city, where A. Kilyachkov, a graduate of the Kazan Teachers’ Seminary, taught. In 1890, a church-school building was constructed, where 120 children, including students of a single-class college, began to study.

In 1891, the Society for the Care of Primary Education was established. City dwellers had an access to books by purchasing them in shops, and mainly through a free folk reading room, founded in 1892 at the church-school. By the early 20th century, there were about two thousand volumes in this reading room. Here one had an opportunity to read their favourite book or to take it home for a

while. The reading room worked under the supervision of teachers A. Kilyachkov and O. Kilyachkova [19].

In 1905, a charitable society was founded, aiming to help the poorest social ranks. Members of the society accepted donations, organized charity performances, lotteries, attended hospitals, distributed festive gifts in the orphanage, to students in need, arranged free lunches for the hungry and the restless [19, p. 138].

With the growth of the parish, the temple continued to increase, having reached its maximum size, which resulted in difficulties with performing its functions of the parish church. At this or at the previous stages, a new parish was separated from the parish and decided to build a new church. Therefore, on the cusp of the centuries, there was a need for building another temple. The **Constantino-Yeleninsk Church** of Kostanay was built in 1900, and consecrated May 21, 1901 by Archbishop Makariy (Orenburg).

From the second half of the 19th century in Russia and in the Urals a growth of monasteries was in evidence, and the female monastic community significantly exceeded the number of their brethren. In 1915, there were 9 female monasteries and communities of the Orenburg Diocese out of 14; in 1913, there were 112 men who were monks and novices, and 1880 women. All the communities of monks of the Russian remote areas were entrusted, first of all, a missionary role, but there were monastic communities emerging “from below” [20, p. 20].

The rapid increase in the number of female monasteries can be explained by the following. First of all, the quality of colonization processes became different in the locations with migration flows settled. Secondly, there was a change of the demographic structure of the region's population in gender. And, thirdly, women were characterized by a higher social vulnerability compared to the men. As a result of the changed gender and age structure of the population, monasteries began to attract widows, spinsters, orphans, disabled people and other women who had fallen out of the traditional social bondings, mutual dependence relations, and failed to find an individual niche within the worldly life [21].

So, in Kostanay, simple peasant girls showed themselves willing to establish a house of prayer. Ya. K. Dukhin describes history of forming the monastery as follows: “In 1890, Right Reverend Makariy visited Kostanay. The high church rank took the concerns and needs of the nuns to heart and gave them a promise: ‘Everything that only depends on me, and more than that, I will do to you.’ Makariy's support was of paramount importance, and his efforts were ensued by the decree of the Holy Synod on the official foundation of the female community in Kostanay in 1894. Much later, in 1907, it was transformed into a monastery. The name was given to it in honor of the Iveron Icon of the Mother of God. By the way, on the territory of the Orenburg Diocese in those years there were only two monasteries: one of them in Kostanay, the other one in Uralsk – for men [22, p. 6].

In 1892, 25 elderly women and 3 children lived in the community, who made their living mainly by arable farming. To make this community consolidate and create, the city deputies decreed to allocate to the female community six dessiatines of land for a farmstead and for arable

farming from the general city allotment of 250 dessiatines of state-owned land near the former hibernating area of Sultan Seydalin, from the border of the state horse breeding [11, pp. 107-109].

The first Mother Superior was Ye. Borodina (Hegumeness Anna), in 1915 Hegumeness Raphaila took over from her. In the “Overview of the Turgay Region” for 1899, it was reported about 144 “nuns” of the monastery. Secretary of the Orenburg Ecclesiastical Consistory Kh. Goverdovsky informed of 27 nuns and 132 novices in 1916. There was a parochial school and an orphanage for orphaned girls at the monastery” [22, p. 6]. On the territory of the monastery, there were two churches: one of them – in the name of the Holy Trinity, and the other one – in the name of Nicholas of Myra [23].

Photo 3. Design drawings of a wooden church in the Kostanay female community of Turgay region [24]

Conclusions. In this way, we could describe “church construction” on the territory of Kostanay city, the notion, which broadly speaking includes building of churches, church government, and administrative organization.

Thus, we can sum it up as follows:

- The active migration policy of the Russian Empire on the territory of Kazakhstan, especially in its northern regions, as well as the change in the Government's attitude to Islam having resulted in various measures of its containment, contributed to the fact that in the late 19th – early 20th centuries, Orthodoxy in Kazakhstan became widespread.

- The closest reasons for the establishment of dioceses were the following: this region contained within its borders a large foreign and non-Orthodox element, which at that time exceeded the number of the Orthodox population, which could have a bad effect on their religious feelings. At the same time, it was the presence of such an environment that predetermined the development of missionary work in the region.

- The migration of the population constantly updated the church construction. The immigrants, being bearers of the socio-cultural experience of the former homeland, took over the features of the new places of life. The vast majority of churches were built with funds raised by parishioners.

– According to the pre-revolutionary tradition, all Orthodox churches can be divided according to the “departmental principle”, i.e. according to who they are owned by. There are monastic temples, farmsteads, parishes, cemetery temples, house churches, court churches, churches attached to state institutions, educational institutions, military departments, charitable and spiritual-educational societies, etc. Churches, depending on their affiliation, have their own characteristics in the internal and especially external solution of the building. This is due to the significant features in the functioning of various types of churches. Thus, in the city of Kostanay there was a cathedral, a Refectory church and a monastic Orthodox temple in honor of the Iveron Icon of the Mother of God at the Kustanay female community, a cemetery church, while the rest of the city churches were parochial ones.

– From the compositional and spatial perspective, the investigated churches have: one- (*Constantino-Yeleninsk, Cemetery, etc.*) or five-domed tops over the prayer hall (*Nikolsk Cathedral and Michael Archangel Church*); the main drum is covered with a dome (*Nikolsk Cathedral*) or a tent (*Michael Archangel, Constantino-Yeleninsk, etc.*); the bell tower is covered with a tent in all churches.

– The following styles are discernible in the temple architecture of Kostanay: provincial Baroque expressed in the use of individual expressive techniques, and along with an eclectic combination of classicism elements, motifs of national Russian style are used in combination with the techniques of the “brick” style.

– Construction of Orthodox temples led to irreversible positive changes in urban life. The Russian Orthodox Church had a great influence on all spheres, first and foremost, on education. Parochial schools and colleges were founded, and reading rooms were built at them. One of the important moral and educational functions of the church was considered to be battle against drunkenness and assistance to the penitentiary system.

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP08857378)

Литература

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
2. Феоктистова Е.А. Эволюция градостроительной культуры современного Казахстана (XVIII до н.э. – XXI в.н.э.). Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. архитектуры. Екатеринбург, 2011. 27 с.
3. Попова З.В. Православное зодчество городов Северо-Восточного Казахстана (XVIII – начало XXI вв.): Автореф. дисс. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2007. 27 с.
4. Михнова П.В. Среда и архитектурно-художественная система исторических городов Северо-Восточного Казахстана (начало XVIII – начало XXI вв.): Автореф. дисс. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2007. 27 с.

5. Протоиерей Александр Берташ. Русское храмостроительство середины XIX – начала XX вв. В оценке дореволюционных и советских историков архитектуры: к историографии вопроса // Христианские чтения. Серия историческая. 2017. №5. С. 184-197.
6. Сарсембаева Г.А. Особенности формирования городского пространства Восточного Казахстана в XIX – начале XX века (на примере городов Семипалатинск и Усть-Каменогорск) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. №1. С. 80-92.
7. Alpyraeva G.A., Sayahimova Sh.N. The Role of the Merchant Class in the Development of the Provincial City of Akmolinsk (the second half of the XIX – the beginning of the XXth centuries) // Bylye Gody. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 688-698.
8. Костанайская область: прошлое и настоящее. Под ред. И.К. Тернового. Костанай, 2003. Ч.1. 409 с.
9. Обзор Тургайской области за 1899 г. Оренбург, 1901. Ведомость № 6.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Акмолинская область. Л. IX.
11. Из истории г. Костаная. Сборник документов и материалов. Костанай, 2009. 720 с.
12. Кустанай-Костанай. Очерки истории до 1936 г. Костанай, 2012. 608 с.
13. Кустанайский уезд 1917-1919. Сборник документов. Костанай, 2003. 154 с.
14. Кустанай: вчера, сегодня, завтра. Под ред. А.С. Елагина. Алма-Ата: Казахстан, 1979. 248 с.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф.25. Оп.1. Д.3571. Л.1 об.-2; Костанайский областной историко-краеведческий музей. Отдел XX. Инвентарный номер 4164.
16. Духин Я.К. В зеркале истории – Кустанайский собор: жизнь и судьба // Кустанайские новости. 1993, 18 июня. С. 6.
17. Костанайская область: прошлое и настоящее. Под ред. И.К. Тернового. Костанай, 2003. Ч. 1. 409 с.
18. Костанайский областной историко-краеведческий музей. Отдел XX. Инвентарный номер 4160, 4161.
19. Государственный архив Костанайской области. Ф.1031. Оп.2. Д.126. Л.139.
20. Королева Е.Д. Церковно-общественная жизнь православного населения Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. 27 с.
21. Конюченко А.И. Основные этапы и черты динамики монастырского строительства на Урале (дореволюционный период) // Религиозное многообразие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 2014. С.48-65.
22. Духин Я.К. И стоял в Костанае монастырь... // Костанайские новости. 1997. 11 ноября. С. 6.
23. Тихановский А. Женский Иверский // Костанайские новости. 2004, 2 ноября. С. 5.
24. ЦГА РК Ф.25. Оп.1. Д.4842. Л.1 об. 2.

References

1. Veber, M. (1994). *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. Moscow. (In Russian).
2. Feoktistova, E.A. (2011). *Evolutsiya gradostroitel'noi kul'tury sovremennogo Kazakhstana (XVIII do n.e. – XXI v.n.e.)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch. st. kand. arkhitektury. Ekaterinburg. (In Russian).
3. Popova, Z.V. (2007). *Pravoslavnoe zodchestvo gorodov Severo-Vostochnogo Kazakhstana (XVIII – nachalo XXI vv.)*: Avtorefe. diss. ... kand. arkhitektury. Novosibirsk. (In Russian).
4. Mikhnova, P.V. (2007). *Sreda i arkhitekturno-khudozhestvennaya sistema istoricheskikh gorodov Severo-Vostochnogo Kazakhstana (nachalo XVIII – nachalo XXI vv.)*: Avtoref. diss. ... kand. arkhitektury. Novosibirsk. (In Russian).
5. Protoierei Aleksandr, Bertash. (2017). *Russkoe khramostroitel'stvo serediny XIX – nachala XX vv. V otsenke dorevolutsionnykh i sovetskikh istorikov arkhitektury: k istoriografii voprosa. Khristianskie chteniya. Seriya istoricheskaya*, (5), 184-197. (In Russian).
6. Sarsembaeva, G.A. (2017). *Osobennosti formirovaniya gorodskogo prostranstva Vostochnogo Kazakhstana v XIX – nachale XX veka (na primere gorodov Semipalatinsk i Ust'-Kamenogorsk)*. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 16(1), 80-92. (In Russian).
7. Alpyspaeva, G.A., & Sayahimova, Sh.N. (2018). The Role of the Merchant Class in the Development of the Provincial City of Akmolinsk (the second half of the XIX – the beginning of the XXth centuries). *Bylye Gody*, 48(2), 688-698. (In Russian).
8. *Kostanaïskaya oblast': proshloe i nastoyashchee* (2003). Kostanai, 1. (In Russian).
9. *Obzor Turgaiskoi oblasti za 1899 g. 1901*. Orenburg, Vedomost'.
10. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Akmolinskaya oblast'. L. IX*. (In Russian).
11. *Iz istorii g. Kostanaya* (2009). *Sbornik dokumentov i materialov*. Kostanai.
12. *Kustanaï-Kostanaï* (2012). *Ocherki istorii do 1936 g.* Kostanai.
13. *Kustanaïskiï uezd 1917-1919*. (2003). *Sbornik dokumentov*. Kostanai.
14. *Kustanai: vchera, segodnya, zavtra* (1979). Alma-Ata.
15. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (dalee – TsGA RK)*. F.25. Op.1. D.3571. L.1 ob.-2; *Kostanaïskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei. Otdel KhKh. Inventarnyi nomer 4164*. (In Russian).
16. Dukhin, Ya.K. (1993). *V zerkale istorii – Kustanaïskii sobor: zhizn' i sud'ba*. Kustanaïskie
17. *Kostanaïskaya oblast': proshloe i nastoyashchee* (2003). Kostanai.
18. *Kostanaïskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei. Otdel KhKh. Inventarnyi nomer 4160, 4161*.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Kostanaïskoi oblasti*. F.1031. Op.2. D.126. L.139.
20. Koroleva, E.D. (2007). *Tserkovno-obshchestvennaya zhizn' pravoslavnogo naseleniya Orenburgskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk. (In Russian).

21. Konyuchenko, A.I. (2014). Osnovnye etapy i cherty dinamiki monastyrskogo stroitel'stva na Urale (dorevolutsionnyi period). In *Religioznoe mnogoobrazie Ural'skogo regiona. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Orenburg*, 48-65. (In Russian).
22. Dukhin, Ya.K. (1997). I stoyal v Kostanae monastyr'... In *Kostanaiskie novosti. 11 noyabrya*. (In Russian).
23. Tikhanovskii, A. (2004). Zhenskii Iverskii. In *Kostanaiskie novosti. 2004, 2 noyabrya*.
24. TsGA RK F.25. Op.1. D.4842. L.1 ob. 2. (In Russian).

Nurbayev Zh.Ye., Nurbayeva S.B. Urban Realm and Temple Construction of the Russian Orthodox Church on the Cusp of 19th and 20th Centuries (Based on Photographic Documents of Kostanay City) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 34-46. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/04>

Nurbayev, Zh.Ye. & Nurbayeva, S.B. (2021). Urban Realm and Temple Construction of the Russian Orthodox Church on the Cusp of 19th and 20th Centuries (Based on Photographic Documents of Kostanay City). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 34-46. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/04>

дата поступления: 18.11.2020

дата принятия: 12.03.2021

**О ФОРМИРОВАНИИ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ МОСКОВСКОЙ
ДИНАСТИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
(конец XIV – первая половина XV вв.)**

Shevchenko M.N.

**ON THE FORMATION OF THE PHENOMENON OF THE POWER
OF THE MOSCOW DYNASTY THROUGH THE PRISM
OF HISTORICAL ANTHROPOLOGY
(LATE 14TH – FIRST HALF OF THE 15TH CENTURIES)**

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы становления идеологии Московского княжества. Целью настоящего исследования является выявление идейных истоков и особенностей формирования идеологии правления московских государей в конце XIV – первой половине XV вв. Для достижения указанной цели, во-первых, привлекается широкий круг источников, который позволит продемонстрировать масштабы изменений теоретических основ и способов репрезентации власти московских князей; во-вторых, в основе исследования использован принцип изучения феномена власти российского направления исторической антропологии. Определены какие идеи, образы, формы и механизмы были использованы для закрепления в сознании современников новых представлений о постоянно расширявшихся властных полномочиях московских князей. В статье делается вывод о том, что созданный великодержавный образ московских правителей заложил идейный фундамент для роста политической мощи Московского княжества.

Ключевые слова: историческая антропология, междисциплинарный подход, идеология власти, московская династия.

Сведения об авторе: Шевченко Максим Николаевич, ORCID: 0000-0002-9752-8332, канд. ист. наук, Религиозная организация - духовная образовательная организация высшего образования «Омская духовная семинария Омской Епархии Русской Православной Церкви», г. Омск, Россия, maxsh1978@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the formation of the ideology of the Moscow principality. The purpose of this study is to identify the ideological origins and features of the formation of the ideology of the rule of the Moscow sovereigns at the end of the XIV – the first half of the XV centuries. To achieve this goal, the historian, firstly, draws on a wide range of sources, which will demonstrate the scale of changes in the theoretical foundations and ways of representing the power of the Moscow princes; secondly, the author took the principles of studying the phenomenon of power formulated by representatives of the Russian direction of historical anthropology as the basis for the research program of this article. Using the advantages of the existing approach, the researcher determined which ideas, images, forms and mechanisms were used to consolidate in the minds of contemporaries new ideas about the constantly expanding powers of power of the Moscow princes. The article concludes that the created great-power image of the Moscow rulers laid the ideological foundation for the growth of the political power of the Moscow principality.

Keywords: historical anthropology, interdisciplinary approach, ideology of power, Moscow dynasty.

About the author: Shevchenko Maksim Nikolaevich, ORCID: 0000-0002-9752-8332, Ph.D., Theological and church-historical disciplines, Religious organization-Spiritual Educational Organization of Higher Education “Omsk Theological Seminary of the Omsk Diocese of the Russian Orthodox Church”, Omsk, Russia, maxsh1978@yandex.ru

Введение. Со второй половины 1980-х в отечественной гуманитаристике наблюдается рост интереса к проблемам формирования идеологии царской власти и развития церковно-государственных отношений в средневековой России. Параллельно возрастал интерес к подходам и методам, практически неиспользуемым ранее в отечественной науке. Новые

исследовательские ракурсы изучения феномена власти предлагались несколькими научными направлениями. Например, представителями московско-тартуской семиотической школы (в первую очередь труды Б.А. Успенского), литературоведческим направлением во главе с выдающимся филологом А.С. Деминым (сборник «Герменевтика древнерусской литературы»), исторической антропологией, формировавшейся вокруг научных взглядов А.Я. Гуревича (прежде всего альманах «Одиссей. Человек в истории»). В настоящей статье использованы подходы и методы, предложенные представителями исторической антропологии. Исследуется проблема генезиса идейных основ власти московских государей в конце XIV – первой половине XV вв.

Известный историк-медиевист, сооснователь журнала «Одиссей. Человек в истории», Ю.Л. Бессмертный в одной из статей, опубликованной в 1995 г., предложил рассматривать феномен власти сквозь призму понятия «социокультурный способ властвования» [5, с. 15]. Строго говоря, Юрий Львович предложил не столько понятие, сколько целую исследовательскую программу. По мнению историка, подход к изучению феномена власти, основывающийся на представлении о «социокультурном способе властвования», должен был включать ряд методических установок. Согласно ученому, в ходе исследования необходимо обращать внимание на «...специфику используемых в данном социуме политических дискурсов; своеобразие представлений о власти и ее функциях, представления о допустимых (и недопустимых) видах властвования, имидж власти (включая представления о мере ее сакральности или иной трансцендентности), надежнее всего обеспечивающий покорность подчиненных; характерные черты символического оформления власти, принятые формы ее самопредъявления... различные культурные топосы, фигурирующие в политической практике. Все это – по мнению автора – может исследоваться в различных ракурсах и масштабах, в том числе с целью характеристики образа власти либо в глазах отдельных индивидов (например, выдающихся мыслителей или же рядовых подданных), либо в групповом сознании (например, сознании членов какой-нибудь «группы давления»), либо в массовом сознании» [5, с. 15].

Ряд ученых по достоинству оценили исследовательскую программу Ю.Л. Бессмертного. Предложенные принципы легли в основу научных трудов Н.А. Хачатурян и организованной ею группы историков-медиевистов «Власть и общество». Под редакцией Нины Александровны вышло значительное количество коллективных монографий [17; 21; 32; 38].

Вокруг М.А. Бойцова, начинавшего публиковаться в журнале «Одиссей. Человек в истории» в 1990-х гг. [9], к середине 2000-х гг. объединилась значительная группа единомышленников. Михаил Анатольевич, продолжая декларировать преемственность по отношению к исследовательскому кредо редакционной коллегии альманаха «Одиссей. Человек в истории» [8, с. 1–2], окончательно перенес акцент своих научных интересов на изучение проблемы генезиса образов власти и форм их публичного самопредъявления. В аннотации к коллективной монографии «Власть и образ: очерки потестарной имагологии»

под редакцией М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского фактически были сформулированы исследовательские установки значительной группы историков-медиевистов. По мнению ученых, приступая к изучению проблемы «образы власти», необходимо обращать внимание на то, «...какие системы образов участвуют в установлении отношений господства и подчинения, в приобретении и удержании власти, в выстраивании связей между различными группами элит, с одной стороны, и между господствующими и подвластными слоями общества, с другой» [12].

Историки считают необходимым выявить механизмы возникновения образов власти, определить их характер, взаимодействие и трансформацию. Согласно мнению ученых, данная тема имеет междисциплинарный статус, так как образы власти «...выражались и распространялись через тексты, ритуалы, праздники, посредством изображений, монументов, архитектурных сооружений, а также в специфической организации городского пространства» [12]. В связи с тем, что для власть предержащих необходима манифестация политических прав и преимуществ, своего социального доминирования, для правящей элиты является насущным создание своего положительного, успешного религиозно-политического образа, к которому подданные будут относиться с подобающим уважением и доверием [10, с. 12–16].

Отметим, что часть исследовательских принципов, предложенных Ю.Л. Бессмертным – М.А. Бойцовым, в том или ином виде использовалась в исследованиях советских искусствоведов, отчасти историков древнерусской литературы и историков-византистов. На страницах академических изданий («Древнерусское искусство», «Труды Отдела древнерусской литературы», «Византийский временник») время от времени появлялись труды, посвященные изучению проблемы «образов власти». Отечественные ученые обращали внимание, что в иконописи, фресках, храмовой и светской архитектуре, памятниках переводной и оригинальной литературы, вошедших в древнерусские летописные сборники и хронографы, придворных церемониалах и т.д. находили отражение представления о пределах и прерогативах княжеской, а затем и царской власти. Тем не менее следует признать, что Ю.Л. Бессмертному и М.А. Бойцову удалось не только обобщить опыт предшественников, но и лаконично сформулировать ключевые принципы исследования феномена власти, его образов, форм и механизмов репрезентации.

Основная часть. Последнюю треть XIV в. исследователи справедливо связывают с подъемом национального самосознания [33; 37]. Вместе с тем это время укрепления позиций московской династии в Северо-Восточной Руси. Данную эпоху можно назвать периодом формирования первых принципов идеологии власти московских князей. Новые религиозно-политические представления нашли отражения в литературе, практике поминовения, саккосе митрополита Фотия, дипломатических отношениях, культовой архитектуре (в том числе архитектуре малых форм), храмовом интерьере, иконописи (в настоящем исследовании мы оставили за скобками материал нумизматики, сфрагистики, геральдики).

При анализе различных типов источников можно выделить как общие, так и уникальные идеи, нашедшие отражение в одном-двух памятниках. Идеи, характерные для большинства рассмотренных нами источников, можно объединить в ряд положений:

- единовластие утверждалось в качестве непререкаемой основы религиозно-политического процветания;
- исключительные права и полномочия московской династии интерпретировались в значении неотъемлемого условия практического осуществления единовластия;
- с единовластием было связано представление о политической независимости русских земель;
- обосновывалась политическая и династическая филиация Московского княжества по отношению к религиозно-политической традиции Киевской и Владимиро-Суздальской Руси;
- доказывалась особая историческая роль московской династии и ее общерусское значение;
- осуществлялась сакрализация власти представителей московской династии, с которой связывались эсхатологические, сотериологические и мессианские ожидания.

К уникальным идеям на данном этапе развития идеологии московской династии можно отнести темы «царской» и «самодержавной» власти, истоки формирования темы «Москва – Новый Иерусалим».

Такие литературные произведения как «Задонщина», «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», «Повесть о Темир-Аксаке», «Сказание о нашествии Едигея» объединяет интерес к вопросам политической независимости, церковно-религиозных и государственно-политических связей Москвы, Владимира и Киева, противостояния Руси и Орды, в котором формировался облик московских государей, христианских «царей» [13, с. 34–37; 26, с. 351–352; 28, с. 157; 29, с. 124–125].

Тема династической преемственности киевских и московских государей по-разному раскрывалась в литературных произведениях. Например, в «Задонщине» Дмитрий Донской напрямую назван родственником киевского князя Владимира, тогда как в «Слове» и «Повести» московская династия становится правопреемницей киевского и владимиро-суздальского церковно-политического наследия при помощи фигуры московского князя Ивана Даниловича [26, с. 351; 29, с. 124–125].

В литературных памятниках нередко делался акцент на исторической роли равноапостольного князя Владимира. Часто в письменных источниках приводилась пространная характеристика церковно-религиозного и политического значения данной фигуры для древнерусской истории. С именем киевского князя связана мысль о богоустановленной династии Рюриковичей и первое литературное упоминание титула «царь». Благодаря крещению Русь стала частью христианкой/мировой истории.

На положении о преемственности Киева, Владимира и Москвы основано несколько ключевых постулатов идеологии московской династии рассматриваемого периода:

- формулируется преимущественное право на обладание землями Древней Руси;

– утверждается исключительное право Москвы именоваться церковно-религиозным центром православной Руси;

– постулируется правовой статус Владимирского княжества в качестве наследуемой территории;

– закрепляется суверенное право наследования титула великий князь исключительно по «божьей воле» [13, с. 34–37; 26, с. 351–352; 28, с. 155–157; 29, с. 124–125].

В указанной литературе присутствуют сюжеты, характерные для отдельных произведений. Например, в «Слове» появляется тема «Иерусалима». Московское княжество эпохи Дмитрия Донского названо «землей обетованной» [26, с. 353], местом, с которым связан грядущий «золотой век» древнерусского общества и Церкви. В «Повести» тема «Иерусалима» раскрывается полнее. В соответствии с библейским сюжетом о чудесном избавлении Иерусалима молитвами пророка Исайи и царя Иезекииля (4 Цар. 19), Москва (по-видимому, Новый Иерусалим) благодаря заступничеству Богородицы, святителя Петра и молитвам Василия I обрела спасение от разграбления армией Тимура [29, с. 127].

В «Слове» вводится тема «царской» власти и «царства». Итоги эпохи князя Дмитрия Ивановича описываются с употреблением титула «царь», а владения князя, под которыми подразумевается вся русская земля, названы «царством» [26, с. 353, 355, 359, 360, 364, 366]. Однако в «Повести» и «Сказании» на фоне азиатских царей Тохтамыш, Тамерлана и Булата князь Василий Дмитриевич предстает «самодержцем земли Русской» [28, с. 155; 29, с. 124–125]. По мнению авторов «Сказания», независимо от воли ордынских ханов, по родительскому благословению и «божьей воле», за представителями московской династии закрепился титул «великий князь всея Руси» [28, с. 157].

В тексте «Слова» высказана мысль о географической и этнической детерминации титула «царь». Царского титула достойны христианские государи многих народов, если они выполняют определенные функции в отношении Церкви, веры и православного населения. Например, «греческая земля» воздавала честь императору Константину, князю Владимиру равноапостольному «кланялась» Киевская Русь, а князю Дмитрию Донскому воздавали хвалу все народы «Русской земли» [26, с. 366]. Из «Повести» следует, что в понимании книжника данной эпохи «царский» титул могли носить и православные византийские императоры, и ханы азиатских государств. Проанализированные источники не позволяют утверждать, что в конце XIV – начале XV вв. представления русских книжников о «царском» титуле были связаны с образом Христа Пантократора и, как следствие, с особой харизмой «царской» власти. Тем не менее, в перечисленных произведениях с Московским княжеством и московской династией связывалась сакральная объединяющая и преобразующая сила древнерусской истории. По всей видимости, в рассматриваемый период титул «царь» и «самодержец» имели различную коннотацию употребления. В первом случае упор делался на церковно-религиозном значении, с присущим ему эсхатологическими, сотериологическими и мессианскими акцентами, во втором случае подчеркивалось

государственно-политическое значение, с характерным для него особым вниманием к суверенитету и субординации в составе древнерусской аристократии.

Для обоснования церковно-политических притязаний московских государей в древнерусской литературе использовались различные приемы и механизмы. Помимо уже упоминавшейся генеалогической линии, в литературе мог применяться прием «уподобления» князя-современника выдающейся историко-легендарной фигуре (библейским царям, императору Константину, князю Владимиру) по личным заслугам и достоинствам. Среди прочих добродетелей московских «самовластцев» обычно выделялись духовно-нравственная чистота, религиозно-политическая дальновидность, историческая проницательность [26, с. 351–352]. Использовался и прием «смешения жанров». Например, в одном сочинении могли соседствовать фрагменты из письменных памятников юридического характера и хвалебных отзывов. Так, отрывок из Духовной грамоты Дмитрия Ивановича был размещен в рукописи «Слова». Данный эпизод, по мысли книжника, обосновывал законное право московской династии на владение Владимирским княжеством [26, с. 358; 19, с. 34]. Такой прием давал возможность формировать «новую реальность» для достижения соответствующей цели из подходящих легендарных, мифических, исторических сюжетов. «Новая история и современность» становились основой амбициозной московской церковно-государственной политики. Терминология церковного языка («по божьей воле», «в соответствии со святоотеческой традицией» и др.) использовалась для обоснования легитимности нововведений.

Следует отметить, что рубеж XIV–XV вв. связан и с изменениями в древнерусской религиозности, которые были обусловлены приближением времени «последних дней». В данную эпоху менялись взгляды на посмертную участь людей. Образ блаженного восхождения каждой крещеной души в Рай смещался на периферию религиозного сознания. Во главу угла ставились приоритеты «малой» эсхатологии. На первый план выходила дихотомия грешности и праведности. Тема «индивидуальной» посмертной участи, распределения мест пребывания праведных и грешных душ до времени свершения Страшного суда и заупокойно-поминальный культ стали определять содержание эсхатологических представлений [2, с. 45–164]. В этой связи представляет интерес согласие Василия Дмитриевича вернуть отмененный при его отце порядок поминания византийских императоров на литургии в русских храмах. Однако митрополит Киприан пошел дальше. Первосвященник обновил порядок поминания монарших особ. Около 1395 г. в русской митрополии был введен «цареградский синодик», где было дано объяснение «...какъ православныхъ Царіи поминати, такоже и Князей Великихъ, и мертвыхъ, и живыхъ...» [1, с. 17]. Данный сюжет заслуживает внимания и может свидетельствовать, во-первых, в пользу желания князя уладить конфликт с константинопольскими властями; во-вторых, о стремлении учредить на подвластной территории порядок поминания московских князей по византийскому образцу.

Идея сакрализации власти представителей московской династии в контексте меняющейся эсхатологической модели реализована и в «большом» саккосе митрополита Фотия (пошит между 1414–1417 гг. [4, с. 348–349; 30, с. 477]). Как и положено для архиерейского торжественного облачения, на одеждах красочно изображены основные евангельские темы, от Благовещения до Воскресения. В миниатюре «Сошествие во ад» изображены две супружеские пары: князь Василий I с княгиней Софьей и зять московского князя, будущий византийский император, Иоанн VIII Палеолог с княгиней Анной [23, с. 88–89]. В сюжете, по-видимому, подчеркивался династический союз с византийским императорским домом. Расположение княжеских и царских персон связано с экзегетикой Нового Завета. Миниатюра «Сошествие во ад» находится рядом с миниатюрой «Распятие». Согласно восточно-христианскому богословию, сюжеты «Распятие», «Сошествие во ад» и «Воскресение» представляют собой кульминацию земной миссии Христа. Богочеловек осуществил искупление греха и открыл для человечества возможность спасения, поскольку диавол утратил неограниченную власть [22, с. 172–176].

На наш взгляд, в контексте формирования новой идеологии власти на московскую династию была возложена мессианская идея. Оба рассмотренных факта из церковно-религиозной жизни Руси конца XIV – начале XV в. свидетельствует о новом шаге в направлении сакрализации власти московских князей.

К началу XV в. важные изменения в идеологии власти московских государей нашли отражение и в дипломатических отношениях. В посланиях к московским государям император Иоанн VI и патриарх Исидор в обращении к адресату используют титул «великий король Московский и всея Руси» [31, стб. 14–40]. Например, обращаясь к смоленским князьям, константинопольские власти употребляли более простой титул – «великий король». В истории псковско-ливонских отношений сохранились грамоты (1417 г.), в которых московский государь титулован “*keiser Wassile Dymittrius*” [16, с. 319]. По всей видимости, уже на данном этапе небольшие государства готовы были в дипломатической переписке использовать титул «царь» по отношению к представителям московской династии.

О новой идеологии власти свидетельствовала и архитектура Московского княжества. В ней воплотились идеи церковно-религиозной и династической преемственности, идея объединения русских земель и мысль о мессианском значении московской династии. В литературе отмечено немало общих черт между архитектурными памятниками Москвы и Владимира [3, с. 40; 14, с. 238; 24, с. 135]. В конце XIV – начале XV вв. был возведен ряд выдающихся храмов [15, с. 40]. Особое внимание исследователей привлекает иконостас Благовещенского собора, в деисусный чин которого вошли изображения ростовых фигур апостолов, святителей, великомучеников, преподобных (Даниил Столпник, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Дмитрий Солунский и др.), являющиеся небесными покровителями московских князей [6, с. 61–65, 68–89]. Напомним, что богословское значение Деисуса состоит в молении Христа Пантократора и Судии о пощаде и заступничестве. В «богословской вертикали» иконостаса отражена история человечества в

контексте реализации Божьего Промысла о мире, где ключевой идеей выступает мысль о спасении рода человеческого [6, с. 70]. Интерпретация деисусного чина с использованием изображений небесных покровителей московских князей, видимо, должна была подчеркнуть и церковно-религиозное, и государственно-политическое значение московских правителей, придав их власти сакральный характер.

Церковно-государственные амбиции московской династии нуждались в сакральных артефактах. Со второй половины XIV в. особой заботой московских князей стало собирание наиболее значительных христианских святынь (иконы, мощи, утварь и т.д.), до которых могла дотянуться их властная рука. В 1380 г. из Дмитриевского собора города Владимира в Москву перенесли икону Дмитрия Солунского, которую, согласно преданию, «греческие» мастера написали на «гробной доске» святого воина. Из Фессалоник на Русь икона прибыла в 1197 г. [27, стб. 422, 437]. Позднее из Дмитриевского собора в том же направлении проследовал серебряный киворий (выкован в середине XI в.), который, вероятно, являлся хранилищем фрагментов ризы христианского великомученика [34, с. 220; 35, с. 255]. По преданию, в честь триумфа на Куликовом поле византийский император одарил князя Дмитрия Ивановича иконой, на которой был изображен Дмитрий Солунский на коне. По приказу князя Василия Дмитриевича икону великомученика дополнили окладом, который был украшен изображением святых Иоанна Златоуста и Василия Великого [25, с. 25]. По-видимому, образ святого патрона своего отца Василий I дополнил ликами небесного покровителя деда и собственного патрона, следуя принципам концепции тройного патроната [6, с. 63]. К сакрализации московской династии так же относится доставка Владимирской иконы Божией Матери в Москву по случаю ожидаемого нашествия Тамерлана. В этом же контексте следует рассматривать и рельеф воина-змееборца, изображенного на Спасском соборе Спассо-Андроникова монастыря в Москве (построен в 1410–1427 гг. [3, с. 9–11]). Согласно мнению ученых, образ змееборца стал соотноситься современниками с князем Василием I в связи с чудесным избавлением Московского княжества от разорения войсками Тамерлана [11, с. 186–187; 20, с. 217].

С конца XIV в. для московской династии Дмитриевский собор города Владимира стал предметом особого почитания [18, с. 13–14]. Вместе с тем Владимирскую Рождественскую обитель своим вниманием почтила супруга князя Дмитрия Ивановича княгиня Евдокия Дмитриевна с княжичем Василием. Близкие родственники великого князя сделали вклад на помин души, о чем сохранилась соответствующая запись во вкладной книге монастыря [36, стб. 342].

Заключение. Исследовательские принципы, предложенные Ю.Л. Бессмертным и М.А. Бойцовым, во-первых, позволяют существенно уточнить время, обстоятельства и последовательность возникновения тех или иных религиозно-политических тем в идеологии власти; во-вторых, дают возможность определить образы, формы и механизмы презентации данных тем; в-третьих, помогают исследователю выявить более широкий круг субъектов, на которых призваны были оказать воздействие новые идеологические конструкции. Опираясь

на данный подход, можно утверждать, что из ключевых тем древнерусской идеологии власти («перемещение» религиозно-политических столиц) первой в источниках нашла отражение тема «Москва – Новый Иерусалим», затем «Москва – Новый Константинополь» и, наконец, «Москва – Третий Рим». Важно отметить, что тема «Москва – Новый Константинополь» была тесно связана с темой «Москва – Новый Киев». Более того, первая тема имплицитно присутствовала в последней: средневековому книжнику было одинаково важно обосновать статус Москвы в качестве «Нового Константинополя» и объяснить, как и почему столица древнерусской государственности переместилась из Киева во Владимир и далее в Москву. Киев, так же, как и столицы южнославянских царств, ориентировался на идеологию «Нового Константинополя».

Перечисленные темы были связаны с идеей организации централизованной, суверенной державы, введения и фундирования монархического принципа управления страной, учреждения автокефалии Церкви под опекой династии московских князей. Новые представления о власти московских государей основывались на нескольких базовых тезисах:

- между Киевом и Москвой существует династическая и политическая преемственность;
- суверенитет и религиозно-политический статус московских государей выражен в титулах «самодержец» и «царь»;
- московской династии принадлежит общерусское значение, которое закреплено в титулярном элементе «всяя Руси»;
- с московской династией связаны мессианские и эсхатологические ожидания.

Опираясь на подход Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова, мы смогли установить, какие образы, формы и механизмы были использованы для закрепления в сознании современников новых представлений о прерогативах власти московских «самовластцев». Религиозно-политические представления выражались с помощью символики библейских сюжетов, образов отеческого предания, широкого использования примеров древнерусской и всемирной истории. Литературные произведения, памятники церковно-религиозной письменности и дипломатической практики, богослужебные одежды митрополита и многочисленные памятники церковного искусства стали теми формами, посредством которых происходило продвижение новых религиозно-политических идей. Идеология была ориентирована на широкие слои древнерусского населения, русскую и зарубежную аристократию, глав государств и княжеств.

Вне всяких сомнений, репрезентация образа богоустановленной династии и великой державы усилила позиции Московского княжества в борьбе с оппонентами. Идеологам удалось сформулировать новые для тех политических реалий принципы легитимности власти и подчинения, обосновать церковно-государственную политику московских правителей, заложить идейный фундамент для наращивания политической мощи Московского княжества.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1841. Т. I. 607 с.
2. Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
3. Архитектурные памятники Москвы XV–XVII вв. М.: Изд-во Акад. Архитектуры СССР, 1947. 100 с.
4. Барков А.Г. «Малый саккос митрополита Фотия» из собрания Музеев Московского Кремля. Проблемы стиля и датировки // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: [сб. ст.]. М.: Северный Паломник, 2009. С. 348–375.
5. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1995. М.: Наука, 1995. С. 4–19.
6. Бетин Л.В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. / отв. ред. О. И. Подобедова. М.: Наука, 1970. С. 57–73.
7. Бетин Л.В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. / отв. ред. О. И. Подобедова. М.: Наука, 1970. С. 41–57.
8. Бойцов М.А. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начала XVI в.: автореф. дис. ... док. истор. наук. М.: Цифровичок, 2010. 44 с.
9. Бойцов М.А. Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV–XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1995. М.: Наука, 1995. С. 37–67.
10. Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–37.
11. Вагнер Г.К. От символа к реальности: развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.: Искусство, 1980. 267 с.
12. Бойцов М. А., Успенский Ф. Б. Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
13. Адрианова-Перетц В.П. Воинские повести Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 359 с.
14. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. II. 560 с.
15. Гончарова А., Зонова А., Хамцов А. Древние соборы Кремля. М.: Московский рабочий, 1960. 99 с.
16. Валка С.Н. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

17. Хачатурян Н.А. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып.1. М.; СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
18. Косаткин В.В. Дмитриевский собор в губ. гор. Владимире. Владимир: Владим. учен. архив. комис., 1914. 39 с.
19. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подготовка к печати Л.В. Черепнин. Под ред. С.В. Бахрушина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
20. История русского искусства / под общ. ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. 748 с.
21. Хачатурян Н.А. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М.: Наука, 2004. 540 с.
22. Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. СПб.: Тип. Р. Голике, 1883. Т. II. Изд. 4. 674 с.
23. Назаревский В.В. Из истории Москвы 1147–1913. Иллюстрированные очерки. М.: Сварог, 1996. 470 с.
24. Очерки истории СССР / отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. Ч. 2. 812 с.
25. Писарская Л.В. Памятники византийского искусства V–XV веков в Государственной Оружейной палате. Л.; М.: Советский художник, 1964. 104 с.
26. Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. 536 с.
27. Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. I. Вып. 2. Стб. 289–488.
28. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. Т. XVIII. 321 с.
29. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. VI. 358 с.
30. Прохоров Г.М. Фотий, митрополит Киевский и всея Руси // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 475–484.
31. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1880. Т. VI. Ч. I. Изд. 2. IV с., 1336 стб.
32. Хачатурян Н.А. Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006. 484 с.
33. Лихачев Д.С. Сказания и повести о куликовской битве. Л.: Наука, 1982. 424 с.
34. Смирнова Э.С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 220–254.
35. Стерлигова И.А. Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 255–273.

36. Тихонравов К.Н. Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Известия Императорского Археологического общества. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1863. Т. IV. Стб. 338–369.

37. Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. XXXIV. 413 с.

38. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с.

References

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei (1841). St. Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gos. bumag, (I), 607. (In Russian).

2. Alekseev, A.I. (2002). Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian).

3. Arkhitekturnye pamyatniki Moskvy XV–XVII vv (1947). Moscow. (In Russian).

4. Barkov, A.G. (2009). “Malyi sakkos mitropolita Fotiya” iz sobraniya Muzeev Moskovskogo Kremlya. Problemy stilya i datirovki. Moskovskii Kreml' XIV stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: Pamyati Svyateishogo Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II: [sb. st.]. Moscow, Severnyi Palomnik, 348–375. (In Russian).

5. Bessmertnyi, Yu.L. (1995). Nekotorye soobrazheniya ob izuchenii fenomena vlasti i o kontseptsyakh postmodernizma i mikroistorii. In Odissei. Chelovek v istorii, Moscow, Nauka, 4–19. (In Russian).

6. Betin, L.V. (1970). Istoricheskie osnovy drevnerusskogo vysokogo ikonostasa. In Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Moskvy i prilezhashchikh k nei knyazhestv XIV–XVI vv, Moscow, Nauka, 57–73. (In Russian).

7. Betin, L.V. (1970). Ob arkhitekturnoi kompozitsii drevnerusskikh vysokikh ikonostasov. In Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Moskvy i prilezhashchikh k nei knyazhestv XIV–XVI vv, Moscow, Nauka, 41–57. (In Russian).

8. Boitsov, M.A. (2010). Politicheskii tseremonial v Svyashchennoi Rimskoi imperii XIV – nachala XVI v.: avtoref. dis. ... dok. istor. nauk. Moscow, Tsifrovichok. (In Russian).

9. Boitsov, M.A. (1995). Skromnoe obayanie vlasti (K obliku germanskikh gosudarei XIV–XV vv.). In Odissei. Chelovek v istorii. Moscow, Nauka, 37–67. (In Russian).

10. Boitsov, M.A. (2010). Chto takoe potestarnaya imagologiya? In Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii, St. Petersburg, Aleteiya, 5–37. (In Russian).

11. Vagner, G.K. (1980). Ot simvola k real'nosti: razvitie plasticheskogo obraza v russkom iskusstve XIV-XV vekov. Moscow, Iskusstvo. (In Russian).

12. Boitsov, M.A., & Uspenskii, F.B. (2010). Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii. St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian).

13. Adrianova-Peretts, V.P. (1949). Voinskie povesti Drevnei Rusi. Moscow, Leningrad. (In Russian).

14. Voronin, N.N. (1962). *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov: v 2 t.* Moscow. II.
15. Goncharova, A., Zonova, A., & Khamtsov, A. (1960). *Drevnie sobory Kremlya.* Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russian).
16. Valka, S.N. (1949). *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova.* Moscow, Leningrad. (In Russian).
17. Khachaturyan, N.A. (2001). *Dvor monarkha v srednevekovoi Evrope: yavlenie, model', sreda. 1.* Moscow, St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian).
18. Kosatkin, V.V. (1914). *Dmitrievskii sobor v gub. gor. Vladimire. Vladimir.* (In Russian).
19. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv.* (1950). Moscow, Leningrad. (In Russian).
20. *Istoriya russkogo iskusstva* (1955). Moscow, III. (In Russian).
21. Khachaturyan, N.A. (2004). *Korolevskii dvor v politicheskoi kul'ture srednevekovoi Evropy.* Moscow, Nauka. (In Russian).
22. Makarii (Bulgakov), mitr. *Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie* (1883). St. Petersburg, II. (In Russian).
23. Nazarevskii, V.V. (1996). *Iz istorii Moskvy 1147–1913. Illyustrirovannye ocherki.* Moscow, Svarog. (In Russian).
24. *Ocherki istorii SSSR* (1953). Moscow, III(2). (In Russian).
25. Pisarskaya, L.V. (1964). *Pamyatniki vizantiiskogo iskusstva V–XV vekov v Gosudarstvennoi Oruzheinoi palate.* Leningrad, Moscow, Sovetskii khudozhnik. (In Russian).
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* (1925). Leningrad, IV(1), 2. (In Russian).
27. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* (1927). Leningrad, I(2), 289–488. (In Russian).
28. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* (1913). St. Petersburg, XVIII. (In Russian).
29. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* (1853). St. Petersburg, VI. (In Russian).
30. Prokhorov, G.M. (1989). *Fotii, mitropolit Kievskii i vseya Rusi.* In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi.* Leningrad, Nauka, 2(2), 475–484. (In Russian).
31. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei* (1880). St. Petersburg, VI(I), 1336. (In Russian).
32. Khachaturyan, H.A. (2006). *Svyashchennoe telo korolya: Ritualy i mifologiya vlasti.* Moscow. (In Russian).
33. Likhachev, D.S. (1982). *Skazaniya i povesti o kulikovskoi bitve.* Leningrad. (In Russian).
34. Smirnova, E.S. (1997). *Khramovaya ikona Dmitrievskogo sobora. Svyatost' solunskoi baziliki vo vladimirskom khrame.* In *Dmitrievskii sobor vo Vladimire: k 800-letiyu sozdaniya,* Moscow, 220–254. (In Russian).
35. Sterligova, I.A. (1997). *Vizantiiskii moshchevik Dimitriya Solunskogo iz Moskovskogo Kremlya i ego sud'ba v Drevnei Rusi.* In *Dmitrievskii sobor vo Vladimire: k 800-letiyu sozdaniya,* Moscow, 255–273. (In Russian).

36. Tikhonravov, K.N. (1863). Vkladnaya kniga Vladimirskogo Rozhdestvenskogo monastyrya. In *Izvestiya Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva*, St. Petersburg, IV, 338–369. (In Russian).

37. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (1979). Leningrad, XXXIV. (In Russian).

38. Khachatryan, N.A. (2008). *Vlast' i obshchestvo v Zapadnoi Evrope v Srednie*. Moscow. (In Russian).

Шевченко М.Н. О формировании феномена власти Московской династии сквозь призму исторической антропологии (конец XIV – первая половина XV вв.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 47-60. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/05>

Shevchenko, M.N. (2021). On the Formation of the Phenomenon of the Power of the Moscow Dynasty Through the Prism of Historical Anthropology (late 14th – first Half of the 15th Centuries). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 47-60. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/05>

дата поступления: 18.03.2021

дата принятия: 12.06.2021

УДК 930. 253

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/06>

Митрофанов В.В.

СОТРУДНИЧЕСТВО Б.В. КЛЮЧЕВСКОГО С С.Ф. ПЛАТОНОВЫМ
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТРУДОВ СВОЕГО ОТЦА

Mitrofanov V.V.

COOPERATION B.V. KLYUCHEVSKY WITH S.F. PLATONOV ON THE
DISTRIBUTION OF HIS FATHER'S WORK

Аннотация. Многие еще в организаторской деятельности С.Ф. Платонова остаются неизвестными. Выявленные архивные материалы в его личном фонде позволяют расширить наши представления о его заинтересованности в обеспечении слушательниц Женского педагогического института, где он был директором, самой лучшей научной литературой. Черновые наброски, составленные рукой директора, дают возможность понять степень его сотрудничества и неформальных отношений со своими слушательницами. Вводимые в научный оборот делопроизводственные материалы впервые дают представление о неизвестной стороне деятельности Б.В. Ключевского – сына великого историка. В историографии утвердилось мнение, что он в основном выполнял обязанности секретаря при своем отце. Интерес исследователей к трагической судьбе единственного ребенка В.О. Ключевского стал проявляться недавно. Его не минула судьба арестанта, сосланного в Казахстан. Неизвестная ранее его работа на складе печатной продукции В.О. Ключевского позволяет открыть новую страницу его занятий. Несмотря на определенную сухость делопроизводственных материалов (квитанции почтовых переводов, бланки, накладные), именно они в данном случае позволяют проанализировать функционирование склада по распространению трудов В.О. Ключевского, выяснить масштабы торговли. В статье исправляются некоторые неточности, утвердившиеся в историографии, касающиеся фактов из жизни С.Ф. Платонова и Б.В. Ключевского.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, Б.В. Ключевский, склад изданий профессора В.О. Ключевского, «Курс русской истории», Женский педагогический институт.

Сведения об авторе. Митрофанов Виктор Владимирович, ORCID: 0000-0003-2094-6883, д-р ист. наук, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, г. Санкт-Петербург, Россия, viktor-n1962l@mail.ru

Abstract. Much of S.F. Platonov's organizational work remains unknown. The revealed archival materials in his personal fund allow us to expand our understanding of his personal interest in providing the students of the Women's Pedagogical Institute, where he was the director, with the best scientific literature. The director's hand-drawn rough sketches provide an insight into the extent of his collaboration and informal relationships with his female students. The office materials introduced into scientific circulation for the first time give an idea of the unknown side of the activity of B.V. Klyuchevsky – the son of the great historian. In historiography, the opinion has been established that he mainly performed the duties of secretary to his father. The researchers' interest in the tragic fate of the only child of V.O. Klyuchevsky began to manifest itself recently. He was not spared the fate of a prisoner exiled to Kazakhstan. Previously unknown, his work in the warehouse of V.O. Klyuchevsky's printed products allows him to open a new page of his studies. Despite a certain dryness of office materials (receipts of postal orders, forms, invoices), they in this case allow us to analyze the functioning of the warehouse for the distribution of V.O. Klyuchevsky's works, to find out the scale of trade. Some inaccuracies established in historiography concerning the facts from the life of S.F. Platonov and B.V. Klyuchevsky are corrected.

Keywords: S.F. Platonov, B.V. Klyuchevsky, the warehouse of publications of Professor V.O. Klyuchevsky, "Course of Russian History", Women's Pedagogical Institute.

About the author. Mitrofanov Viktor Vladimirovich, ORCID: 0000-0003-2094-6883, Dr. habil., University under the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC, Saint Petersburg, Russia, viktor-n1962l@mail.ru

В фонде академика С.Ф. Платонова хранится интересное и довольно объемное дело, имеющее название «Материалы о пересылке книг В.О. Ключевского для распространения среди слушательниц института» [17, л. 1-36; 15, с. 116-124]. В папке собраны накладные

Рязано-Уральской железной дороги, бланки на отправку книг, квитанции на перевод денег, расписки Петербургского почтамта, черновики заказов на книги для слушательниц Женского Педагогического института, директором которого с 1903 по 1916 гг. был С.Ф. Платонов. Эти довольно скудные на информацию делопроизводственные бумаги дают возможность прикоснуться к неизвестной странице работы склада В.О. Ключевского по продаже его книг. Они же являются важным историческим источником о неизвестной сфере деятельности сына великого ученого Бориса Васильевича Ключевского (1869–1944).

По замечанию О.В. Богомазовой, его «фигура словно бы стоит в тени неоспоримого гения отца» [3, с. 43]. Действительно, сведений о нем немного, порой они противоречивые. Родился Б.В. Ключевский, по сведениям М.В. Нечкиной, 6 декабря 1869 г., по другим – 7 декабря 1869 г. [7], по явно неверным данным – в 1879 г. [18].

По свидетельству В.О. Ключевского, его сын имел два высших гуманитарных образования: историческое и юридическое [16, с. 318]. Со ссылкой на Ю.В. Готье, О.В. Богомазова приводит иное мнение: «Борис имел либо неоконченное, либо только одно высшее образование» [3, с. 49].

Современный исследователь В.Г. Бухерт, автор многочисленных публикаций, основанных на редких архивных находках, обнаружил неизвестные и малоизвестные сведения и факты из жизни Б.В. Ключевского [5, с. 199-209]. Привлекая архивные материалы из ОР РНБ, ОПИ ГИМ, АРАН, РГАЭ, ГАРФ, неопубликованную запись М.В. Нечкиной [6, с. 81-87], известный архивист описал внешний облик Б.В. Ключевского, черты его характера, профессиональные занятия, отношения с учениками отца. В.Г. Бухерт устранил и неточность М.В. Нечкиной о дате её встречи с Б.В. Ключевским, которая состоялась 16 июня 1924 г., а не в 1923 г. [6, с. 81]. Приведенные в статье сведения рисуют трагическую картину его жизни в 1930-е гг. – период ареста и ссылки в Казахстан. Он был осужден тройкой при ПП ОГПУ МО 26 июля того же года по ст. 58. 10, 58.11 УК РСФСР и выслан в Казахстан на 3 года. Попытка досрочного освобождения была предпринята самим Б.В. Ключевским. В.Г. Бухерт опубликовал его заявление в УГБ НКВД, датированное 19 февраля 1935 г. [5, с. 208-209]. Реабилитирован по Закону РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г. решением прокуратуры г. Москвы от 06.04.2001 г. посмертно.

Недавно опубликованные документы личного происхождения существенно дополняют биографическую составляющую жизни сына В.О. Ключевского. Это, прежде всего, его дневниковые записи за 1897, 1901, 1902 г. [8, с. 434-444] и несколько писем А.И. Яковлеву – одному из выдающихся ученых, кто составлял школу В.О. Ключевского. У А.И. Яковлева установились доверительные отношения с Б.В. Ключевским, о чем свидетельствует содержание корреспонденции. Одно объемное письмо, датированное 11 (17) мартом 1936 г., опубликовала О.В. Богомазова [4, с. 445-452] и короткое за 2 мая этого же года В.Г. Бухерт [5, с. 209]. Кстати, оба письма из одного фонда. Перечисленные публикации убедительно свидетельствуют о закономерном интересе современных исследователей к личности, профессиональной деятельности единственного ребенка великого историка, со смертью которого прервалась эта ветвь рода Ключевских.

Б.В. Ключевский наукой заниматься не стал, много лет выполнял обязанности секретаря своего отца [21, с. 50-51], увлекался работой над изобретением и совершенствованием деталей велосипеда. Главная же заслуга его жизни – сохранение архива отца. В советское время до ареста 7 марта 1933 г. он работал в ряде организаций на разных должностях.

Известна фраза В.О. Ключевского: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» [10, с. 301]. Востребованность трудов ученого была постоянной и поэтому они часто переиздавались, хотя, и небольшими тиражами. Например, «Курс русской истории» до рубежного 1917 г. переиздавался в 1904, 1906, 1908, 1911, 1914, 1916 гг., при этом напомним, что отдельные тома неполного курса стали публиковаться с 1883 года. «Боярская Дума» выдержала 4 издания, «...Добрые люди древней Руси» в 1915 г. вышла пятый раз, «Краткое пособие по русской истории» с 1899 г. по 1917 г. публиковалось 8 раз.

Интеллектуальный труд приносил значительный доход ученому. Помимо реализации книг через торговую сеть, требовалась четко функционировавшая система по организации сбора заявок, сотрудничества с издательствами, учебными заведениями, хранением и отправлением заказов. Эту работу вел Б.В. Ключевский, организовавший склад изданий профессора В.О. Ключевского, находившийся на ул. Житной, 14, т. е. недалеко от дома (Житная, 10), где проживала их семья.

Понятно, что общую картину объемов реализации книг трудно составить, но представить его работу в общих чертах можно. К тому же открывается возможность продолжить разработку интересного направления, связанного с именем В.О. Ключевского.

Кратко остановимся на взаимоотношениях между В.О. Ключевским и его младшим братом С.Ф. Платоновым. Известно, что теплых связей у них не сложилось [12, с. 1404-1417]. В.А. Колобков отмечал, что С.Ф. Платонов «не был по-человечески близок к своему старшему коллеге...», и между ними «сближения однако не произошло» [11, с. 140-141]. А вот определенное воздействие на формирование взглядов на исторический процесс и события было: «идеи В.О. Ключевского оказали заметное влияние не только на Платонова...» [20, с. 285-286].

Но начало было многообещающим. В период своей юности, когда С.Ф. Платонов заканчивал гимназию и поступил в университет, он уже много знал о Московском университете. Несколько позже познакомился через своих московских друзей с В.О. Ключевским, пожалуй, самым выдающимся учеником С.М. Соловьева. В декабре 1878 г. он получил письмо от В.Н. Беркута – студента Московского университета, написанное 24 числа, где упоминается имя В.О. Ключевского, о котором большой разговор «отлагался до следующего письма», т. к. о нём «придется очень много говорить». К сожалению, следующее письмо было написано только 9 октября 1879 г., где сообщалось: «...вм[есто] Соловьева Ключевский, к[ото]рый обещает очень много. Он еще не начинал, но уже очень известен в Москве как дельный, интересный и живой профессор» [12, с. 1410].

Е.Н. Калайдович, с которой С.Ф. Платонов вел активную переписку с 1887 г., поступив на курсы Герье, с восхищением писала, что «лучший у нас профессор – это Ключевский, слушать его составляет необыкновенное наслаждение» [13, с. 119-139]. В это же время начали активно расходиться его литографические курсы лекций, попавшие и в руки студента С.Ф. Платонова. Они его «сильно увлекли» «разносторонностью и широтой» «исторических явлений», поразили «остроумием и красотой речи» [19, с. 192]. Попали лекции к С.Ф. Платонову в 1880 г., об этом свидетельствует Е.Н. Калайдович, которая, вероятно, и была к этому причастна, как и В.Н. Беркут (вскоре они поженятся). Так, в письме от 5 ноября 1880 г. она писала: «Не можете ли Вы препроводить мне к[а]к-нибудь лекции Ключевского, хоть не скоро, но до января, м. б. будет оказия». Так как лекции эти у нее «просят, да и мне надо кое-что посмотреть у него» [18, л. 1 об.-2, 5 об., 6 об.; 14, с. 151-218]. Это письмо позволяет устранить неточность, допущенную В.А. Колобковым о том, что «в 1881 г., будучи на последнем курсе С-Петербургского университета получил от своих московских друзей литографический курс лекций Ключевского» [11, с. 140]. Оказывается, это произошло еще в предыдущем году. Эти сведения дали возможность много лет спустя в своей автобиографии С.Ф. Платонову написать, что «ученая известность Ключевского выросла вдруг около 1881-1882 г.» [19, с. 192].

Приведенная информация из вновь выявленной переписки позволяет исправить утвердившееся в историографии ошибочное мнение о том, что у С.Ф. Платонова «представление о В.О., первоначально складывалось под воздействием мнения П.Н. Милюкова» [2, с. 159]. Но первое письмо П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову датируется 7 июля 1886 г., а второе после большого перерыва 25 февраля 1890 года. Первое же письмо С.Ф. Платонова было написано 7 октября 1889 года. Поэтому информацию о московском профессоре он получал на 8 лет раньше, чем думается О.В. Богомазовой, а от П.Н. Милюкова сведения шли уже другого плана и уровня, затрагивая значимые проблемы научного сообщества.

Имя В.О. Ключевского часто упоминалось и в переписке С.Ф. Платонова сразу же после окончания им университета. Интересно мнение А.А. Спицына о В.О. Ключевском. Становится ясно, что А.А. Спицын «не охотник» до него, «с величайшим трудом, лишь по несколько страниц зараз, читаю я теперь «Боярскую думу», обвинял в «раешничестве изложения» [18, л. 1 об.]. С.Ф. Платонов высказывал противоположную точку зрения, на что А.А. Спицын писал: «Я очень принял к сердцу Вашу горячую защиту Ключевского, но право, что-то я ему не доверяю. ... Это знающий историк, прекрасный работник, но очень претенциозный учёный: он всё знает, всё понимает и не признаёт никаких затруднений и препятствий в работах. Мы все мучимся недостатком фактов, недостатком мысли, на каждом шагу упираемся лбом в стену, нас осаждают всё новые и новые вопросы, наши исследования всё больше по части «может быть» – и не люблю я бойких говорунов, блистающих внешнею системой, ловкостью оборотов речи. Это не историк правды, трепещущий за каждый факт и ищущий в нем с боязнью, ожидаем трепетом истины, это лишь хладнокровный математик, систематик – резонёр, всё понимающий и ничем не дорожающий, которому ничего не говорят

ангелы небесные и трубные звуки. Его ясный курс истории представляется мне какою-то огромною, чудовищною сплетнею, он в прошлом видит только каких-то марионеток, которых тасует, передвигает то так, то иначе, и воображает, что такова жизнь. Ключевский играет в историю, а не болеет и не живёт ею: простите мне резкость этого тона. Ключевский – крупная величина и потому-то так жалко смотреть на него. Кому много дано, много с того и спросится. Мне кажется, Ключ[евский] даст работников отличных, но школы не создаст: у него нет надёжного устоя» [18, л. 3 об.]. Заметим, что убежденность и уверенность А.А. Спицына, что В.О. Ключевский «школы не создаст», не оправдалась. Из неё вышли такие масштабные историки, как П.Н. Милюков, М.К. Любавский, Н.А. Рожков, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и др. [8].

Курс лекций В.О. Ключевского, создававшийся не одно десятилетие, станет выдающимся явлением в отечественной науке и культуре. В ряде своих работ С.Ф. Платонов дает оценки научным изысканиям московского профессора, у которого многому учился. Так, его «Лекции» называет «известным курсом» [19, с. 294], «Жития» названы первыми среди «целого ряда исследований» подобного рода и которые «разработаны весьма хорошо» [19, с. 408, 413]. «Боярская дума древней Руси» называется «капитальным трудом» [19, с. 24], где автор выразил свои «оригинальные взгляды» [19, с. 31]. В известном письме от 23 декабря 1891 г. автор отмечал, что «знакомство с Вашими [Ключевского – В.М.] трудами, как и Ваши беседы – составляют одно из лучших приобретений моего ума...» [1, с. 7]. Именно поэтому С.Ф. Платонов, сам уже будучи авторитетным исследователем и преподавателем, будет рекомендовать своим «педагогичкам» труды, прежде всего, лекции В.О. Ключевского. Это при том, что С.Ф. Платонов имел к этому времени уже свои «Лекции» и изданные монографии.

Итак, склад изданий В.О. Ключевского. Упомянутое дело датируется 1908–1914 гг., объемом 36 листов. Накладные, хранящиеся в деле, можно разделить на 3 вида. В основу деления можно положить содержание текста и вариант их изготовления:

I. 1. Напечатанные на пишущей машинке через синюю копировальную кальку на четвертинке листа. Таких квитанций насчитывается 4, датируются 11, 19 февраля, 22 марта и 17 октября 1908 г. На бланке имеются штампы: в верхней части с текстом: «Склад изданий Проф. В. КЛЮЧЕВСКОГО. Москва, Житная, 14» (такого штампа нет на одной квитанции [17, л. 8], второй в низу «За В.О. Ключевского» и третий прямоугольной формы из 3-х строк: «Склад изданий Проф. В. КЛЮЧЕВСКОГО» с указанием даты, месяца, года (такой штамп ставился в разных местах: правом нижнем углу [17, л. 1], внизу по середине квитанции [17, л. 3], в верхнем левом углу [17, л. 5, 8]. Количество штампов на квитанциях разное. Указан адресат – Женский Педагогический Институт, основание заказа – требование господина директора института, название издания, количество экземпляров, цена за книгу.

Важное дополнение: «Непроданные экземпляры покорно просим возвратить к концу семестра» [17, л. 1, 3], на других такого текста нет. Следовательно, были случаи отказа от книг. Можно узнать время выполнения заказа, например, на квитанции от 22 марта 1908 г. требование датируется 19 числа, а 21 заказ уже «препровождён» к месту назначения. На этой

же квитанции имеется гербовая марка на 5 коп., перечеркнутая крестом в виде буквы «х» и стоит штамп с датой [17, л. 8]. На квитанции от 17 октября 1908 г. имеется интересный текст: «Заказ Ваш задержан исполнением вследствие того, что адресованный не на имя склада, он сделался известным лишь по возвращению в Москву В.О. Ключевского 13 сего октября». На этом бланке имеется помета рукой Платонова «253 р. 75 к. посланы 23 окт[ября]». На одном бланке имеется указание на получателя: «Господину Директору Женского Педагогического Института» [17, л. 9]. Накладная такой же формы имеется за 15 ноября 1913 г. Она содержит текст, не встречающийся на других бланках: «Дубликат №15571. Тюк запломбирован именною пломбой. Вес тюка: 31 фунт. № тюка: 6146. Литеры В.К. Обозначение: ЖПИ» [17, л. 28].

2. Второй вариант квитанций представляет собой типографский бланк с указанием в верхней части только названия склада, остальной текст печатался на пишущей машинке. Таких бланков в деле 3 штуки. На них стоит только один штамп: «За В.О. Ключевского». Имеется дополнительная информация, например, текст: «Означенную сумму (161 р.) склад имеет получить. Если требуется, в получении денег будет выслана оформленная расписка (счет)». Здесь же: «Заказанные книги «Краткого Пособия по русской истории» не были высланы за распродажею издания. В настоящее время книга вышла из печати и может Вам быть переслана в любом количестве на тех же условиях» [17, л. 7]. На бланке от 2 ноября 1910 г. имеется важный текст, не встречавшийся ранее: «При сём дубликат накладной н/п Р.У. ж. д. № 64137 на три места 8325 общим весом 5 п. 35 ф.» [17, л. 19] и «1 пуд. 29 фун.» [17, л. 15]. Накладная от 25 января 1913 г. имеет разъяснение: «Затребованные Вами книги «Опытов и исследований» не могли быть высланы за распродажею 1 издания. Если не последует отказа книги могут быть¹ высланы по отпечатании 2 издания, приблизительно чрез месяц или несколько позднее, по той же цене» [17, л. 21].

3. Типографская квитанция с новым дизайном, где имеется перечень названий реализуемых книг, поэтому требует минимального рукописного заполнения. Бланк имеет ряд принципиальных отличий от предыдущих, как текстовых, так и внешнего вида. Отсутствуют всякие штампы, а штамп с текстом «За В.О. Ключевского» заменён на другой: «С совершенным почтением» и в верхней части бланка появилась новая надпись: «Владелец Б.В. Ключевский». Первая квитанция такого вида датируется 3 февраля 1910 г. Эти изменения связаны с тем, что этому времени сам выдающийся историк, будучи больным, отошёл от дел, даже формально, передав их своему сыну, который и стал владельцем склада и получил право распоряжаться интеллектуальным трудом своего отца. На квитанции имеется указание на книги, которые находятся в печати, по сути, это предварительная реклама, определённого рода маркетинговый ход. Третья особенность – имеется текст, исполненный типографским шрифтом: «склад настаивает на своей покорнейшей просьбе ко всем покупателям, выписывающие книги с наложением платежа – возвращать накладную или присылать вместо неё квитанцию от ж. д. в уплате наложенной суммы» [17, л. 12, 13], на других имеются дополнения к этому тексту: «В противном случае Склад выполняет

¹ Слово «будут» – зачеркнуто.

последующие заказы только при условии ручательства покупателя за сохранность у него накладной и готовности её выслать по первому требованию» [17, л. 14]. Адрес назначения обозначен типографским шрифтом: «В книжный склад», далее заполнялось от руки, например, «Женского Педагогического Института». Появились и тексты: «Отпущены Вам следующие книги с уступкой 20 % с номинальной цены», «Книги следуют за Ваш страх и риск» [17, л. 13]. Заметим, что процент уступки мог меняться, тогда делалось исправление, например, на 30 % или 40 %. На бланке появился адрес для телеграмм. На некоторых есть и другие дополнительные рукописные тексты, например, «Не спутайте места с другим!» [17, л. 13] или «Приношу извинение в неправильной и неполной отсылки книг. Следующие 13 книг досылаются» [17, л. 13]. На квитанции от 20 декабря 1911 г. указан вес 1 пуд. 29 ф. [17, л. 19]. На одном экземпляре имеется приписка: «прилагается 1 экз. IV ч. взамен дефектного» [17, л. 23]. По всей видимости, об этом было направлено письменное сообщение, книга была отправлена бесплатно.

В 1914 г. был разработан и отпечатан новый дизайн бланка, их в деле всего 2. Главное отличие – в верхней его части слово «Владелец» сокращено «влад.», ниже слева есть информация: «Изданы и находятся в продаже», а справа «имеют быть изданы»; в нижнем левом углу гербовая марка на 5 коп., через нижнюю часть марки по горизонтали штамп «В.О. Ключевский; отсутствует текст «с совершенным почтением». В нижнем правом углу появился текст: «Тюк запломбирован именною пломбою Ключевский. Москва и имеет литеры В.К».

Этот бланк использовался одновременно со вторым вариантом. Следовательно, были разработаны два варианта бланков. Таких квитанций 7 шт.

Как видим, Б.В. Ключевский, накапливая опыт работы, для удобства ведения документооборота внедрял различные виды бланков, начиная от машинописных, до типографских. Менялся дизайн бланков и тексты на них. Они становились более удобными для заполнения, размещались элементы рекламы об имеющихся на складе названиях книг и находящихся в типографии.

II. Второй вид документов – это накладные Рязано-Уральской железной дороги, представляют собой однотипные типографские бланки на бумаге бледно-зелёного цвета. Их всего 2 экз., они содержат сведения об отправителе (Б.В. Ключевский), вес, наименование груза указано как «книги печатные», стоимость провоза в пассажирском поезде.

III. Третий вид документов – расписки Петербургского почтамта, они датируются 15 февраля 1908 г., на сумму 70 р., 27 февраля 1908 г. – 128 р., 18 ноября 1909 г. – 161 р., 17 марта 1910 г. – 43 р. 75 к., 28 ноября 1910 г. – 257 р. 25 к., декабрь 1911 г. – 82 р. 25 к., 30 января 1913 г. – 70 р. 50 к., 21 октября 1913 г. – 150 р., 11 ноября 1913 г. – 31 р. 50 к. Все переводы были почтовыми, на одной квитанции имеется карандашная помета «50 к.», вероятно, указана сумма за перевод. К этому источнику относим и одну квитанцию на заказное отправление от 10 ноября 1914 года. Эта квитанция по размеру в половину меньше предыдущих. На всех квитанциях имеется соответствующий почтовый номер, указана фамилия адресата, сумма, фамилия почтового работника, принявшего перевод.

IV. Наибольший интерес представляют черновые рукописные наброски с заказами, выполненные рукой С.Ф. Платонова [17, л. 11, 17, 18]: название книг с указанием экземпляров, всего книг по заказу, цена за экземпляр и общая сумма (расчеты выполнены столбиком, иногда упоминаются фамилии слушательниц). Документы дела позволяют подсчитать количество книг, приобретенных для слушательниц ЖПИ в 1908–1914 г. и их названия. В общей сложности было заказано и получено «Курса»: 1 т. – 182 экз., 2 т. – 208 экз., 3 т. – 222 экз., 4 т. – 200 экз., «Боярская дума» – 19 экз. и «Краткое пособие» – 26 экз. на общую сумму 1539 р. 50 к.

Таким образом, можно составить определенную картину функционирования склада изданий книг В.О. Ключевского, определить масштабы организаторской деятельности его сына. Он подписывал все накладные. Кроме сухих сведений: названий книг, их стоимости и общей суммы, накладные позволяют извлекать и дополнительную, небезынтересную информацию. Например, о весе тюков, которые отправляли по железной дороге, стоимости перевозки, маркировке груза. Положение Б.В. Ключевского в налаженном деле незадолго до смерти отца изменилось – он становится владельцем склада. Примечательно, что заказы из ЖПИ продолжали поступать и после смерти В.О. Ключевского.

Приведенные сведения существенно расширяют наши представления о работе Б.В. Ключевского и раскрывают неизвестную ранее сторону его деятельности. Раскрывается и роль С.Ф. Платонова по популяризации трудов великого историка, которые он высоко ценил, среди слушательниц ЖПИ.

Литература

1. Айвазян М.А. Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова к В.О. Ключевскому 1891 года // Ключевский: сборник материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 6–8.
2. Богомазова О.В. Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В.О. Ключевском) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 151–159.
3. Богомазова О.В. «Маленький сын большого отца»: фрагменты к биографии Б.В. Ключевского // Мир историка: историографический сборник/под ред. В.П. Корзун, С. П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Из-во Ом. Гос. ун-та, 2011. С. 43–62.
4. Богомазова О.В. «При Вашем сердце ко мне...» (к публикации письма Б.В. Ключевского А.И. Яковлеву) // Мир историка: историографический сборник/под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Из-во Ом. Гос. ун-та. 2011. С. 445–452.
5. Бухерт В.Г. Борис Васильевич Ключевский // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: мат-лы науч. конф. (25-26 июля 2001 года): в 2-х кн. М.: Наука, 2005. Кн. I. С. 199–209.
6. Бухерт В.Г., Беленький И.Л. Беседа М.В. Нечкиной с Б.В. Ключевским 16 июня 1924 г. // «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография/ Под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М.: Новый хронограф, 2011. С. 81–87.

7. Галузо В.Н. Вечный помощник Поверенного. surmachev.ru/vechnyj-pomoshhnik/ (дата обращения: 15.06.2021)
8. Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.
9. Гришина Н.В. Дневник Бориса Ключевского (к публикации фрагментов источника // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Из-во Ом. Гос. ун-та. 2011. С. 434–444.
10. Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 2000. Кн. 13. 637 с.
11. Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский (За строкой некролога. По материалам архива С.Ф. Платонова) // Ключевский: сборник материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 140–145.
12. Митрофанов В.В. Особенности взаимоотношений историков Платонова и Ключевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1404–1418.
13. Митрофанов В.В. О московских знакомствах С.Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима (вступ. ст. публик., коммент.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 2. С. 119–139.
14. Митрофанов В.В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В.Н. Беркута С.Ф. Платонову // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Вып. 5 / под. ред. А.М. Дубровского. Брянск: ИС, 2019. С. 151–218.
15. Митрофанов В.В. Труды В.О. Ключевского и читатели в женском Педагогическом институте // Наука и библиотека. Сборник научных трудов / отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН, 2020. Вып. 1. С. 116–124.
16. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 635 с.
17. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Л. 321. Л. 1–36.
18. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2274. Л. 1–64 об.
19. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 1–55.
18. Пажитнов Е. Родословная историка Ключевского // [Электронный ресурс] proza.ru/2018/06/25/508 (дата обращения: 18.06.2021)
19. Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Наука, 2017. Т. 5. 512 с.
20. Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский: сборник материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 282–288.
21. Чумаченко Э.Г. История с «секретарем» В.О. Ключевского // Секретарское дело. 2003. № 1. С. 50–51.

References

1. Aivazyan, M.A. (1995). Maloizvestnoe pis'mo S.F. Platonova k V.O. Klyuchevskomu 1891 goda. In *Klyuchevskii: sbornik materialov*, Penza, 1, 6–8. (In Russian).
2. Bogomazova, O.V. (2009). Chastnaya zhizn' izvestnogo istorika (po materialam vospominanii o V.O. Klyuchevskom). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23 (161), 151–159. (In Russian).
3. Bogomazova, O.V. (2011). “Malen'kii syn bol'shogo ottsa”: fragmenty k biografii B.V. Klyuchevskogo. In *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik/pod red. V.P. Korzun, S. P. Bychkova*. 7. Omsk, 43–62. (In Russian).
4. Bogomazova, O.V. (2011). “Pri Vashem serdtse ko mne...” (k publikatsii pis'ma B.V. Klyuchevskogo A.I. Yakovlevu). In *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik/pod red. V.P. Korzun, S.P. Bychkova*. 7, Omsk. 445–452. (In Russian).
5. Bukhert, V.G. (2005). Boris Vasil'evich Klyuchevskii. In *V.O. Klyuchevskii i problemy rossiiskoi provintsial'noi kul'tury i istoriografii: mat-ly nauch. konf. (25-26 iyulya 2001 goda): v 2-kh kn*, Moscow, 199–209. (In Russian).
6. Bukhert, V.G., Belen'kii, I.L. & Beseda, M.V. (2011). Nechkinoi s B.V. Klyuchevskim 16 iyunya 1924 g. In “Istoriya v cheloveke” – akademik M.V. Nechkina. Dokumental'naya monografiya, Moscow, 81–87. (In Russian).
7. Galuzo, V.N. (2021). Vechnyi pomoshchnik Poverennogo. surmachev.ru/vechnyj-pomoshhnik/ (data obrashcheniya: 15.06.2021)
8. Grishina, N.V. (2010). “Shkola V.O. Klyuchevskogo” v istoricheskoi nauke i rossiiskoi kul'ture. Chelyabinsk. (In Russian).
9. Grishina, N.V. (2011). Dnevnik Borisa Klyuchevskogo (k publikatsii fragmentov istochnika. In *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik*, Omsk, 434–444. (In Russian).
10. Klyuchevskii, V.O. (2000). Sergei Mikhailovich Solov'ev. In *Solov'ev S.M. Sochineniya. V 18 kn.*, Moscow. (In Russian).
11. Kolobkov, V.A. (1995). S.F. Platonov i V.O. Klyuchevskii (Za strokoi nekrologa. Po materialam arkhiva S.F. Platonova). In *Klyuchevskii: sbornik materialov*, Penza, 1, 140–145. (In Russian).
12. Mitrofanov, V.V. (2019). Osobennosti vzaimootnoshenii istorikov Platonova i Klyuchevskogo. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 64(4), 1404–1418. (In Russian).
13. Mitrofanov, V.V. (2019). O moskovskikh znakomstvakh S.F. Platonova v gimnazicheskie gody: pobratim i posestrima (vstup. st. publik., komment.). In *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, (2), 119–139. (In Russian).
14. Mitrofanov, V.V. (2019). Istoriko-filologicheskii fakul'tet posle S. M. Solov'eva: professorsko-prepodavatel'skii sostav i iskaniya peredovoi molodezhi v pis'makh studenta V.N. Berkuta S.F. Platonovu. In *Otechestvennaya kul'tura i istoricheskaya mysl' XVIII–XX vv.: sb. st. i materialov*, Bryansk, 151–218. (In Russian).

15. Mitrofanov, V.V. (2020). Trudy V.O. Klyuchevskogo i chitateli v zhenskom Pedagogicheskom institute. In *Nauka i biblioteka*, St. Petersburg, 116–124. (In Russian).
16. Nechkina, M.V. (1974). Vasilii Osipovich Klyuchevskii. Istoriya zhizni i tvorchestva. Moscow. (In Russian).
17. OR RNB. F. 585. Op. 1. Ch. 1. L. 321. L. 1–36.
18. OR RNB. F. 585. Op. 1. Ch. 2. D. 2274. L. 1–64 ob.
19. OR RNB. F. 585. Op. 1. Ch. 2. D. 4275. L. 1–55.
18. Pazhitnov, E. (2021). Rodoslovnaya istorika Klyuchevskogo. proza.ru>2018/06/25/508
19. Platonov, S.F. (2017). *Sobranie sochinenii*. Moscow. (In Russian).
20. Tsamutali, A.N. (1995). V.O. Klyuchevskii i peterburgskie istoriki. Klyuchevskii: sbornik materialov. Penza, 282–288. (In Russian).
21. Chumachenko, E.G. (2003). Istoriya s “sekreterem” V.O. Klyuchevskogo. *Sekretarskoe delo*, (1), 50–51. (In Russian).

Митрофанов В.В. Сотрудничество Б.В. Ключевского с С.Ф. Платоновым по распространению трудов своего отца // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 61-71. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/06>

Mitrofanov, V.V. (2021). Cooperation B.V. Klyuchevsky with S.F. Platonov on the Distribution of his Father's Work. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 61-71. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/06>

дата поступления: 11.03.2021

дата принятия: 12.05.2021

УДК 94(571)''17/18''

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/07>

Суханов А.С.

**ВКЛАДЫ СЛУЖИЛЫХ И ПРИКАЗНЫХ ЛЮДЕЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ
(по материалам вкладных книг Далматовского Успенского монастыря)**

Sukhanov A.S.

**CONTRIBUTIONS OF SERVICE MEN AND CLERKS
OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF
OF THE XVII – BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE CONTRIBUTION BOOKS OF THE DALMATIAN
ASSUMPTION MONASTERY)**

Аннотация. Рассматриваются вклады служилых и приказных людей Западной Сибири второй половины XVII – начала XVIII веков по материалам двух вкладных книг Далматовского Успенского монастыря. Данные книги были описаны и сохранены В.П. Бирюковым и введены в научный оборот И.Л. Маньковой. Цель статьи заключается в анализе вкладов служилых корпораций, а также определении их численности среди населения региона. На основе анализа в таблице перечисляются основные категории служилого и приказного населения края и их семей. Всего зафиксировано 126 записей, из более чем 1300 вкладчиков. В статье прослеживается судьба знатных и незнатных представителей данных социальных групп и их роль в освоении Западной Сибири. Также рассматриваются военнополитические процессы, происходившие в Московском государстве и нашедшие свое отражение во вкладах данной группы населения. Затрагиваются служба детей боярских в Сибири, драгунская реформа тобольского воеводы П.И. Годунова, роль слободчиков и беломестного казачества в закреплении региона в составе государства. Кроме данных категорий, среди вкладов служилых людей упоминаются воротники, кречатные помыкальщики, ямщики, кузнецы и другие, а также показаны социальные изменения, происходившие внутри служилого населения края.

Ключевые слова: вкладные записи, служилые и приказные люди, слобода, острог, колонизация, Западная Сибирь

Сведения об авторе: Суханов Александр Сергеевич, Шадринский государственный педагогический университет, г. Шадринск, Россия, sukhanovas@mail.ru

Abstract. The article deals with the contributions of servants and clerks of Western Siberia in the second half of the XVII – early XVIII centuries based on the materials of two contribution books of the Dalmatov Assumption Monastery. These books were described and preserved by V.P. Biryukov and introduced into scientific circulation by I.L. Mankova. The purpose of the article is to analyze the contributions of service corporations, as well as to determine their number among the population of the region. Based on the analysis, the table lists the main categories of the military and military population of the region and their families. A total of 126 entries were recorded, out of more than 1300 contributors. The article traces the fate of the noble and non-noble representatives of these social groups and their role in the development of Western Siberia. The article also examines the military and political processes that took place in the Moscow state and were reflected in the contributions of this population group. The article deals with the service of the boyar children in Siberia, the dragoon reform of the Tobolsk voivode P. I. Godunov, the role of the Slobodchiks and the White Local Cossacks in consolidating the region as part of the state. In addition to these categories, among the contributions of service people are mentioned collars, gyrfalcon pomykalschiki, coachmen, blacksmiths and others. The article also shows the social changes that took place within the service population of the region.

Keywords: contribution records, serving and commanding people, sloboda, prison, colonization, Western Siberia

About the author: Sukhanov Alexander Sergeevich, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, sukhanovas@mail.ru

Введение. Далматовский Успенский монастырь один из старейших монастырей Зауралья и Западной Сибири. Основанная в 1644 году бывшим тобольским служилым человеком Дмитрием Ивановичем Мокринским (после пострига – Далмат) обитель была не

только духовным центром Приисетья, но и важным военным форпостом для колонизации края.

Всего известно две вкладные книги обители. Первая датируется 1671 годом – «179 (1671) году книги Исецкие пустыни Успенского монастыря вкладчиком при Иосифе да при строителе старце Иосифе». Она охватывает вклады с 1671 по 1673 годы. На последних листах зафиксировано несколько записей 1677–1678 годов.

Вторая «Книга прикладная, денежная и скотская» начинается в 1673 году – «В нынешнем во 182-м (1673) году декабря в 7 день привели в Успенскую обитель...» В нее вошли вкладные записи с 1673 по 1703 годы.

Данные книги хранятся в ГКУ «Государственный архив в г. Шадринске» в фонде Далматовского Успенского монастыря (ф. 224), а также в виде фотокопий и списков в ГКУСО «Государственный архив Свердловской области» (ф. Р-2266).

Большую роль по сохранению данных источников провел В.П.Бирюков, уральский краевед, который смог в 1921 году вывезти архив Далматовского монастыря в г. Шадринск. Он высоко ценил данные книги, считая их важным источником по истории края, и настаивал на комплексном изучении вкладных записей.

Значительную работу по исследованию и введению в научный оборот данных источников сыграла кандидат исторических наук И.Л. Манькова, которая в 1992 г. опубликовала вкладные книги в сборнике документов «Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.)» [1]. Кроме текста книг, в данном сборнике имеются комментарии и приложения.

В данные книги вклады записаны в основном хронологически, но на некоторых листах есть более поздние записи, отражающие дополнительные пожертвования вкладчиков. Заполнение листов идет без учета социальной иерархии, записи высокопоставленных лиц не вынесены в начало, а включены в общий список.

Для человека позднего средневековья религиозное составляющее имело важное, если не первостепенное значение. Спасение души, забота о спасении душ родственников являлись неотъемлемой составляющей мировоззрения первопоселенцев. Кроме того, в те беспокойные годы население края могло рассчитывать, прежде всего, на себя, поэтому забота о дожитии ложилась на плечи не столько детей и родственников, сколько на плечи самих крестьян, драгун, беломестных казаков, не говоря уже о гулящих людях. Поэтому вклады можно условно разделить на две категории: во-первых, на помин своей души или родственников, знакомцев; во-вторых, вклады в монастырь, чтобы там, в спокойствии и мире окончить свой земной путь или принять иноческий постриг.

Большинство вкладчиков – это пашенные и оброчные крестьяне зауральских острогов, слобод и монастырей, именно они были той базой, которая обеспечивала продвижение государственной власти. Пермский историк А.А. Дмитриев утверждал, что «с усилением русской колонизации в Сибири развивалось земледелие, с тем вместе увеличивая класс служилых людей с его потребностями...» [2, с. 4]. Действительно, среди вкладных записей

присутствуют данные о служилых и приказных людях Западной Сибири, как неотъемлемой части общества.

Всего в двух книгах содержатся данные о более чем 1300 вкладчиках, среди них есть и те, которые можно отнести к лицам и семьям служилого и приказного населения края (126 записей). Данные можно посмотреть в таблице.

Таблица

Вкладчики Далматовского Успенского монастыря служилого
и приказного населения и их семей Западной Сибири

Должность	Кол-во
Думный дьяк, глава Сибирского приказа	1
Тобольский воевода	3
Стольник	1
Дворянин	4
Полуполковник	2
Майор	1
Слободчик	9
Приказчик	1
Сын боярский	15
Прапорщик	1
Драгун	19
Драгун, толмач	1
Служилый человек	14
Атаман	1
Воисковой подьячий	1
Беломестный казак	8
Конный казак	4
Пеший казак	1
Казак	1
Воротник	3
Кузнец	6
Креча(т)ной помычник (помыкальщик)	2
Ямской охотник (ямщик)	2
Отставной драгун	2
Бывший сотник	1
Бывший беломестный казак	1
Подьячий Сибирского приказа	1
Дьяк, приказной подьячий (подьячий), писчий дьячок	10
Целовальник таможенного ларещного	1
Члены семей служилых людей	9
Итого:	126

Большая часть вкладных записей данной группы относится к простым и незнатным жертвователям, тем на ком держался процесс освоения новых земель. Однако имеются вклады и высокопоставленных лиц, которые играли важное значение не только в регионе, но и Московском царстве в целом.

Например, запись о пожертвовании 15 золотых от царицы Прасковьи Федоровны, жены соправителя Петра I Ивана V [1, с. 92]. Любопытен также вклад в виде «двух книг московской печати» Думного дьяка, главы Сибирского приказа (1697–1704 гг.), сподвижника Петра I Вениамина А.А., [1, с. 156]. который посетил Тобольск по делам службы в 1702 г.

Тобольские воеводы также легко отыскиваются между вкладчиками: стольник Хрущов Ф.Г. (1672–1673 гг.), боярин Головин А.П. (1686–1690 гг.), ближний стольник Нарышкин А.Ф. (1693–1698 гг.). Примечателен вклад 1698 г. стольника Коровина С.Я. «животворящий крест серебряной, чеканной, вызолочен», который по указу состоял в числе посольства окольничьего Ф.А. Головина в Китай (1686–1689 гг.). Тогда, будучи молодым дворянином, он был послан с дипломатическим поручением в Пекин и привез ответ о назначении места встречи посольств под Селенгинском и определения войск сопровождения по 500 воинов с каждой стороны [3, с. 128, 140–142].

На листах 51, 282 об., 299, 307 об. «Книги прикладной, денежной и скотской» имеются записи о вкладах дворян, которых тоже можно отнести к служилым людям, так как все они состояли на государственной службе и на момент включения в источник выполняли те или иные должностные обязанности. Например, Гладышев Д.А., представитель уфимского дворянского рода Гладышевых, участник подавления башкирских восстаний 1662–1664 и 1681–1684 гг. Во время Крымского похода 1687 г. согласно Московского списка проявил отвагу и особо отмечено, что «он Дмитрий в Крыму татарского мурзу убил и сам ранен копьем в спину по обе стороны» [4]. В 1666 г. занимал должность стрелецкого головы в Уфе, был воеводой в Кунгуре в 1672, 1685 и 1686 гг.

Качанов И.Р., московский дворянин, писец, на момент вкладной записи (1700 г.) проводил перепись населения вотчины Далматовского монастыря, а также являлся автором в 1700 г. Тюменской переписной, в 1701 г. Тарской переписной книг. На его вклад (50 рублей) была построена церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Свято-Введенском женском монастыре [1, с. 140].

Арсеньев А.М., московский дворянин, в 1692 г. стольник при царице Евдокии Федоровне, первой жене Петра I, в 1697 году упоминается как сын якутского воеводы М.А. Арсеньева [5, с. 474].

На страницах вкладных книг отражена деятельность немногочисленного офицерского корпуса. Полуполковник рейтарского строя Волков И.С. помимо военных выполнял и административные функции «приказного человека» в Шадринской слободе. После вклада 1671 года, есть запись о его кончине 2 сентября 1672 г., захоронении на территории обители, а также значительных пожертвованиях на помин души [1, с. 11].

Во второй книге упоминается тюменский боярский сын, полуполковник Текутьев С.И. [1, с. 140], который за три года до вклада, в 1697 г. переписал новоприборных крестьян уезда.

Майор А.Н. Фефилов в 1668 г., после передачи из Верхотурского уезда в Тобольский Катайского острога, был направлен туда воеводой Годуновым П.И. и выполнял также военные и административные функции. Во второй книге отмечены два его вклада 1679 и 1680 гг. В ней же имеются и вклады его жены Евдокии Ивановны – 1685 г., где Алексей Фефилов фигурирует, как бывший тобольский житель, а также 1702 г., где Евдокия Ивановна именуется «Катайского острогу вдова..., Алексея маера упокойного жена». Судя по всему, после смерти мужа она осталась жить в Катайском остроге.

Администрация слобод представлена вкладами слободчиков и приказчика. В книгах имеются записи о пожертвованиях основателей слобод и занимавших должности слободчиков Беляковской, Барневской, Окуневской, Калиновской, Красномысской (Красномыльской), Белоярской, Чумлякской, Камышевской, Верхиртышской. Слободчики играли важную административно-организационную роль в освоении Западной Сибири. Как правило, являясь выходцами из крестьянской среды, мелкого купечества или беломестного казачества на свой страх и риск, используя собственные финансовые возможности, они обустроивали первые слободы Зауралья [6, с. 32]. Привлекали крестьян и гулящих людей «на государеву десятинную пашню». При этом прибранным крестьянам предоставлялся льготный период от нескольких месяцев до нескольких лет без уплаты оброка. Слободчик брал с крестьян «поручные записи», по которым они и после истечения льготных лет должны были проживать в слободе и пахать государеву десятину. Кроме этого, ими «прибирались» беломестные казаки, которые отвечали за оборону населенных пунктов. Население слобод под руководством основателей заботилось о возведении и поддержании оборонительных укреплений в надлежащем виде. По мнению Кондрашенкова А.А., выдача печати, а также возложенные обязанности делали слободчиков низшим представителем государственной администрации [7, с. 55–56]. Приказчики приходили на смену слободчикам, выполняли те же функции и являлись государственными должностными лицами.

Сыновья боярские или дети боярские, служилое сословие, появившееся в Московском государстве в XV веке, они верстались на службу, получая денежное жалование и земельные наделы. В Сибири данная служилая корпорация появляется на рубеже XVI–XVII вв. Например, в гарнизоне Тобольска в 1627 г. зафиксировано 36 детей боярских. Первоначально эта небольшая группа к концу века значительно возрастает. Так, в Тобольске с 1628 по 1685 гг. корпорация детей боярских увеличилась в 7 раз. Являясь военной элитой, в Сибири они выполняли как военные, так и административные функции, а также исполняли особые поручения тобольских воевод [8, с. 156, 158]. Во вкладных книгах присутствуют 15 записей, относящихся к данной социальной группе: 8 вкладов тобольских, 4 – софийского архиерейского дома в Тобольске, 3 – верхотурских сыновей боярских.

Вот некоторые из них. Тырков М.И. верхотурский сын боярский (с 1663 г.), принадлежавший к роду Тырковых, внесших значительный вклад в освоение Сибири. В 1660-х годах приказчик Катайского острога, в 1666 году участвовал в земельном споре с Далматовским монастырем [1, с. 170]. Чаплин И.В. тобольский сын боярский, скорее всего сын подьячего Василия Чаплина, погибшего в составе посольства Ерофея Заболоцкого в Монголию в 1650 г. [9, с. 347, 348].

Софийские дети боярские принадлежали к архиерейскому дому в г. Тобольске, они подчинялись митрополиту и играли значительную роль в управлении епархии. В конце XVII в. их числилось 20 в Тобольском архиерейском доме. Кроме военных обязанностей, «они занимались управлением вотчинами, выполняли различные поручения, служили посыльными, представляли интересы митрополита в различных инстанциях, были «стряпчими» [10, с. 128]. Трех из четырех можно отыскать в Поименном списке чинов

Тобольского архиерейского дома Степан Казими(е)ров, братья Коркишевы (в списке Карташевы), Осип Плавин (в списке Главин) [10, с. 132–133].

Во вкладных книгах нашла отражение реформа воеводы Годунова П.И. 1667–1669 гг. по формированию драгунских полков.

Первые полки «иноземного строя» появились в Московском государстве при Михаиле Федоровиче в 1630–1632 гг. в количестве 10 (8 солдатских, 1 рейтарский и 1 драгунский) всего около 17000 человек. В 1636–1638 гг. солдатские и драгунские полки появляются на юге страны для борьбы с кочевниками. В середине 1630-х гг. подобные формирования появляются в Сибири. Вскоре (1639 г.) данные соединения, как наиболее боеспособные, принимают участие в удачном походе против енисейских киргизов, которые терпят серьезное поражение и возобновляют выплату дани. Удачное применение «иноземного строя» против кочевников, а также желание усилить военное присутствие в регионе приводят к тому, что в 1658 г. Алексей Михайлович решает сформировать полки «нового строя» в Сибири. Предусматривалось создать полк рейтар (1000 человек) и солдатский полк (1000 человек), а также увеличить количество стрельцов до 500. К 1662 г. это удалось сделать лишь частично, так как основной проблемой была нехватка кадров, особенно офицеров [11, с. 110–113]. В финансовом же плане создание новых подразделений стало возможным из-за денежной реформы Алексея Михайловича, предусматривающей выпуск медных денег. После Медного бунта 1662 г., провала денежной реформы и запрещения хождения медной монеты в Сибири (1663 г.) возникают перебои с выплатой жалования чинам полков «нового строя». Именно поэтому, тобольский воевода Годунов П.И. планировал создание одного драгунского полка численностью 1200 человек, так как рядовые драгуны получали по 5 рублей и 2 с четвертью пуда соли в год, что соотносилось с жалованием беломестных казаков, а также единовременно 2,5 рубля на лошадь и 1,5 рубля на постройку дома. Жалование же рейтар составляло от 15 до 20 рублей в год, что было крайне накладно для государства, ведущего затяжную войну с Речью Посполитой 1654–1667 гг. Кроме этого была озвучена и официальная версия о преимуществе драгун над рейтарами и об их универсальных качествах «а драгун в походе конный, а и пеш драгун – солдат же» [11, с. 115–117]. Драгуны несли гарнизонную службу, а также участвовали в отражении нападений кочевников. В основном они были набраны из беломестных казаков, а также солдат, гулящих людей, хотя есть примеры перевода в драгуны пашенных крестьян. Ведров Иван драгун Масленской слободы, по переписи 1669 года был монастырским крестьянином, в этом же году по государеву указу был отдан Малечкину Ю.Н. для строительства слободы на р. Масленке [1, с. 169].

Реформа Годунова П.И. потерпела неудачу, прежде всего потому, что бывшие рейтары и солдаты не спешили записываться в драгуны с меньшим окладом. К 1674 г. из 730 поверстанных в драгуны половина разбежалась. В 1671 г. в острогах и слободах по р. Исети числилось 438, а в 1674 г. там же уже 386 драгунов. Окончательно сибирские драгуны исчезли в 1689 году, путем перевода их в беломестные казаки [11, с. 119–120]. Это подтверждается данными вкладных книг, по которым из 20 вкладов драгунов 17 сделаны в

промежутке между 1673 и 1685 гг., 3 относятся к периоду 1692–1701 гг. Примечательно, что в 1701 году вкладные записи сделаны уже об отставленных драгунах Масленской слободы Ильиных Петре и Воденикове Василии. Несмотря на то, что в 1689 г. драгуны были переведены в беломестные казаки, 7 декабря 1701 г. зафиксирован денежный вклад «Катайского острогу у драгуна Ивашка Тарасова Раевых по усопших родителей» [1, с. 150]. Все эти данные позволяют сделать вывод об исчезновении драгунов, как вида служилых людей на рубеже XVII–XVIII вв.

После неудачи реформы некоторые драгуны переходили в те социальные слои, откуда были поверстаны на службу. Так, Горсткин Яков в 1673 г. делает вклад как драгун Шадринской слободы, а в 1680 г. уже как пашенный крестьянин той же слободы. Заслуживает внимания запись о вкладе Панкратьева Трофима драгуна-толмача из Катайского острога, которая фиксирует специфичность должностных обязанностей. Всего во вкладных книгах имеется 20 записей, относящихся к этой группе служилых людей.

В 14 вкладах фигурируют просто служилые люди – «служилой», «служивой человек», «тобольский служивый человек», «Уфимскаго города служилый человек». Все они выполняли разные военные и административные обязанности, состояли на государственной службе. 11 октября 1702 г. «тобольской служилой человек» Семен Максимов привез в обитель вклад (5 рублей) тобольского приказного подьячего Ивана Слонова [1, с. 156]. Яков Золотарь в 1674 г. делает вклад как «служилой человек» Катайского острога, а в 1676 году уже как драгун того же острога.

Опорой государства на вновь колонизированных территориях, являлось, в том числе и казачество. Со времен Ивана IV Грозного казаки охраняли южные рубежи Московского государства, получая жалование и земельные наделы. Значительную роль казачество сыграло в Смутном времени, после которого наблюдается рост численности данной служилой корпорации. Сам термин, по мнению некоторых историков (Миллер Г.Ф., Татищев В.Н., Фишер И.Е.), связан с наделением казаков, так называемой «белой» землей, свободной от налогов [12, с. 71]. То есть беломестные казаки должны были выполнять службу за не большое жалование (обычно от 2 до 5 рублей), а также земельный надел (20–30 четвертей) с которого не выплачивался оброк [12, с. 82]. Первые беломестные казаки в Сибири появились в 1630-е гг., к осени 1634 г. они состояли в гарнизонах Верхней Ницинской (10 человек) и Нижней Ницинской (10 человек) слободах. В 1635 г. беломестные казаки появились в Невьянской (17 человек) и Новой Ницинской (30 человек) слободах [12, с. 72–73].

В казаки верстались пашенные крестьяне, охочие и гулящие люди. Это были первые воинские формирования способные закрепить вновь приобретенные территории за Московским царством. Первоначально это были небольшие группы, занятые военно-административной службой в слободах и острогах Западной Сибири. В дальнейшем, в связи с возросшей угрозой нападений кочевников численность данной группы служилых людей увеличивалась. Например, в Тобольском уезде к концу XVII в. количество беломестных казаков составляло 992 человека, размещались они сотнями в крупных слободах и острогах, располагавшихся на юго-востоке уезда [12, с. 79]. Такое размещение было связано с

активизировавшимися кочевниками и возможностью быстрого сбора значительных сил при военной угрозе. Данная служилая корпорация исчезает в Западной Сибири к концу правления Петра I, после проведения первой сибирской ревизии (1724 г.) беломестные казаки вошли в состав податного населения [12, с. 82]. Во вкладных книгах Успенской обители представлены записи от атамана до рядового казака.

13 сентября 1684 г. зафиксирован вклад атамана Исетского острога Афанасия Давыдова, можно предположить, что это сын основателя данного острога конного казака Давыда Андреева. Относительно Мехонской слободы имеется запись о вкладе войскового подьячего, представителя военной администрации. Во вкладных книгах отражены пожертвования беломестных казаков Катайского острога, Камышловской, Красномысской, Пышминской Ощепковской и Масленской слобод. Не редки случаи вкладов с последующим постригом в монахи, например, вклад 1672 г. беломестного казака Катайского острога Терентия Карпова, в иночестве Тимофея [1, с. 16]. Примечательно, что сведения о конных и пеших казаках относятся только к представителям городов Тюмени (3 конных казака) и Тобольска (1 казак, 1 пеший казак, 1 конный казак).

Наряду с беломестными казаками гарнизонную службу в слободах несли пушкاري, затинщики, сторожа, воротники. Сведений о данной категории служилых людей в книгах имеется три, все они относятся к вкладам воротников Катайского острога, Барневской и Бачанской слобод.

Важную вспомогательную роль в острогах и слободах выполняли кузнецы. Обслуживание конных служилых людей, изготовление и ремонт оружия и сельскохозяйственного инструмента являлись повседневными обязанностями данной группы населения. Зафиксированные 6 записей также можно отнести к вкладам приказных и служилых людей края, данный факт подтверждается сведениями из «Росписи зауральских слобод (1686 г.)», где кузнецы стоят в ряду «пушкарей и затинщиков и воротников и толмачей» [13, с. 26].

К служилым людям относятся и креча(т)ные помычники или помыкальщики. Люди, занимавшиеся ловлей кречетов и соколов, обучением хищных птиц и их поставкой к царскому двору. Известна царская грамота верхотурскому воеводе Ивану Пушкину о поставке в Москву ко двору «самых лучших кречетов и челиг кречатых», где упоминаются помыкальщики. [5, с. 36]. При этом данная категория служилых людей несла не только хозяйственную службу, но и являлась обычной военной силой в столкновениях с кочевниками. В книгах зафиксированы два вклада данной корпорации служилых людей Ощепковской слободы Гаврилы Берсенева [1, с. 51] и Афанасия Ощепкова [1, с. 46].

Ямская служба известна на Руси со времен татаро-монгольского нашествия, суть ее заключалась в перевозке людей и грузов, за так называемую прогонную плату. За Уралом ямская гоньба, по мнению Семенова О.В., появилась на рубеже XVII–XVIII вв. [14, с. 198]. Ямы устраивались, как правило, через 30–40 верст, это можно проследить по географии основания слобод в Западной Сибири. В крупных сибирских городах возникали ямские слободы (Верхотурье, Тобольск, Тюмень), где проживали ямщики и ямские охотники.

Каждый ямщик должен был исполнять службу на своих лошадях, которая была тяжелой и опасной. В источнике присутствуют две записи о вкладах тюменских ямщиков на помин своей души и родственников [1, с. 25, 38].

В книгах отмечены и бывшие служилые люди, которые за «старостию» не могли выполнять своих прямых обязанностей (бывший сотник, беломестный казак, «отставленные» драгуны). Например, Авраамий Муравьев, бывший беломестный казак Камышевской слободы за вклад был пострижен под именем Андреян [1, с. 34]. Для того чтобы стать вкладчиком нужно было внести в обитель деньгами или другим имуществом не менее 10 рублей [1, с. 175]. Сотник и отставные драгуны принадлежали Масленской слободе и сделали вклады на помин души своих родственников.

Освоение края было бы невозможно без представителей администрации, данная социальная группа зафиксирована во вкладах дьяков, подьячих, таможенных чиновников разных уровней. Так, Василий Павлов, подьячий Сибирского приказа, Яков Костромин, подьячий приказной палаты г.Тобольска, Сысой Вахов, подьячий Красномысской слободы, то есть представлены все уровни государственной администрации: столичный, уровень Тобольского разряда и слободской уровень. Должностное лицо, занимающееся взиманием налогов и таможенных сборов, представлено вкладами тобольского таможенного ларешного целовальника Василия Грובה по своим родственникам и по своему бывшему начальнику таможенному голове Василию Саватиеву [1, с. 152].

Определенный интерес вызывают вкладные записи членов семей служилых и приказных людей. Вдова майора, жена пятидесятника, жены детей боярских, драгуна, беломестного казака, дочь конного казака зафиксированы в книгах. Среди них заслуживают внимания вклады вдовы тобольского сына боярского Толбузина Л.Б. Толбузиной К.С. В 1703 г. ею пожертвованы по тем временам значительные суммы, 10 рублей 20 февраля и 20 рублей 1 марта. Такие денежные средства вложены в обитель не случайно, так как на государственной службе у Каптелины Степановны в 1676 г. умерли муж Ларион Борисович и сын Фадей, а младший сын Алексей погиб во время осады Албазинского острога в 1686 г. Все они были поверстаны в сыновья боярские и выполняли важные военные и административные поручения тобольских воевод. В разное время Ларион занимал воеводские должности в Нерчинске (1662–1668 гг.), Тюмени (1671–1676 гг.), Фадей занимал должность воеводы в Березове (1670–1672 гг.), Алексей Толбузин руководил Нерчинским уездом с 1676 по 1680 гг., а с 1683 года был воеводой Албазина, выдержал осаду 1685 года, но погиб во время второй осады в 1686 году [15, с. 31-35].

На страницах второй книги в 1695 г. зафиксирован вклад детей по родителям своим еще одной известной фамилии в Сибири – Шульгиных. Так, Шульгин П.Я тобольский сын боярский проводил досмотр земель Далматовского монастыря в 1651 г. В 1673 году был послан в Нерчинский острог на воеводство. Скончался в Даурах в 1678 г. по нему и сделан был посмертный вклад в монастырь [1, с. 175]. Его сын Василий Шульгин возглавлял отряд тобольских детей боярских, беломестных казаков, служилых татар в неудачной битве против казахов у оз. Семискуль 27 июля 1693 г. Вместе с Василием погибли его братья Яков и Иван,

всего 357 служилых и охочих людей, из отряда уцелело 14 человек, которые в дальнейшем сбежали из плена [16, с. 340–341].

Заключение. Вкладные записи служилых и приказных людей, а также членов их семей составляют менее 10% в источниках, что говорит о немногочисленности данной группы населения Западной Сибири. Осваивая значительные пространства, государство испытывало крайние затруднения с кадрами, которые пополнялись как за счет местных внутренних резервов, так и присылкой немногочисленных воинских формирований из центральных регионов Московского государства, а также ссыльных и военнопленных групп служилых людей. И, все-таки, даже такие небольшие формирования решали важные военно-административные задачи, что в конечном итоге предопределило вхождение в состав державы территории Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, вкладные книги Далматовской Успенской обители, могут быть использованы не только как важный источник религиозной жизни Западной Сибири, но и как ценное свидетельство колонизации края и участия в нем служилого и приказного населения.

Литература

1. Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.): Сб. документов. Сост. И.Л. Манькова. Свердловск: Ин-т истории и археологии, 1992. 244 с.
2. Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае / [соч.] Александра Дмитриева. Пермь: Издание автора, 1899–1900. Вып. 8: К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. М.: Типография наследников П. Ф. Каменского. 1900. 172 с.
3. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 212 с.
4. Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII века. Уфа: РИЦ БашГУ, 2000. 191 с.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1842. 567 с.
6. Грачёв В.Ю., Займогов А.И., Попова Л.Д. Слободы и Слободчики Урала. Екатеринбург: Грачёв и партнеры, 2014. 74 с.
7. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Ч. 1. Заселение территории русскими. Челябинск, 1966. 176 с.
8. Пузанов В.Д. Русская военная политика и колонизация Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). LAP LAMBERT Academic Publishing (Германия), 2011. 568 с.
9. Златкин И.Я., Устюгов Н.В. Русско-монгольские отношения. 1634–1654. М.: Наука. 1974. 472 с.
10. Свящ. Иоанн Никулин Структура Тобольского архиерейского дома в 90-е годы XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 2(8). С. 120–138.

11. Пузанов В.Д. Русские полки «иноземного строя» в Сибири в XVII в. (статья) // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 110–121.
12. Пузанов В. Д. Беломестные казаки в Сибири XVII – первой трети XVIII в. // Вопросы истории. 2012. №10. С. 71–86.
13. Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган: Зауралье, 1995. 319 с.
14. Семенов О.В. О времени возникновения системы регулярного сообщения в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2010. № 4/2 (68/2). С. 198–200.
15. Пузанов В.Д. Род Толбузиных – воевод Забайкалья в XVII веке // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 31–35.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 384 с.

References

1. Vkladnye knigi Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya (poslednyaya chetvert' XVII – nachalo XVIII v.): Sb. dokumentov. Sost. I.L. Man'kova (1992). Sverdlovsk. (In Russian).
2. Dmitriev, A.A. (1900). Permskaya starina: sbornik istoricheskikh statei i materialov preimushchestvenno o Permskom krae. Perm' Izdanie avtora, 1899–1900. In *K istorii zaural'skoi trgovli. Bashkiriya pri nachale russkoi kolonizatsii*. Moscow. (In Russian).
3. Yakovleva, P.T. (1958). Pervyi russko-kitaiskii dogovor 1689 goda. Moscow. (In Russian).
4. Aznabaev, B.A. (2000). Ufimskoe dvoryanstvo v kontse XVI – pervoi treti XVIII veka. Ufa. (In Russian).
5. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei. 5. (1842). St. Petersburg. (In Russian).
6. Grachev, V.Yu., Zaimogov, A.I., & Popova, L.D. (2014). Slobody i Slobodchiki Urala. Ekaterinburg. (In Russian).
7. Kondrashenkov, A.A. (1966). Krest'yane Zaural'ya v XVII–XVIII vekakh. 1. Zaselenie territorii russkimi. Chelyabinsk. (In Russian).
8. Puzanov, V.D. (2011). Russkaya voennaya politika i kolonizatsiya Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII v.). Germaniya. (In Russian).
9. Zlatkin, I.Ya., & Ustyugov, N.V. (1974). Russko-mongol'skie otnosheniya. 1634–1654. Moscow. (In Russian).
10. Svyashch (2014). Ioann Nikulin Struktura Tobol'skogo arkhiepeiskogo doma v 90-e gody XVII v. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2(8), 120–138. (In Russian).
11. Puzanov, V.D. (2006). Russkie polki «inozemnogo stroya» v Sibiri v XVII v. (stat'ya). *Voprosy istorii*, (7), 110–121. (In Russian).
12. Puzanov, V. D. (2012). Belomestnye kazaki v Sibiri XVII – pervoi treti XVIII v. *Voprosy istorii*, (10), 71–86. (In Russian).

13. Khrestomatiya po istorii Kurganskoi oblasti (dosovetskii period) (1995). Kurgan. (In Russian).
14. Semenov, O.V. (2010). O vremeni vzniknoveniya sistemy regul'yarnogo soobshcheniya v Sibiri. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy*, (4/2 (68/2)), 198–200. (In Russian).
15. Puzanov, V.D. (2017). Rod Tolbuzinykh – voevod Zabaikal'ya v XVII veke. Prigranichnyi region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo: materialy mezhdunar. nauch. konf. Chita. 31–35. (In Russian).
16. Polnoe sobranie russkikh letopisei (1987). In *Sibirskie letopisi*. 1. Gruppy Esipovskoi letopisi. Moscow. (In Russian).

Суханов А.С. Вклады служилых и приказных людей Западной Сибири второй половины XVII – начала XVIII веков (по материалам вкладных книг Далматовского Успенского монастыря) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 72-83. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/07>

Sukhanov, A.S. (2021). Contributions of service men and clerks of Western Siberia in the second half of the XVII – beginning of the XVIII centuries (based on the materials of the contribution books of the Dalmatian Assumption monastery). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 72-83. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/07>

дата поступления: 03.02.2021

дата принятия: 05.04.2021

УДК 908

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/08>

Пузанов В.Д.

РУССКАЯ АРМИЯ В СИБИРИ В 30–50 ГОДЫ XVIII в.

Puzanov V.D.

THE RUSSIAN ARMY IN SIBERIA IN THE 30–50 YEARS OF THE XVIII CENTURY

Аннотация. Военные реформы Петра I привели к формированию регулярных полков Сибири. При Петре I русской регулярной кавалерией стали драгунские полки. При Петре I драгунские полки были единственным видом русской регулярной кавалерии. В русской полевой армии Петр I сформировал 34 драгунских полка. Кроме того, гарнизонные драгунские полки были сформированы в центрах губерний в стратегически важных городах Азове, Астрахани, Казани, Тобольске. В 30–50 гг. XVIII в. количество полевых драгунских полков Российской империи уменьшилось до 20. В 1744 г. в Сибирь для защиты края от джунгар были посланы 3 полевых драгунских полка Олонетский, Вологодский и Луцкий, и 2 полевых пехотных полка Ширванский и Нашебургский. По указу Сената от 29 сентября 1744 г. все русские войска Сибири были подчинены главному командиру Сибирского корпуса, который подчинялся Военной коллегии. Главным командиром в Сибири был назначен генерал-майор Христиан Киндерман. В марте 1756 г. в русской армии состояли 3 кирасирских, 29 драгунских и 46 пехотных всего 78 армейских полков, в которых имелось 172 440 чел. В итоге во время Семилетней войны число полевых драгунских частей России уменьшилось в 3 раза и к 1763 г. составляло всего 7 полков. В результате, если в 1754 г. драгуны составляли 36 627 человек (92,6 %), то к 1767 г. в их рядах насчитывалось только 4 802 человек (12,8 %) от русской кавалерии.

Ключевые слова: драгуны, солдаты, кавалерия, линия, кочевники, Сибирский корпус.

Сведения об авторе: Пузанов Владимир Дмитриевич, д-р ист. наук, Шадринский государственный педагогический университет, г. Шадринск, Россия, alan1971@bk.ru

Abstract. The reforms of Peter I became the basis for the gradual restructuring of all the military forces of Siberia. The main role in the Russian military cavalry of the Peter's era was played by dragoons. Under Peter I, dragoon regiments were the only type of Russian regular cavalry. In the field army, Peter I ordered the formation of 34 dragoon regiments. In addition, garrison dragoon regiments were formed in the province in the strategically important cities of Azov, Astrakhan, Kazan, and Tobolsk. In the 30–50s of the XVIII century, the number of field dragoon regiments of the Russian Empire decreased to 20. In 1744, 3 field dragoon regiments Olonetsky, Vologda and Lutsky, and 2 field infantry regiments Shirvan and Nasheburg were sent to Siberia to protect the region from the Dzungars. By the decree of the Senate of September 29, 1744, all the Russian troops of Siberia were subordinated to the chief commander of the Siberian Corps, who was subordinate to the Military College. Major-General Christian Kinderman was appointed the main commander in Siberia. In March 1756, the Russian army consisted of 3 cuirassiers, 29 dragoons, and 46 infantry regiments, totaling 78 army regiments, with 172,440 men. As a result, during the Seven Years' War, the number of field dragoon units in Russia decreased by 3 times and by 1763 was only 7 regiments. As a result, if in 1754 the dragoons were 36,627 people (92.6 %), then by 1767 there were only 4,802 people (12.8%) from the Russian cavalry in their ranks.

Keywords: dragoons, soldiers, cavalry, line, nomads, Siberian Corps.

About the author: Puzanov Vladimir Dmitrievich, Dr. habil., Shadrinsky State Pedagogical University. Shadrinsk, Russia, alan1971@bk.ru

Военные реформы Петра I привели к формированию регулярных гарнизонных полков Сибири. В 1715–1720 гг. в Сибирской губернии были сформированы Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский солдатские, и Сибирский гарнизонный драгунский. В 1727 г. солдатские полки были переименованы по районам формирования, в Тобольский, Енисейский, и Якутский. К 1726 г. в гарнизонных полках Сибирской губернии служили

4 991 человек [1, л. 273]. После экспедиции Бухольца 2 000 солдат служили в крепостях по р. Иртыш [2, с. 138].

При Петре I в русской полевой армии были сформированы 34 драгунских полка. Кроме полевой армии, гарнизонные драгунские полки были сформированы в центрах губерний в стратегически важных городах Азове, Астрахани, Казани, Тобольске. В русской полевой армии к 1724 г. в 34 драгунских полках служили 41 075 человек, и в 40 пехотных полках служили 58 081 человек. Всего при Петре I в полевой армии имелось 74 полка, в которых служили 99 159 человек [1, л. 264]. Кроме полевой армии в гарнизонных войсках России к 1725 г. служили 49 пехотных полка, драгунские полки Казанский, Астраханский, Воронежский, который был переведен из Азова и Сибирский, 2 отдельных эскадрона драгун Московский и Ярославский. Всего в гарнизонных войсках служили 70 000 человек. В драгунском полку служили по штату 1 182 чел., а в отдельном эскадроне 564 чел. К 1733 г. всего в гарнизонной драгунской кавалерии служили 5 856 чел.

В 1730 г. русская регулярная армия составляла по штатному расписанию 227 000 чел., однако в военных действиях могла использовать примерно половину этих сил [3, с. 107]. В 1730–1736 гг. в русской армии были сформированы 11 новых полков и 2 пехотных батальона. Характерно, что количество полков полевой армии сократилось, а сформированы были новые драгунские и ландмилицкие полки для защиты пограничных линий на юге и востоке России. На Украинской и Ново-Закамской линиях формировались 14 ландмилицких полков. 18 мая 1734 г. были изданы указы об учреждении Уфимского и Оренбургского драгунских полков. 7 сентября 1736 г. началось формирование драгунского полка в Сибири [3, с. 180–181].

Во время башкирского восстания 1735–1741 гг. кочевники нападали на южные слободы Сибири. 25 августа 1736 г. власти Сибирской губернии писали в Сенат, что кочевники «людей бьют и берут в полон и отгоняют конские табуны и скот». Сибирский приказ для защиты слобод в Сибири предложил образовать 2 новых драгунских полка и 1 батальон пехоты. Главной проблемой в Сибири и в 1730-е гг. были отношения с Джунгарией. В 1736 г. власти Сибирского приказа писали, что в случае конфликта с контайшей джунгар, в Сибирь придется «полков немалый корпус». Контайша Джунгарии имел большое войско, «оной владелец весьма люден». Сибирский приказ сообщал, что если «полков армейских в Сибирскую губернию для предосторожности от владельца Галдан Черена прислано не будет, то надлежит с ним... искать союза» [4, л. 651–652].

7 сентября 1736 г. по доношению Сибирского приказа указом Сената в Сибири были учреждены 1 драгунский полк и 1 пехотный батальон. Главным источником личного состава новых частей стали сибирские служилые люди – «дворяне, казаки и их дети». В новые части Военной коллегией направлялись офицеры, отставленные из полевой армии, которые «гарнизонную службу снести могут» [5, с. 924].

Сибирский приказ составил расписание Новоучрежденного драгунского полка и Новоучрежденного батальона. В новые части Сибири для полного комплекта нужны были 1 866 сибирских служилых людей, в драгунский полк 1 133 чел., и в пехотный батальон 733

чел., без офицеров. В сентябре 1737 г. в Сибирской губернии служили 9011 чел. дворян, детей боярских, казаков и прочих служилых людей. Кроме того, в Сибири было 4365 чел. рекрут, которых не брали в армию с 1732 г. Таким образом, по данным Сената, всего в Сибири имелось для формирования новых частей 13 376 чел. [6, л. 678]. Однако к июню 1738 г. в Сибири в Новый драгунский полк зачислили только 496 служилых людей, и в Новый батальон пехоты – 370 чел., а всего 866 чел., которых послали на юг Сибири для защиты от набегов. [6, л. 1057–1058].

К середине XVIII в. обострились отношения России с джунгарами в районе округа Колывано–Воскресенских заводов. В 1740–1750 гг. Колывано–Воскресенские заводы стали важным источником пополнения бюджета Российской империи и главным центром добычи золота и серебра, которые давали возможность государству чеканить монету из своих российских драгоценных металлов. После взятия в казну у Акинфия Демидова Колывано–Воскресенских заводов, с 1748 по 1759 г. заводы принесли, по данным правительства, «золота самого чистого» 89 пудов 14 фунтов на 962 372 руб., серебра 2 824 пуда 14 фунтов на 2 231 087 руб., а также меди 2 396 пудов 15 фунтов на 15 145 руб. Кроме того, на заводах имелась серебряная руда и медь ценой более на 100 тыс. рублей. Всего за 12 лет было получено с заводов металлов на 3 313 548 руб., из которых только 660 000 руб. было употреблено на заводские расходы [7, с. 617].

24 августа 1744 г. в Сенат был вызван из Тулы Акинфий Демидов, который должен был сообщить по требованию сенаторов, по какой цене он покупает провиант для Колывано–Воскресенских заводов, какие народы живут около заводов и до Телецкого озера и какие там есть поселения. На эти вопросы Демидов ответил, что на заводы привозят обыватели ржаную муку по цене 56 коп. пуд, а больше «показать он ничего не может за незнанием тамошних мест, понеже он Демидов на означенных своих заводах никогда не бывал» [8, с. 165].

Однако Колывано–Воскресенские заводы и земли около них стали причиной конфликта России с Джунгарией. 29 июля 1743 г. начальник Оренбургской экспедиции предложил «ради крепкой предосторожности от Зенгорцев и Казачей орды» отправить из Тобольска регулярные команды в форпосты Ишимской линии. 20 апреля 1744 г. в ответ на требование о присылке городских казаков и выписных казаков в Оренбургский край, власти Тобольска сообщили, что почти все служилые люди из ближайших к нему городов были посланы на Тобольские форпосты. В частности, по требованию полковника Павлуцкого «все наличные служилые люди Тюмени направлены туда без остатка» [9, л. 7]. Значительное число служилых людей имелось только на востоке Сибири – в Томске, Кузнецке и Красноярске, однако направить их оттуда в Оренбург было трудно по причине дальнего расстояния, кроме того, здесь они защищали земли от ойратов. По данным Тобольска, ойраты собирались в набег на казахов на р. Иртыша «от чего имеется великая опасность, дабы оные... легкомысленные и необузданные люди не учинили нападение на русские жилища» [9, л. 7]. В результате русские военные силы на юге были усилены — в Кузнецк отправилась рота солдат, а на Ишимские форпосты к Новоучрежденному драгунскому полку 272 служилых людей.

28 июня 1744 г. в Усть-Каменогорскую крепость прибыли три урянхайца, подданные «зенгорского владельца», и сообщили, что правитель Джунгарии Галдан-Церен «имеет намерение собрать войско и пойти» на Усть-Каменогорскую, Семипалатную и Ямышевскую крепости и на Колыванский завод с войной. Весной 1744 г. к ним от правителя приезжал зайсан, приказавший «чтобы все урянхайцы были оружейны и исправны, нынешним летом будет поход на крепости». На вопрос: «отчего война?», посланцы ответили: «слышали они от старшин своих, завелся в новь на нашей земле на Чарыше завод и от того поднимается ссора» [10, л. 3].

Полковник Тимофей Зарин, командир Иртышской линии, требовал от Сибирской губернии прислать конницы, полагая, что ойраты «учинят за малолетством верноподданным ея императорского величества народам разорение» [10, л. 5]. По данным Зарина, к 28 июля 1744 г. в Ямышевской крепости состояло 403 солдат и казаков, в Семипалатной крепости служили 304 солдат и казаков, в Усть-Каменогорской крепости служили только 141 чел., часть из которых отправлялась для экспедиции на озеро Ямыш [10, л. 3]. Таким образом, сил для отражения крупного набега кочевников в Иртышских крепостях не было.

22 мая 1744 г. указом императрицы Елизаветы Петровны из Сената в Военную коллегию было предписано «подать обстоятельную ведомость» и причем «немедленно» о состоянии войск и укреплений в Сибирской губернии — на верхнем Иртыше, по устью реки Оми и под городом Кузнецком — о «построенных российских крепостях», в каком они находятся состоянии, сколько в них артиллерии, аммуниции, и гарнизона — регулярных и нерегулярных войск. Коллегия должна была также сообщить о состоянии гарнизонных полков в Сибирской губернии — сколько в них состоит людей и их службах «и куда они особливо употребляются», а также нерегулярных войск — «а именно дворян, казаков и прочих тому подобных» [11, л. 2].

Военная коллегия сообщила, что в Сибири состояли гарнизонные полки — конные Сибирский и Новоучрежденный драгунские полки и пехота — Тобольский, Енисейский и Якутский полки и Новоучрежденный батальон. В справке специально отмечалось, что Якутский полк состоит на рубеже с Китаем — далеко от р. Иртыш. Кроме того, в городах Западной Сибири близких к р. Иртыш служили, по данным Тобольска, только 2 180 служилых людей «старых служб». Так, в Тобольске имелось 777 чел. русских служилых людей и татар, на Верхотурье — 90 чел., в Туринске — 45 чел., в Таре 347 чел., в Пелыме — 20 чел., в Кузнецке — 249 чел., в Томске — 367 чел., в Нарыме — 80 чел., в Енисейске — 205 чел.

По рапорту из Сибирской губернии от 28 февраля 1744 г. в Сибирском и Новоучрежденном драгунском полках, Тобольском и Енисейском пехотном полках и в Новоучрежденном батальоне по данным с 1 сентября 1743 г. по 1 января 1744 г. служили 5 809 чел., из которых 3 010 чел. были командированы на юг — в Иртышские крепости и в крепости Оренбургской губернии. В результате «при команде» осталось только 2799 чел. — 2704 чел. здоровых и 84 больных, 11 солдат состояли под арестом. Для полного комплекта надо было прислать еще 80 чел. солдат и унтер-офицеров.

Указом Сената от 14 июня 1725 г. было разрешено брать «для употребления» на заводские работы рекрутов с приписных к заводам деревень Казанской и Сибирской губерний. 6 марта 1744 г. Сенат приказал оставить для защиты заводов, собранных в 1742–1743 гг. крестьян из приписных к заводам деревень «потребное число» [11, л. 5].

11 сентября 1744 г. Сенат рассмотрел вопрос защиты Сибири от возможного нападения джунгар, и решил, что сил 5 гарнизонных полков и 1 батальона, крайне мало для большой территории Сибири. В край по указу Елизаветы Петровны и по «определению» Сената было приказано «немедленно отправить» 3 драгунских полка из Оренбургской губернии, 2 полка Низового корпуса, выведенных из Персии, и при нужде еще 3 драгунских полка, чтобы «чтобы для такого сильного неприятеля всегда содержать особый военный корпус». В сибирских городах Сенат решил собрать 6 000 чел. и зачислить их в казаки, 3 000 чел. из них отправив на рубеж с Джунгарией. Сенат предложил сформировать в Сибири еще 2 пехотных полка. Чтобы найти средства — 85 760 рублей для содержания новых военных частей и казаков Сибири, Сенат даже предложил императрице распустить полк Конной гвардии, который содержался на доходы Сибири, направив его личный состав в другие полки [8, с. 180–185].

По указу Елизаветы Петровны 25 октября 1744 г. на Иртышскую линию были командированы Олонецкий, Вологодский и Луцкий полевые драгунские полки и 1000 яицких казаков из войск, находившихся в Оренбургской губернии. Позднее в Сибирь были отправлены Ширванский и Нашебургский пехотные полки, которые были сформированы Петром I в Низовом корпусе и служили на Кавказе в бывших провинциях Персии. Полки имели опыт войны с кочевыми войсками. В 1738 г. Ширванский и Нашебургский пехотные полки под командой фельдмаршала Ласси воевали с турками, а Вологодский драгунский полк боролся с башкирами на Закамской линии [12, л. 3].

По указу Сената от 29 сентября 1744 г. все военные силы Сибири были подчинены главному командиру Сибирского корпуса. Военная коллегия назначила командиром генерал-майора Христиана Киндермана [13]. В октябре 1744 г. на восток были срочно отправлены для руководства Сибирским корпусом генерал Киндерман и бригадир Юрлов. 11 октября 1744 г. в сенатскую контору был вызван генерал-майор Киндерман, где ему было сообщено о его назначении «к команде в Сибирь» [8, с. 228]. Генерал Христиан Киндерман был одним из многих европейцев служивших в Российской империи, поступивших на службу России при Петре I и отдавших свои силы и знания новой родине. В 1715 г. Христиан Киндерман поступил в российскую службу, в 1726 г. он служил майором пехотного полка фон Гагена, затем Выборгского драгунского полка, а в апреле 1730 г. подполковником Ярославского драгунского полка, с 1733 г. полковником Ростовского драгунского полка. В 1734–1735 г. Киндерман служил в Дербенте, в 1736 г. участвовал в войне с Турцией и служил при взятии Азова под командой знаменитого полководца фельдмаршала Петра Ласси. В 1738 г. стал командиром Низовского пехотного полка. Христиан Киндерман участвовал в боях армии П. Ласси в Финляндии со шведами и после первой крупной победы русских войск над корпусом Врангеля в 5 тыс. чел. 3 сентября 1741 г., был отмечен среди других отличившихся генералов

и офицеров. Именно во время войны с Швецией 11 сентября 1741 г. Х. Киндерман получил чин генерал-майора. В 1742 г. Киндерман служил под командой П. Ласси, командуя русским отрядом на галерах в армии, собранной в мае под Выборгом, и принял участие в последующих событиях войны [14, с. 927].

Из Сибири в это время приходили новые известия об ойратах. 16 ноября 1744 г. в Сенате обсуждался рапорт из Тобольска от 26 октября. 29 сентября урянхайцы на охоте сказали солдату Тюрину из команды полковника Зарина, что Галдан-Церен собрал 4 тысячи ойратов и собирается идти в поход на казахов. Ранее распространялись слухи о походе ойратов с казахами в Сибирь. Сибирская канцелярия приказала Зарину «всякими возможными способами» разведать, что же будет делать владелец ойратов [8, с. 255].

В ноябре 1744 г. полковник Олонецкого полка Крафт с 3 армейскими драгунскими полками из Оренбургской губернии «немедленно и прямым трактом» был отправлен северным путем – на Кунгур, а затем в Екатеринбургский уезд, а оттуда в Тюменский уезд Сибирской губернии. Однако Крафт пошел по направлению к Казани, дав крюк в 400 верст пути.

По данным Сибирской губернской канцелярии, осенью 1744 г. до прихода полков из Тобольска в 5 крепостях и 7 форпостах на р. Иртыш служили 1366 чел. «регулярной и нерегулярной команды». Кроме того, из городов Сибири было выслано в крепости по р. Иртыш и на форпосты Кузнецкого уезда 568 казаков, русских и татар, дворян и детей боярских. 8 сентября на сибирские форпосты прибыл драгунский полк, посланный из крепостей Оренбургской губернии по требованию властей Сибирской губернии. Полк получил приказание занять тобольные и ишимские форпосты недавно построенной Ишимской линии [8, с. 277].

Осенью из Сибири начали поступать уже совсем другие известия о намерениях контайши. 14 октября 1744 г. полковник Зарин из Ямышевской крепости сообщил рапортом в Тобольск, что томский купец Мельников, ездивший в Джунгарию, видел контайшу Галдан-Церена «в добром здоровье», причем он кочует «с малыми людьми» и не собирается идти в военный поход. К российским людям Галдан-Церен, как сказал купец, «весьма был добр», не обижал и даже дал Мельникову конвой для проезда в русские владения. Зарин писал, что в крепостях на р. Иртыш «состоит все благополучно» и нет никаких известий о набегах [8, с. 256].

11 января 1745 г. Сенат получил сообщение сибирской губернской канцелярии, от 10 декабря 1744 г. которая сообщала, что по известиям, полученным из Ямышевской крепости, ойраты не собирались воевать в Сибири. Посланные на р. Иртыш драгунские полки в Тобольске было решено оставить в слободах на юге Тарского уезда до Омской крепости, где было больше продовольствия, так как в Иртышские крепости еще не был завезен провиант. Отправленный из Тобольска в крепости на р. Иртыш пехотный полк и служилые люди с полковником Павлуцким продолжали свой поход на восток [8, с. 299].

30 декабря 1744 г. сибирская губернская канцелярия направила в Сенат новый рапорт, на основании рапортов, полученных ранее в Тобольске из Иртышских крепостей, согласно

которому на р. Иртыш не было нападений кочевников «и состоит все благополучно». Из Джунгарии в разные Иртышские крепости прибыли 96 торговцев с товарами, которые в расспросе сообщили, что контайша Галдан-Церен кочует на р. Или в месяце пути от Усть-Каменогорской крепости и не собирается с кем-либо воевать [8, с. 310].

В 1745 г. 5 полевых полков были переведены в Сибирь. В июле 1745 г. Олонецкий и Вологодский драгунские полки, Ширванский пехотный полк и яицкая команда казаков прибыли в Омскую крепость из Ишимского дистрикта. [8, с. 537]. В результате на востоке России возник особый Сибирский корпус из 5 полевых полков, гарнизонных полков и казаков на линиях. Посылка корпуса в Сибирь протекала в сложных внешнеполитических условиях. В это время Россия фактически вступила в войну за Австрийское наследство, поддержав старую союзницу – Австрию, оказывая давление на ее соперников. В 1746–1748 гг. вся полевая русская армия была собрана в Прибалтике, откуда в 1748 г. была послана армия под командой генерал-аншефа В. Н. Репнина на р. Рейн.

В сентябре 1745 г. контайша Галдан-Церен умер. Как стало известно от ойратов, прибывших в Ямышевскую крепость с купеческим караваном, в январе 1745 г. во время болезни Галдан-Церен приказал знати «с Россией и с китайцами войны отнюдь не держать и жить в тишине и с прочими ордами». Контайша сказал знатным людям ойратов, чтобы русские не строили крепостей к югу от Усть-Каменогорской крепости. Если же они будут строить новые крепости между уже построенными крепостями, то «от тех де утеснения не имеется и не мешают». Этот совет контайши был принят знатью «за благо», простой народ также «все покою рады и тишины желают». Однако, по русским данным, между ойратами было «не согласно». Одна партия хотела отдать власть старшему сыну от наложницы Ламе-Доржи «ибо де он смысл и остроту к правлению их владения имеет», а другая желала правления младшего но законного сына Бичаган-Цагана [8, с. 610, 625].

20 мая 1746 г. Сенат запросил Военную коллегия: «есть ли какая опасность в Сибири от зенгорской стороны и можно ли команду яицких казаков отпустить из Сибири в Оренбургскую губернию, а донских казаков оттуда в свои дома, чтобы защищать свою территорию?». 1000 яицких казаков была отправлена в Сибирь 1744–1745, 1000 казаков содержала форпосты на низовьях р. Яик, в домах оставалась только 1000 казаков [8, с. 669]. Коллегия предложила отпустить казаков из Сибири, однако окончательное решение отдавала Сенату. Сенат решил вернуть казаков в Оренбургскую губернию [8, с. 679]. 3 июня Военная коллегия сообщила, «что к Сибири с зенгорской стороны никакой дальней опасности нет. Галдан-Церен умер, а его сын прислал в Тобольск лист «что он с Россией в дружбе пребывает и купечество по-прежнему отправлять хочет».

Наиболее опасными районами в 40–50 гг. XVIII в. являлись крепости по р. Иртышу и Кузнецкого края, так как данные территории оставались спорными с Джунгарским ханством, так и не признавшим власть Российской империи над этими землями. В период зимы у крепостей имели место столкновения с большими группами казахов, постоянно пытавшимися перейти на русский берег р. Иртыша для зимовки. Так зимой 1755 г. к реке Иртышу прикочевали 300 – 500 вооруженных казахов [15, л. 2].

По данным Х. Киндермана, к 1750 г. юг Сибири на 2 728 верст от Тобольного форпоста на р. Тобол до г. Кузнецка, защищали только около 10 000 чел. регулярных и нерегулярных войск. Генерал отмечал, что многочисленные кочевые народы могут создать серьезную угрозу для русских владений, совершив набег на Сибирь [16, с. 235]. К 1751 г. в Сибирской губернии имелось на службе 4 764 казака — 4 271 русских и 493 служилых татар [17, л. 1].

В 1750 г. генерал-майор Беер просил прислать на Колыванскую линию яицких или донских казаков и 1 000 сербских гусар [18, с. 42].

К 1751 г., по данным Х. Киндермана, Сибирский драгунский полк занимал район Иртышских крепостей, а Новоучрежденный драгунский полк стоял на Колыванской и Кузнецкой линии, и в Красноярском уезде [17, л. 3]. В это время в Сибири началось строительство Новой Ишимской линии, соединявшей русские крепости по р. Иртыш и линии Оренбургской губернии. В 1752 г. Х. Киндерман определил, что в крепости Новой Ишимской линии необходимо содержать 3 642 чел. — 1 290 регулярных и 2352 нерегулярных [16, с. 451].

В Сибири генерал Х. Киндерман умер и 31 июля 1752 г. в правление команды Сибирским корпусом вступил бригадир Крафт. 1 августа 1752 г. Военная коллегия в ответ на указ Сенат, об определении на место генерал-майора Киндермана «надежной персоны» приказала до особого указа возложить команду над армейскими и гарнизонными полками и служилыми людьми Сибири «обретающемуся там» бригадиру Крафту [16, с. 659, 701].

В 1750-е гг. в Европе началась дипломатическая и военная подготовка новой большой войны «великих держав». Елизавета Петровна начала готовить полевую армию для войны в Европе. В 1752 г. Военная коллегия по расписанию полевой армии решила вывести 3 драгунских полевых полка из Сибири в Казанскую губернию на винтер-квартиры. 24 июня 1753 г. Военная коллегия приказала во исполнение императорского указа от 9 июня 1753 г. перевести из Сибири в Казань 2 пехотных полка — Ширванский и Нашебургский. 4 августа 1753 г. Крафт рапортовал в Военную коллегия, что это невозможно в настоящее время, так как оба полка были разбиты на небольшие отряды, которые находились «в отдалении от Тобольска» [19, л. 4]. Ширванский стоял в Иртышских крепостях, за 1 500 верст от Тобольска, а Нашебургский — на Новой линии в крепостях, на работах, и в конвоях с провиантом.

Крафт сообщал также, что 3 драгунских полевых полка в это время находились на Новой линии, «знатная команда» в разъездах между строившихся укреплений, а другие стояли на старых форпостах, не терявших своего значения до окончания строительства Новой линии. Крафт предложил направить на Иртышскую линию на смену Ширванскому полку команду в 1 000 чел., собранную из 3 драгунских полков, «ибо по той обширной линии одному Сибирского гарнизона Сибирскому гарнизонному полку обнять и содержать никак невозможно» [19, л. 5]. Вторая команда драгун в 1 000 чел. должна была остаться на Новой линии. 25 августа 1753 г. Военная коллегия приказала Крафту как можно быстрее собрать всех командированных из полков и направить их в Казань «без всякого продолжения», закрыв линии имеющимися полевыми драгунскими и гарнизонными драгунскими полками.

В 30–50 гг. XVIII в. количество полевых драгунских полков Российской империи уменьшилось до 20, за счет формирования из них кирасирских, а позднее конногренадерских полков, которые готовились, прежде всего, для борьбы с тяжелой кавалерией европейских великих держав. К середине XVIII в. драгунская кавалерия находилась в кризисе, в результате из 20 драгунских полков Военная коллегия смогла направить на участие в кампаниях Семилетней войны только 3 полка. Главную роль в войне сыграли кирасирские, конногренадерские и гусарские полки.

В марте 1756 г. Военная коллегия сообщила в Конференцию, что в русской армии состоят 3 кирасирских, 29 драгунских и 46 пехотных всего 78 армейских полков, в которых служат 172 440 чел. [20, с. 32–35]. 6 апреля 1756 г. Конференция при дворе ее императорского величества назначила к военным действиям в Европе армию в 130 000 чел., из них 110 000 чел. регулярных и 20 000 чел. нерегулярных. При этом часть войск оставалась в губерниях, в Москве служили 4 полка Навагинской, Московский гарнизонный, а также выведенные из Сибири Нашебургский и Ширванский, которые Конференция приказала «содержать в готовности, дабы ежели нужда будет в поход выступить могли» поддерживая главную армию С. Апраксина. Всего в империи служили кроме гвардии и нерегулярных войск 112 полевых, гарнизонных и ландмилицких полков, 2 эскадрона и 5 батальонов, а в них 161 795 чел. [20, с. 45–49].

Комиссия Военной коллегии в 1756 г. сформировала 6 конногренадерских полков, которые наряду с кирасирскими должны были стать в сражениях войны ударной силой русской армии. Военная коллегия планировала в период формирования новых полков тяжелой кавалерии раскассировать два полевых драгунских полка – Олонецкий и Луцкий из трех, командированных в Сибирь. Личный состав полков Военная коллегия собиралась направить частично в новые кавалерийские полки, а частично отдать в «новопроектируемые губернские полки» [21, л. 1]. Конференция назначила к формированию кирасирских и конных гренадерских полков Олонецкий и Луцкий драгунские полки, однако 6 апреля 1756 г. в протоколе отметила, что «...при нынешних обстоятельствах и тамошнюю сторону совсем войсками обнажить не надлежит». Конференция в итоге оставила эти 2 полка, которые остались «сверх нового положения излишними... впредь не касовать, но содержать их в нынешнем состоянии и с нынешним жалованьем на воинской службе» [20, с. 49].

Позднее 16 мая 1756 г., отметив наличие ряда сложных внешнеполитических проблем на юге Сибири, Военная коллегия решила, что теперь восточные провинции «совсем войсками обнажить не надлежит». Количество полевых драгунских полков Военная коллегия уменьшила с 20 до 18, но 2 полка Сибирского корпуса не раскассировали, а временно оставили излишними «сверх нового положения». В эти полки Военная коллегия решила не направлять новых рекрутов, а Вологодский драгунский полк комплектовать из состава 2 «излишних полков» [21, л. 2]. Это решение позволяло не направлять в Сибирь рекрутов из Европейской России, чтобы «чаемого от того немалого труда избежать было можно». В результате этого решения Военная коллегия все 3 полевых драгунских полка, имевшихся в

Сибири, остались без пополнений из Европейской России. К 1765 г. по данным Шпрингера некомплект в них составил примерно 1 000 чел. [22, л. 28]. В итоге во время Семилетней войны число полевых драгунских частей России уменьшилось в 3 раза и к 1763 г. составляло всего 7 полков. В результате, если в 1754 г. драгуны составляли 36 627 человек (92,6 %), то к 1767 г. в их рядах насчитывалось только 4 802 человек (12,8 %) от русской кавалерии.

К 1755 г. в Сибирской губернии остались 3 полевых драгунских полка Олонецкий, Вологодский и Луцкий, всего 3 789 человек, и 2 гарнизонных драгунских Сибирский и Новоучрежденный, всего 2 238 человек. Кроме того, в губернии служили 3 пехотных гарнизонных Тобольский, Енисейский, Якутский и Новоучрежденный батальон в 4 420 человек. Всего в Сибири в 8 полках и батальоне служили 10 447 человек [23, л. 2].

После конца Семилетней войны полки, выведенные из Сибири служили в Европейской России. К 1763 г. Нашебургский полк состоял в Санкт-Петербургской дивизии, а Ширванский полк – в Московской дивизии [24, с. 27].

Литература

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Оп. 1. Д. 29.
2. Памятники сибирской истории XVIII в. / ред. А.И. Тимофеев. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, Кн. 1. 1882. XXXII, 551, [1] с.
3. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб.: Алетея, 2001. 352 с.
4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 135.
5. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание 1. Т. 9 (с 1733 по 1736 г.). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1028 с.
6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 134.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Соб. 1. Т. 15 (с 1758 по 1762 г.). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1051 с.
8. Сенатский архив. Т. 6. Протоколы Правительствующего сената 1744–1746 гг. СПб.: Сенат. тип., 1893. 802, 38 с.
9. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 5.
10. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 261.
12. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138.
13. РГАДА. ф. 248. Оп. 4. Кн. 180.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Соб. 1. Т. 11 (с 1740 по 1743 г.). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 992 с.

15. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 29.
16. Сенатский архив. Т. 8. Протоколы Правительствующего сената 1750, 1751 и 1752 гг. СПб.: Сенат. тип., 1897. 746, 32 с.
17. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17.
18. Материалы для истории Сибири / собр. Г.Н. Потанин. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1867. 324 с.
19. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22
20. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. / под ред. М.Н. Коробкова. М.: Воениздат, 1948. 916 с.
21. РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 796.
22. РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 937.
23. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 24.
24. Лебедев А. Русская армия в начале правления Екатерины II. Материалы для русской военной истории. М.: Унив. тип., 1899. VI. 114 с.

References

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 9. Op. 1. D. 29. (In Russian).
2. Pamyatniki sibirskoi istorii XVIII v. (1882). St. Petersburg. (In Russian).
3. Petrukhintsev, N.N. (2001). Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota, 1730–1735 g. St. Petersburg. (In Russian).
4. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 135. (In Russian).
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii s 1649 g. Sobranie 1. 9 (1733-1736) (1830). St. Petersburg. (In Russian).
6. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 134. (In Russian).
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. Sob. 1. 15 (1758-1762) (1830). St. Petersburg. (In Russian).
8. Senatskii arkhiv (1893). 6. In Protokoly Pravitel'stvuyushchego senata 1744–1746 gg. St. Petersburg. (In Russian).
9. Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti (GAOO). F. 366. Op. 1. D. 5. (In Russian).
10. RGADA. F. 24. Op. 1. D. 29. (In Russian).
11. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA). F. 20. Op. 1/47. D. 261. (In Russian).
12. RGADA. F. 20. Op. 1. D. 138. (In Russian).
13. RGADA. f. 248. Op. 4. Kn. 180. (In Russian).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. Sob. 1. T. 11 (1740–1743) (1830). St. Petersburg. (In Russian).
15. GAOO. F. 366. Op. 1. D. 29.
16. Senatskii arkhiv. T. 8. Protokoly Pravitel'stvuyushchego senata 1750, 1751 i 1752 gg. (1897). St. Petersburg. (In Russian).

17. GAOO. F. 366. Op. 1. D. 17. (In Russian).
18. Materialy dlya istorii Sibiri (1867). Moscow. (In Russian).
19. GAOO. F. 366. Op. 1. D. 22. (In Russian).
20. Semiletnyaya voina (1948). In Materialy o deistviyakh russkoi armii i flota v 1756–1762 gg. Moscow. (In Russian).
21. RGVIA. F. 23. Op. 1/121. D. 796. (In Russian).
22. RGVIA. F. 23. Op. 1/121. D. 937. (In Russian).
23. GAOO. F. 366. Op. 1. D. 24. (In Russian).
24. Lebedev, A. (1899). Russkaya armiya v nachale pravleniya Ekateriny II. In *Materialy dlya russkoi voennoi istorii*, Moscow. (In Russian).

Пузанов В.Д. Русская армия в Сибири в 30–50 годы XVIII в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 84-95. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/08>

Puzanov, V.D. (2021). The Russian army in Siberia in the 30–50 years of the XVIII century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 84-95. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/08>

дата поступления: 09.03.2021

дата принятия: 12.06.2021

УДК 94(47).08

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/09>

Задорожная О.А.

**ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ КУПЕЧЕСКОГО
СОСЛОВИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
(последняя четверть XVIII – первая четверть XIX вв.)**

Zadorozhnyaya O.A.

**THE TRENDS IN THE FORMATION OF THE ELITE
OF THE MERCHANT CLASS OF TOBOLSK PROVINCE
(THE LAST QUARTER OF THE XVIII – FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURIES)**

Аннотация. Купечество как основной субъект делового мира Российского государства в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. отличалось двойственностью: с одной стороны, его социальный статус соответствовал общегосударственному законодательству, с другой – отличался региональными особенностями. Предметом исследования стала социальная градация и выделение ведущей группы купеческого сословия Тобольской губернии последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв.: определение принципов ее выделения и существования. Цель статьи – выделить черты группы потомственного купечества как ведущего подсословия Тобольской губернии (последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв.). Методы. При подготовке данной работы нами был разработан алгоритм исследования, который заключался в определении общей численности купеческого сословия Тобольской губернии (610 отдельных фамилий), которые были разделены с помощью историко-сравнительного метода и метода моделирования на отдельные социальные подгруппы. Результаты исследования иллюстрируют неоднородность гильдейского купечества городов Тобольской губернии последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. как участника делового мира Западной Сибири. Прослеживается зависимость социального положения купца не столько от размеров капитала, сколько от продолжительности пребывания в потомственном купечестве. Сибирский купец во многом отличался замкнутостью и практичностью в период пребывания в гильдейской организации. При этом представители ведущего подсословия предпочитали транзитную торговлю на границе с Китаем или на всероссийских ярмарках. В этом случае купец должен быть известен как в родном городе, так и за его пределами своей коммерческой и общественной деятельностью. Учитывая, что капитал принадлежал купеческой семье, ее члены распределялись между различными сферами деятельности. Торговое сословие Тобольской губернии имело много общих черт, но за счет

Abstract. Merchants as the main subject of the business world of the Russian state in the last quarter of the 18th – first part of the 19th centuries. was distinguished by ambiguity: on the one hand, its social status corresponded to national legislation, on the other hand, it was distinguished by regional characteristics. The subject of the research is the social gradation and the identification of the leading group of the merchant class of the Tobolsk province in the last quarter of the 18th – first part of the 19th centuries: determining the principles of its separation and existence. The purpose of the article is to highlight the features of the group of hereditary merchants as the leading sub-class of the Tobolsk province (last quarter of the 18th – first quarter of the 19th centuries) Methods. In preparing this work, we developed a research algorithm, which consisted in determining the total number of the merchant class of the Tobolsk province (610 separate surnames), which were divided using the historical-comparative method and the modeling method into separate social subgroups. Results: the research illustrates the heterogeneity of the guild merchants of the cities of the Tobolsk province in the last quarter of the 18th – first part of the 19th centuries. as a participant in the business world of Western Siberia. Conclusions: There is traced the dependence of the social status of the merchant not so much on the size of the capital, but on the length of stay in the hereditary merchant. The Siberian merchant was distinguished in many ways by his isolation and practicality during his stay in the guild organization. At the same time, representatives of the leading sub-class preferred transit trade on the border with China or at all-Russian fairs. In this case, the merchant must be known both in his hometown and abroad for his commercial and social activities. Considering that the capital belonged to a merchant family, therefore, its members were distributed among various fields of activity. Thus, the trading class

внутренней градации отличалось текучестью, четким разделением обязанностей, дифференциацией капитала. Потомственное купечество представляло собой отдельную социальную подгруппу, в которой «звание купца... предпочиталось всему на свете».

Ключевые слова: купечество, гильдия, иерархия, Тобольская губерния; сословие, элита, каста.

Сведения об авторе: Задорожная Ольга Анатольевна, ORCID: 0000-0002-1305-9728, канд. ист. наук, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, zadorozhniaya.olga@yandex.ru

of the Tobolsk province had many common features, but due to internal gradation it was distinguished by fluidity, a clear division of responsibilities, and capital differentiation. Hereditary merchants represented a separate social subgroup, in which «the title of merchant ... was preferred to everything in the world».

Keywords: merchants, guild, hierarchy, Tobolsk province; class, elite, caste.

About the author: Zadorozhnyaya Olga Anatolyevna, ORCID: 0000-0002-1305-9728, Ph.D., Surgut State University, Surgut, Russia, zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Тобольская губерния в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. отличалась огромной территорией, узостью внутреннего рынка, удаленностью от крупных промышленных и торговых центров, малочисленностью населения, слаборазвитой экономикой, спецификой взаимоотношений коренного и пришлого населения. Одним из влиятельных сословий местного общества были купцы, для которых характерно занятие как торговым, ремесленным, так и промышленным производством [1; 2]. Это отражалось на статусе купца – он выступал торговцем, промышленником, ремесленником, меценатом, членом городского самоуправления и т. д. [3, с. 11].

Исследование ведущих купеческих родов Российского государства, отдельных родов Сибири нашло место в исторической науке. Так, появились публикации о Сибиряковых, Морозовых, Корнильевых, Колокольниковых и др. предпринимательских родах [4]. Как правило, ученые рассматривают купечество как единую социальную группу, участников товарно-денежных отношений, субъектов органов самоуправления. Однако купеческое общество никогда не было однородным и представляло собой сложную структуру с официальными и неформальными лидерами.

Для купеческого сословия характерна не только официальная градация на гильдии, но и внутренняя градация, как правило, основанная на других критериях. Российское законодательство определило для представителей разных сословий наследственные права, но из-за ежегодной записи в гильдии для купечества пользоваться ими было сложно. По мнению, Б.Н. Миронова, истинными причинами организации гильдий в России можно считать оформление административно-налоговой системы [3, с. 225]. Хотя с 1775 г. купечество было отделено от других городских слоев, оно сохраняло право на внешнюю и внутреннюю миграцию. В деловом мире Тобольской губернии можно выделить вертикальную (переход из сословия в сословие) и горизонтальную мобильность (переход из гильдии в гильдию).

Купеческие общества городов Тобольской губернии были немногочисленны. В уездных центрах они могли быть представлены несколькими фамилиями, что при отсутствии большого капитала способствовало расширению коммерческих возможностей остальных категорий населения. По российскому законодательству купечество объединялось в гильдии,

внутри которых сохранялось «условное деление» на розничных торговцев, владельцев промышленных предприятий, торговцев пушниной, банкиров, судовладельцев и т. д.

В тоже время социальное деление мира торговцев отразилось в русском языке появлением синонимов: мелочный торговец, оптовик, лавочник, судовладелец, промышленник, банкир. Этот же процесс характерен для европейских языков: во французском использовались слова-синонимы: купец-негоциант, оптовый купец, купец-буржуа, в испанском для того, чтобы подчеркнуть наличие большого капитала к фамилии купца добавляли – звание «катари» [5, с. 40–41]. Подобная градация сословия в целом устраивала как административную власть, так и купеческие общества. Как отмечалось выше, положение российского купечества во многом зависело от текущей политики правительства. Например, по указу Екатерины Второй у купечества выкупались бывшие казенные предприятия, а взамен владелец мог рассчитывать на чин «... горных чиновников по классам и ... дворянство» [6, с. 227].

Внутренняя дифференциация российского купечества не была столь резкой, как в Западной Европе. Это связано с тем, что само государство выступало главным оптовиком, вводя монополии на продажу соли, спиртных напитков, добычу драгоценных металлов, полезных ископаемых и первоочередной вывоз за границу полуфабрикатов. Еще одним значимым участником делового мира в изучаемый период становился город, у которого во владении оказались склады, торговые площади, причалы, пристани, дороги, мосты и мн. др. Коммерческая деятельность города заключалась также в том, что он сдавал в аренду или продавал землю, различные помещения, выдавал откупа, распоряжался налогами с ремесленного и промышленного производства, торговых площадей и т. д. Купцы получили право стать главным участником городского самоуправления, т. е. вести городское хозяйство, распоряжаться собственностью. Здесь прослеживается не столько противоречие, сколько заложенная в законодательстве возможность вовлечения богатых купцов в хозяйственно-экономическую деятельность города как объекта рыночных отношений. Двойственность политики отразилась не в желании увеличения купеческого капитала, а в получении должности в системе самоуправления, что оказалось более доходным. Так, заложенный при создании гильдий принцип: «чем больше капитала, тем больше прав и привилегий» во многих регионах России звучал по-другому: «чем знатнее род, тем дольше он находился в деловом мире и чем выше должность в городском самоуправлении, тем больше прав и возможностей». Однако, это не означало прямое нарушение российского законодательства купцами, но они искали более выгодные формы организации собственной семьи для успешной деятельности [7, с. 31, 35].

Иерархия, как правило, ассоциируется с пирамидой во главе с элитой. В Западной Европе на вершине находилось подсословие с правом «управлять, направлять, решать» все проблемы делового мира. Эта группа была представлена потомственными купцами, ростовщиками, промышленниками, банкирами, судовладельцами. В Российской империи были попытки создать промежуточный слой между дворянством и владельцами капитала. Жалованная грамота городам 1785 г. выделила в городском обществе слой именитых людей,

куда вошли состоятельные купцы, художники, ученые, капиталисты, банкиры, судовладельцы и т. д. [8, с. 344–358] Но объединение семи слоев городского общества, не связанных ни экономически, ни политически не привело к ожидаемым результатам. Затем для богатых купцов в 1800 г. «вводился класс отличия ... Коммерции-Советника» приравненный к «осьмому классу службы статской» [9, с. 99–100; 10, с. 906]. Только Дополнительным постановлением 1824 г. верхушка купечества отделялась от городского общества со статусом купцов первой гильдии, первостатейных купцов, купцов-негоциантов, банкиров и Коммерции-Советников [11, с. 588]. Бесспорным признаком принадлежности к купеческой элите в России должно было стать «не именем и чином, а трудолюбие». Такой процесс характерен для обществ с присутствием длительных традиций при наличии многочисленного купечества.

Численность купцов Тобольской губернии была небольшой по сравнению с даже с губерниями Европейской России. По отчетам губернаторов число купцов первой гильдии с 1808 г. по 1820 г. в данном регионе сократилась на 77% [12, л. 31].

Если обратиться к конкретным фамилиям, то в изучаемый период в купеческую элиту по формальным признакам могли войти именитый гражданин Ф.Ф. Кремлев из Тобольска, Коммерции-Советник И.Ф. Нерпин из Тары, Коммерции-Советник В.Д. Корнильев из Тобольска, тюменский купец Барашков, награжденный за пожертвования «золотой медалью на Аннинской ленте». Однако количество влиятельных купцов-торговцев и купцов-промышленников в регионе было значительно больше, что определялось скорее семейно-деловыми отношениями и сроком пребывания в гильдии.

В Тобольской губернии в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. в купеческое сословие записалось 610 фамилий, но только 23 или 3,8% можно отнести к потомственным купцам [13, с. 11–12]. Пребывание в ведущей группе купечества зависело не столько от размеров объявленного капитала, сколько от соблюдения установленной процедуры записи и сложившихся принципов. В эту группу входило 9 семей из Тобольска (Дьяконовы, Ершовы, Корнильевы, Кремлевы, Медведевы, Пиленковы, Селивановы, Сыромятниковы, Ширковы), 7 из Тюмени (Аласины, Барашковы, Белокашины, Башарины, Прасоловы, Сорокины), по одному из Тары (Нерпины), Туринска (Топорковы, а затем Паневы), Кургана (Обрядовы, а затем Меньшиковы), Ялуторовска (Минаевы), Ишима (Постниковы), Березова (Нижегородцевы) и Сургута (Тверетиновы).

Эта группа купцов представляла все три гильдии и происходила из следующих слоев населения: четверо – из крестьян, трое – из купцов, по двое – из дворян, посадских людей, мещан, цеховых и крещенных инородцев, по одному – из ямщиков и казаков. В конфессиональном плане представители видных купеческих родов Тобольской губернии принадлежали к православию, но среди них были старообрядцы (6 семей) и крещенные инородцы.

Исследование видов и направлений деятельности купеческих семей показало, что потомственное купечество стремилось в исследуемый период изменить форм объединения капитала. Наметилось несколько тенденций объединения:

1. Вокруг известных купеческих династий наблюдался процесс консолидации капитала за счет создания неразделенной семьи. Купеческая семья больше похожа на предпринимательскую компанию семейно-родственного типа, во главе мог стоять купец или его супруга, а участниками становились сыновья, дочери даже после замужества или другие категории родственников.

2. Объединение капитала за счет семейно-брачных союзов. Как правило, новые купцы стремились породниться с потомственными. Продвижение вверх за счет подчинения традициям, значительных денежных капиталовложений в развитие семейно-родственного предприятия, налаживания связей и поддержания своего имиджа. Как правило, только один из десяти вновь записавшихся мог удержаться в купеческом сословии.

В целом попасть в слой городской или купеческой верхушки Тобольской губернии было довольно сложно, т. к. приходилось «вести скрытую борьбу против своих бывших и новых коллег». Документы отражают способы и приемы, которыми пользовались претенденты. Купеческий род Полуяновых происходил из торговых посадских известных своей деятельностью за пределами губернии. В документах 1764 г. упоминался И.А. Полуянов «ведущий торг в крепостях и пограничных таможнях по отпускам». Его сын в 1780-е гг. стал купцом первой гильдии с капиталом более 50 тыс. рублей [14, л. 2 об.]. Он «производил торги в России и за границей» (в Средней Азии), занимался частными подрядами и казенными откупам. В Кяхте делами купца первой гильдии занимался купец третьей гильдии А. Беликов, которого в конце концов деловой партнер разорил. Полуянов вел совместные коммерческие операции с откупщиком М. Походяшиным, с Коммерции-Советником И. Курбаяновым, монополистами из Иркутска. Компаньоны отправляли торговые караваны в города Средней Азии через Петропавловскую таможню, занимались казенными поставками продуктов питания на Тобольский Север [15, л. 1, 3]. Н.М. Ядринцева относил А.А. Полуянов как категории «капиталист-каболитель... все забирал в свои руки». Хотя купец Полуянов владел значительным капиталом, занимал в городском самоуправлении различные должности, но губернское купеческое общество его «не принимало» из-за способов обогащения. Купеческая семья разорилась, одной из причин этого процесса стало отсутствие поддержки в купеческой управе.

Восхождение и закат «звезд» можно было наблюдать в различных городах Тобольской губернии, т. к. влиятельная группа потомственного купечества стремилась оставаться замкнутой. Порой к этой группе даже можно применить термин каста, в которой присутствовал принцип «взаимопомощь, взаимозависимость», но при соблюдении в каждой семье принципа «мой дом – моя крепость». При этом местная власть наделяла частными привилегиями представителей отдельных купеческих фамилий независимо от гильдии. Например, большими преимуществами при получении подрядов, «одолжений» от казны пользовались тобольские купцы-промышленники Корнильевы, Пиленковы, Дьяконовы, Медведевы, березовский купец Нижегородцев, тарский Нерпин и др. Хотя полная замкнутость для верхушки купеческого общества не характерна, но наблюдалась тенденция ее отделения или обособления от остальной массы городского общества. Для поведения

купеческой элиты характерны следующие черты: стремление к обогащению за счет сращивания капиталов нескольких семей; стремление к обособлению путем заключения браков как «коммерческого предприятия»; стремление к «захвату и подчинению» системы самоуправления для расширения своего дела.

Все эти принципы фактически стали концепцией программы купеческой элиты и способствовали созданию особой среды существования. Замкнутость купечества Тобольской губернии позволила «установить контроль» через торговую специализацию городов, через монополизацию продажи конкретного товара или через получение преимущества группе купцов (семьи или рода). Например, тюменское купечество получило большие привилегии на изготовление и продажу кожаных ремесленных изделий из-за специализации купцов-старообрядцев Барашкова, Сорокина, Прасолова, Проскурякова и др. Эти семьи обладали как значительными денежными средствами, так и прочными торгово-промышленными связями в регионе. Купцы-старообрядцы не стремились к установлению полномасштабной монополии в Тобольской губернии на кожевенное производство, т. к. это противоречило из религиозной философии. Господствующее место в Тобольской губернии принадлежало тобольскому купечеству из-за близости к губернской администрации или органам самоуправления. Именно «родственные рычаги давления» помогали купцам Корнильевым, Кремлевым, Куклиным в их деятельности, т. к. представители семейств занимали высокие чиновничьи должности. Например, общественные положение позволило откупщику И.Т. Куклину, именитому гражданину Ф.Ф. Кремлеву получить подряды на строительство домов после очередного пожара в городе.

Объединения купеческих фамилий в Тобольске, Тюмени больше напоминали компании с единым капиталом, разделением обязанностей и даже своими принципами ведения дел – честностью и доверием. Участники предприятия делили риск, деятельность, прибыль, а также ответственность перед деловыми партнерами, другими родственниками, капиталом которых они распоряжались. Официально о создании объединения никто не объявлял, но по имеющимся в источниках сведениям можно говорить о семейных компаниях Прасоловых, Барашковых, Башариных и Шапошниковых в Тюмени, Селивановых, Ширковых и Пиленковых в Тобольске.

В некоторых случаях капитал объединяли купцы разных гильдий без прямых родственных связей, но имеющие длительные деловые отношения. Так, по российскому законодательству купцы третьей гильдии не могли торговать на оптовых ярмарках, поэтому им приходилось выполнять обязанности приказчиков купцов первой и второй гильдий. Тобольские купцы первой гильдии А. Гневашев и третьей Н. Руженский вели совместную торговую деятельность в Кяхте, о чем стало известно, когда приказчик указал в графе «владельцы» обе фамилии. А. Гневашеву пришлось как в письменной, так и в устной форме давать объяснения в Тобольской городской думе о том, что он является единственным собственником товара [16, л. 47, 135]. Относительная скрытность, замкнутость в купеческой среде приводила к тому, что купцы стремились расширить свою деятельность, открыть новые предприятия, не афишируя эти события.

В удаленных городах, как правило, один купец становился признанным лидером, что связано с отсутствием традиционной системы самоуправления и большого количества купечества. Например, в Березове иногородним купцам «фактически было запрещено» вести самостоятельную торговлю с местными жителям, открывать продуктовые лавки для коренного населения. Объяснение можно найти в воспоминаниях путешественника А. Эрман: «... собственно купцов в Березовском округе было считалось девять; впрочем, все они принадлежат по родству к семейству Нижегородцева и образуют патрициат, признанный от берегов Ледовитого океана до Самарово. Богатейший и старейший член этого семейства поселился теперь здесь после шестидесятилетних поездок руководствует только...» [17, с. 233-234]. В Таре большим влиянием пользовался купец первой гильдии, промышленник и Коммерции-Советник И.Ф. Нерпин [18, л. 39-40]. Он длительный период занимал должность городского головы и пользовался поддержкой государственной власти, поэтому нарушение статусных привилегий, как правило, заканчивалось разорением обидчика. Лидерами купеческого общества Кургана на протяжении указанного периода было два купца третьей гильдии И. Обрядов, Меньщиков [19, л. 30]. Оба торговца происходили из крестьянского сословия, после ослабления позиций Обрядова Меньщиков отобрал у конкурента не только статус неофициального главы города, но и коммерческие предприятия.

Стоит заметить, что во многих уездных городах Тобольской губернии постоянно или временно проживали представители известных потомственных династий Тобольска – Корнильевых, Селивановых, Кремлевых, Пиленковых, Неволлиных. «Освоение» купеческими сыновьями, племянниками данного региона происходило через приобретение городской недвижимости, налаживание связей в местных купеческих обществах, но не «монополизацию». Уездный город был всего на всего промежуточным звеном в семейном предприятии. В тоже время Обрядовы, Меньшиковы, Постниковы представляли собой купцов другого типа, для которых уездный город становился началом в предпринимательской карьере.

Таким образом, купеческая элита Тобольской губернии формировалась в основном из представителей торгово-ремесленного слоя известного в первой половине XVIII в. своей предпринимательской деятельностью. В целом для гильдий характерна передвижение из одного слоя в другой, но представители элиты отличались относительной стабильностью и довольно высоким уровнем преемственности капитала. Для формирующейся купеческой элиты данной губернии характерна диверсификация капитала, т. е. сочетание сразу нескольких видов деятельности или создание своеобразных анклавов семьи по территории Сибири. В тоже время купечество городов Тобольской губернии не было идентичным, а стремилось сформировать собственную модель семьи-компании или партнеры-компании. Такой поиск стимулировал как предпринимательскую деятельность, так и поиски нового вида дохода. Определенное значение для устойчивости капиталов играл демографический фактор, благодаря которому членами купеческой семьи становились не только близкие, но и дальние родственники, а также свояки.

В иерархия торгового мира значительную роль играло государство, которое взамен установленного фискального контроля над гильдиями представляло больше возможностей для обогащения. Можно сказать, что расслоение регионального купечества связана с выделением разных подсословий: элиты (касты), среднего и мелкого купечества. Проанализированные источники позволяют говорить о наличие в Тобольской губернии особого вида конкурентной борьбы, сибирский вариант этого явления Ф. Бродель назвал «конкуренцией без конкурентов» [20, с. 441]. Все три направления конкуренции: между городами за сферу торговли и определенный товар; между гильдейскими и сельскими торговцами за право вести торговлю продуктами питания; внутри купеческой верхушки велась за место главы клана сказывались на формировании торговой элиты.

Литература

1. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia. 2006. 384 с.
2. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск: Издательство ТГАСУ, 2009. 308 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1997. Т. 1. 258 с.
4. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 657 с.
5. Задорожная О.А. К вопросу о социальном статусе купечества Российской империи в работах историков второй половины XIX века // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. №3. С. 36-43.
6. Тобольские губернские ведомости [неофициальная часть]. 1857. №25. С. 224–234.
7. Судовиков М.С. К вопросу о периодизации истории купеческого сословия в России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: философия, педагогика, психология: научный журнал. 2008. № 1. С. 30–38.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 22. 1168 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 26. 873 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 31. 942 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 38. 1352 с.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4.
13. Задорожная О.А. Истоки происхождения купечества городов Тобольской губернии (1725-1825 гг.) // Северный регион. 2017. № 1. С. 11–23.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/ 56.

15. ГУТО ГА в г. Тобольске. (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. И-8. Оп. 1. Д. 84.
16. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 95.
17. Линк И.В. Пятидневное пребывание доктора А. Эрмана в Березове // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1834. №12. С. 215–268.
18. Тобольский государственный исторический музей-заповедник. № 12596.
19. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-329. Оп. 1505. Д. 8.
20. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Игры обмена. М.: Весь мир, 2007. Т. 2. 672 с.

References

1. Komleva, E.V. (2006). Eniseiskoe kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka). Moscow. (In Russian).
2. Boiko, V.P. (2009). Kupechestvo Zapadnoi Sibiri v kontse XVIII–XIX v. Ocherki sotsial'noi, otraslevoi i mental'noi istorii. Tomsk. (In Russian).
3. Mironov, B.N. (1997). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.). St. Petersburg. (In Russian).
4. Razgon, V.N. (1999). Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoi polovine XIX v. Barnaul. (In Russian).
5. Zadorozhnyaya, O.A. (2018). K voprosu o sotsial'nom statuse kupechestva Rossiiskoi imperii v rabotakh istorikov vtoroi poloviny XIX veka. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, (3), 36-43. (In Russian).
6. Tobol'skie gubernskie vedomosti [neofitsial'naya chast'] (1857). (25), 224–234. (In Russian).
7. Sudovikov, M.S. (2008). K voprosu o periodizatsii istorii kupecheskogo sosloviya v Rossii. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: filosofiya, pedagogika, psikhologiya: nauchnyi zhurnal*, (1), 30–38. (In Russian).
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1830). 22. St. Petersburg. (In Russian).
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1830). 26. St. Petersburg. (In Russian).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1830). 31. St. Petersburg. (In Russian).
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1830). 38. St. Petersburg. (In Russian).
12. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 1264. Op. 1. D. 4. (In Russian).
13. Zadorozhnyaya, O.A. (2017). Istoki proiskhozhdeniya kupechestva gorodov Tobol'skoi gubernii (1725–1825 gg.). *Severnyi region*, (1), 11–23. (In Russian).
14. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 397. Op. 1. D. 445/ 56. (In Russian).
15. GUTO GA v g. Tobol'ske. (Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske»). F. I-8. Op. 1. D. 84. (In Russian).
16. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-8. Op. 1. D. 95. (In Russian).
17. Link, I.V. (1834). Pyatidnevnoe prebyvanie doktora A. Ermana v Berezove. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del. St. Petersburg*, (12), 215–268. (In Russian).
18. Tobol'skii gosudarstvennyi istoricheskii muzei-zapovednik. №12596. (In Russian).

19. GUTO GA v g. Tobol'ske. F. I-329. Op. 1505. D. 8. (In Russian).

20. Brodel', F. (2007). Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. Igry obmena. 2. Moscow. (In Russian).

Задорожная О.А. Тенденции формирования элиты купеческого сословия Тобольской губернии (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 96-105. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/09>

Zadorozhnyaya, O.A. (2021). The Trends in the Formation of the Elite of the Merchant Class of Tobolsk Province (the Last Quarter of the XVIII – first Quarter of the XIX Centuries). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 96-105. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/09>

дата поступления: 04.04.2021

дата принятия: 19.06.2021

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/10>

Еремин С.В.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА
В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ (23 августа 1939 – июнь 1941 гг.):
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Eremin S.V.

**TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE NAZI REGIME
IN THE SOVIET PROPAGANDA (23 AUGUST 1939 – JUNE 1941):
A SOURCE STUDY ASPECT**

Аннотация. В статье, на основе широкого круга исторических источников, рассматриваются ключевые события, связанные с изменениями в освещении деятельности нацистского режима советскими пропагандистскими органами в связи с подписанием советско-германских договоров: о ненападении (август 1939 г.), о дружбе и границе (сентябрь 1939 г.). Отмечается, что обе стороны пытались найти точки соприкосновения по ряду второстепенных, «периферийных» вопросов, что поворот в советской пропаганде, начавшийся в августе 1939 г., давал толчок для создания позитивного культурного имиджа бывшего врага. Однако по причинам, прежде всего, идеологического характера использовать ожидавшиеся преимущества от этого политического сближения с целью развития культурных связей в полной мере не удалось. Анализируются причины неудачной попытки «культурного сближения» Советского Союза с Третьим рейхом. Указывается на попытки советского руководства изучить с целью дальнейшего использования опыт пропагандистской работы в Германии. Отмечается, что, начиная с лета 1940 г. в условиях постепенного ухудшения советско-германских отношений постепенно меняется характер деятельности пропагандистских структур. Все чаще в завуалированной форме звучит критика нацистского режима. Показано, что в мае–июне 1941 г., происходит новый антинацистский поворот в советской пропаганде. Делается вывод, что если в период потепления отношений с Германией в советской пропаганде классовая парадигма была временно заменена на национальную, или же культурно-историческую, то развернувшаяся в мае–июне 1941 г. политико-идеологическая кампания имела явно антигерманский и антинацистский характер.

Ключевые слова: пакт Молотова-Риббентропа, Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), политико-идеологическая компания, пресса, пропаганда, управление по агитации и пропаганде ЦК ВКП(б), Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).

Abstract. The article, based on a wide range of historical sources, examines the key events associated with changes in the coverage of the Nazi regime by Soviet propaganda bodies in connection with the signing of the Soviet-German treaties: on non-aggression (August 1939), on friendship and the border (September 1939 g.). It is noted that both sides tried to find common ground on a number of secondary, "peripheral" issues, that the turn in Soviet propaganda, which began in August 1939, gave an impetus to create a positive cultural image of the former enemy. However, for reasons, primarily of an ideological nature, it was not possible to fully use the expected advantages from this political rapprochement in order to develop cultural ties. The reasons for the unsuccessful attempt at "cultural rapprochement" between the Soviet Union and the Third Reich are analyzed. It points to the attempts of the Soviet leadership to study the experience of propaganda work in Germany with a view to further use. It is noted that, starting in the summer of 1940, in the conditions of a gradual deterioration in Soviet-German relations, the nature of the activities of propaganda structures is gradually changing. Increasingly, criticism of the Nazi regime is voiced in a veiled form. It is shown that in May – June 1941, a new anti-Nazi turn in Soviet propaganda took place. It is concluded that if during the warming of relations with Germany in Soviet propaganda the class paradigm was temporarily replaced by a national or cultural-historical one, then the political and ideological campaign that unfolded in May-June 1941 had a clearly anti-German and anti-Nazi character.

Keywords: the Molotov-Ribbentrop Pact, the People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID), the political and ideological company, the press, propaganda, the agitation and propaganda department of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Main Directorate for Literature and Publishing (Glavlit), All-Union Society for Cultural Relations with Abroad (VOKS)

Сведения об авторе: Еремин Сергей Владимирович, ORCID: 0000-0002-9007-3603, канд. ист. наук, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, serjomin@mail.ru

About the author: Eremin Sergey Vladimirovich, ORCID: 0000-0002-9007-3603, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, serjomin@mail.ru

23 августа 1939 г. в Москве министр иностранных дел нацистской Германии Й. фон Риббентроп и народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов поставили свои подписи под советско-германским договором о ненападении, получившим впоследствии наименование «пакт Риббентропа–Молотова». Это событие послужило сигналом для развёртывания в СССР политико-идеологической кампании, содержание которой сводилось к внедрению в общественное сознание мысли о том, что СССР и нацистская Германия отныне не являются противниками.

Уже на следующий день после подписания договора в передовой статье «Правды» отмечалось, что различия политических системах и в идеологии обеих государств не являются препятствием для установления добрососедских отношений между ними [1]. Ключевыми в контексте разворачивавшейся политико-идеологической кампании являлись устные выступления и публикации в центральных газетах главы Советского правительства В.М. Молотова, за которым стоял И.В. Сталин.

В своей речи на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа 1939 г.) В.М. Молотов повторил тезис об установлении «добрососедских отношений между СССР и Германией» [2]. Глава Советского правительства не только нацеливал пропагандистские органы на отказ от открытых антинацистских деклараций, но и озвучил установку для населения СССР об адекватном восприятии подобного пропагандистского поворота.

28 сентября 1939 г. в ходе второго визита Й. Риббентропа в Москву был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это соглашение дало новый импульс для усиления политико-идеологической кампании в духе сталинского курса на советско-германское сближение.

9 октября 1939 г. в газете «Известия» появилась передовая статья, текст которой предварительно отредактировал И.В. Сталин [2]. В этой статье ставился вопрос о том, насколько аргументы западных противников Германии в пользу продолжения войны с ней могут быть признаны сколько-нибудь обоснованными и убедительными? Кроме того, утверждалось, что каждый человек волен выражать собственное отношение к той или иной идеологии и имеет полное право защищать или отвергать ее. Однако, как указывалось в рукописи этой статьи, истребление людей по причине неприятия тех или иных мировоззренческих убеждений является «нелепой и бессмысленной жестокостью» [3, с. 312].

При редактировании ее И.В. Сталин после этих слов переписал часть текста и добавил: «Это возвращает нас к мрачным временам средневековья, когда велись опустошительные религиозные войны во имя уничтожения еретиков и инакомыслящих. Однако история показала, что подобные идеологические и религиозные подходы приводили лишь к истреблению целых поколений и культурному одичанию народов. Можно уважать или

ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» – значит допускать в политике преступную глупость» [3, с. 312].

В.М. Молотов в своей речи на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. в полном согласии со сталинской постановкой вопроса высказался по поводу перспектив войны между Германией и западными союзниками. Он, в частности, заявил, что можно признавать либо не признавать нацистскую идеологию, но вести войну «за уничтожение гитлеризма» не только бессмысленно, но и преступно [2]. По этому поводу Ю.Л. Галактионов отмечал: «...все тут, как говорится, шито белыми нитками и трудно сказать, чего здесь больше – цинизма, фальсификации, обыкновенного вранья? Важно другое: это была официальная точка зрения, а другие исключались вовсе» [4, с. 133].

В новых политических условиях, когда советскими лидерами был выдвинут лозунг дружбы с нацистской Германией и они выступили с осуждением войны на «уничтожение гитлеризма», руководящие органы советской цензуры действовали в полном согласии с этими установками. По указанию Главлита изымалась печатная продукция, в которой встречались формулировки с прямым осуждением нацистского режима либо просто с намеками на критику гитлеровской внутренней и внешней политики.

В конце 1939 – начале 1940 гг. началось изъятие из библиотечных фондов, изданных ранее в СССР книг и брошюр, содержащих критику в адрес нацистского режима и нацистских лидеров. Начальник Главлита Н.Г. Садчиков 10 февраля 1940 г. направил заместителю начальника УПА ЦК ВКП(б) список книг, подлежащих изъятию из продажи и из библиотечного оборота.

Цензура изъела из обращения сборник Э. Тельмана «Боевые речи и статьи» и книгу С. Вишнева «Как вооружались фашистские поджигатели войны», поскольку нацистские деятели характеризовались в них не иначе, как «террористы и бандиты» [5, с. 33]. В списке книг, составленном начальником Главлита, фигурировала и «Третья империя в лицах», принадлежавшая перу Н. Корнева. Автор «очень остро» говорил «об изуверстве германского фашизма» и непрочности той базы, на которой держался А. Гитлер. Вывод руководства Главлита: «В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике» [6].

Советские пропагандисты после заключения Договора о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. оказались перед необходимостью изменить либо существенно скорректировать образ недавнего врага в лице нацизма. Однако в основном идеологическом арсенале не находилось ни соответствующих терминов, ни выразительных средств, с помощью которых можно было бы в данном случае создавать позитивный образ Германии. Причина состояла в том, что наличие в этой стране нацистского режима являлось «идеальным» для создания, подкрепления и воспроизводства собственной идентичности.

В период, предшествовавший сближению с Германией, в условиях мирового экономического кризиса, был дан новый импульс для развития идеи «мировой революции».

Однако появления в центре Европы, в Германии, этой, как считали идеологи Коминтерна, самой «революционной стране», враждебного нацистского режима, показавшего к тому же свою жизнеспособность, явилось одной из причин, по которым была поставлена под сомнение данная идея. Идеологические доминанты в советской пропаганде под влиянием событий 1933–1939 гг. уступили место сугубо прагматическим. Классовая составляющая и в большевистской идеологии, и в пропаганде не исчезла, однако постепенно отошла на второй план. На первое место в дипломатии и в пропаганде временно вышли «коллективная безопасность», «борьба за мир» против германского национал-социализма и итальянского фашизма, что наглядно показала причастность Советского Союза к событиям, происходившим во время Гражданской войны в Испании. Казавшиеся к началу 1930-х годов периферийными такие политико-идеологические аспекты, как историческая традиция и достижения в области культуры, оказались теперь в центре внимания пропаганды. Причина состояла не только в том, что сталинское руководство стремилось в условиях борьбы за коллективную безопасность и появления Народных фронтов европейских странах (в Испании и во Франции) как-то сгладить собственную классовую ортодоксию на международной арене. Важно было другое – советская держава строилась по имперскому принципу: внутри – жесткая централизация, вовне – отсутствие реальных союзников при наличии лишь временных партнеров (например, Франция и Чехословакия после дипломатических соглашений 1935 г.).

Начался процесс оформления новой идеологической доктрины. Так, в периодической печати СССР в 1930-е годы стала постепенно «исчезать» революционная риторика [7, с. 75, 77].

Следует отметить, что новый поворот в советской пропаганде, который был призван идеологически обосновать сближение с нацистской Германией, оказался возможным при одном важном условии – ставка делалась не на идеологический «центр», а на идеологическую «периферию». После подписания Договора о ненападении «упрощенная антифашистская агитация» (выражение В.М. Молотова) была свёрнута. Объявлялось, что различия в мировоззрениях и социальных системах не являлись помехой для сближения народов СССР и Германии. В советской прессе прекратились все выпады против нацистского режима, события внешней политики в ней освещались с германской точки зрения, а антифашистская литература оказалась изъятой из книжного оборота.

Напротив, в периодической печати стало указываться на то, что «германский народ *традиционно* с нами связан» [8, с. 166]. Обличительный термин «фашист» исчез из нее, сменившись более нейтральным «член национал-социалистической партии». Если до августа 1939 г. советская пропаганда обвиняла Германию в развязывании новой войны, то после подписания пакта Риббентропа–Молотова главными «обвиняемыми» вновь (как и после Гражданской войны) стали Англия и Франция. Что касается Германии, то утверждалось, что она «претерпела больше несправедливости, чем творила сама» [8, с. 167].

Постепенно СССР начал проводить курс на культурное сближение с нацистской Германией. Возникла реальная возможность использования благоприятной ситуации с целью возобновления советско-германских культурных связей, которые сократились сразу после прихода к власти в Германии национал-социалистов.

Начиная с сентября 1939 г., культурные связи между СССР и Германией постепенно реанимировались. Через Литературное агентство при Всесоюзном объединении «Международная книга» в Германию направлялись статьи, очерки, художественные произведения советских авторов. Увеличился объем книгообмена. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) планировало пригласить в Москву на гастроли известного немецкого дирижера В. Фуртвенглера, организовать гастроли в Берлине советского дирижера Е. Мравинского и балерины Г. Улановой. Из Германии от Общества им. И. Гуттенберга (г. Майнц) при посредничестве ВОКСа были получены материалы, которые использовались для экспозиции, организованной в июле 1940 г. Государственной Публичной Библиотекой СССР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Выставка в Ленинграде была приурочена к 500-летию изобретения книгопечатания в Европе выдающимся немецким деятелем культуры эпохи Возрождения И. Гуттенбергом [9, с. 215].

Периферийные аспекты советской идеологии едва ли не полностью исчерпывались термином «культура». Не случайно, для создания позитивного образа врага в лице нацистского режима в 1939 г. были взяты на вооружение именно характеристики, связанные с культурой. «Центральные» ресурсы советской идеологии также могли быть отчасти привлечены и косвенно использованы для создания позитивного образа нацистского режима. Например, ведшаяся ею война против Англии и Франции могла рассматриваться советской пропагандой как исторически прогрессивная, поскольку она должна была способствовать крушению мировой колониальной системы.

В целом, «периферийный» поворот в советской пропаганде, начавшийся в августе 1939 г., давал толчок для создания позитивного культурного имиджа бывшего врага. Однако по причинам, прежде всего, идеологического характера использовать ожидавшиеся преимущества от этого политического сближения с целью развития культурных связей в полной мере не удалось [10, с. 24].

В то же время в германской прессе стали подчеркиваться выгоды от экономического сотрудничества с Москвой. На следующий день после подписания советско-германского договора «Фёлькишер беобахтер» писала: «Советская Россия и Германия отстранены демократией от строительства новой мировой экономики на здоровом, современном практическом базисе, потому что эти демократии хотят искусственно сохранить мировую экономику, несмотря на ее крах. Старая мировая экономика, так же, как устаревшие демократии, не может воспрепятствовать тому, что обе страны строят собственное народное хозяйство, причем между ними происходит сильный, необходимый обоим странам, товарообмен» [11].

Другими словами, с германской стороны также использовались «периферийные» тезисы о близости экономических интересов обеих стран и, отчасти. Однако эти установки были далеки от «твердого ядра» («центра») идеологической системы. В обосновании нацистской идеологией своей идентичности как классовая аргументация («пролетарские государства против буржуазных»), так и аргументация экономическая, играли незаметную роль.

За три недели до наступления первой годовщины подписания советско-германского договора о ненападении, 31 июля 1940 г., А. Гитлер сообщил главнокомандующему вермахта о своем твердом решении покончить с Советским Союзом, уничтожив его жизненные силы. Германское пропагандистское ведомство продолжало «закручивать гайки», стремясь ограничить культурные связи с СССР. В начале сентября 1940 г. редакторы печатных изданий Третьего Рейха получили новое «разъяснение» на сей счет. В документе подчеркивалось, что политическое сотрудничество «с каким бы то ни было из народов земли не является автоматически стартовым сигналом к началу культурного обмена». Далее Министерство народного просвещения и пропаганды недвусмысленно предостерегало против использования немецкой прессой своей печатной площади, «чтобы информировать сегодня о результатах, достигнутых Россией за 20 лет» [12, с. 202-203].

После подписания Договора о дружбе и границе с Германией, в условиях, когда начался процесс восстановления советско-германских культурных связей, советским пропагандистам представилась возможность, не оглядываясь особо на идеологические расхождения с нацистами, проанализировать организационные и содержательные аспекты функционирования германских пропагандистских органов, прежде всего, документального кинематографа и радиовещания, и попытаться извлечь из этого анализа пользу.

Руководство Комитета по делам кинематографии при СНК СССР в своем информационном издании 15 июля 1940 г. подчеркивало, что в Германии уделялось большое внимание производству «нужных фильмов» о войне. В этом документе был также приведен материал из германской газеты о работе немецких кинематографистов во время новой военной кампании (теперь уже против Франции) [13, с. 132-133].

В докладной записке Д.З. Мануильского на имя А.А. Жданова (27 ноября 1940 г.) было, в частности, высказано предложение о необходимости изучения форм и методов подачи радиоинформации за рубежом. Так, Мануильский информировал Жданова о постановке дела иностранного радиовещания в Англии и Германии. При этом автор документа сообщает: «Было бы нелишне, если бы этот опыт изучили руководители нашего иноразговещания» [14].

Председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей В.С. Кеменов в своей докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова от 4 января 1941 г. сосредоточил внимание на основных задачах советской культурной пропаганды за рубежом [14]. Противопоставляя советскую пропаганду пропаганде, проводимой за границей другими странами, В.С. Кеменов отметил большой размах,

целеустремленность и организованности иностранной пропаганды, которая в ряде стран строго централизована. В данной связи он счел необходимым особо указать и на «так называемую культурную пропаганду», которую развернула за границей Германия [14]. Так, в Румынии в апреле 1940 г. был открыт «Немецкий научный институт». Его цель сводилась к пропаганде немецкой культуры в этой стране. В Болгарии, как отмечал В.С. Кеменов, Германия имела «широко организованную сеть активно работающих обществ»: Германо-Болгарское общество, крупный филиал национал-социалистической организации «Сила в радости», а также различные клубы (Херри-клуб, Турнфереин) [14]. 17 июня 1940 г. Германия подписала культурную конвенцию с Болгарией. С этого времени, как отмечал в своей докладной записке В.С. Кеменов, участились массовые поездки немцев с «культурной целью» в Болгарию. Возник Германский научный институт в Болгарии и соответствующий институт в Берлине. В болгарских высших учебных заведениях вводились кафедры немецкого языка и литературы, а в пяти университетах Германии началось преподавание болгарского языка. Немцы подарили софийской радиостанции несколько тысяч грампластинок с записями немецкой музыки. Они устраивали экскурсии студентов и болгарских учителей в Германию, посылали немецких профессоров и студентов с ответными визитами в Болгарию [14].

С момента начала Второй мировой войны пропагандистские органы Германии «били в одну точку», стремясь «оторвать Францию от Англии». С этой целью, как отмечал В.С. Кеменов, Германия использовала различные пропагандистские методы: проводила радиопередачи на французском языке, разбрасывала листовки в рабочих кварталах Парижа, издавала брошюры, открытки и т. д., в которых проводилась следующая мысль: в то время, как французы гибнут в окопах, английские союзники развлекались с их женами в кабачках [14]. После капитуляции Франции, по словам В.С. Кеменова, перед немецкой пропагандой была поставлена новая цель: вовлечь ее в войну против Англии. Этой задаче были подчинены все средства: от использования произведений Ч. Диккенса и Т. Карлейля как «обличителей английского капитализма» до «философских» построений нацистского идеолога А. Розенберга.

В.С. Кеменов в своей докладной записке также привел примеры успешной пропагандистской деятельности Германии в оккупированных ею странах, в первую очередь, в Норвегии и Бельгии. «Вся эта «культурная» пропаганда, – констатировал В.С. Кеменов, – ведется планомерно и централизованно». При этом германское правительство не скупилось на затраты по ее проведению. Вообще, по признанию Кеменова, германская пропаганда в военных условиях смогла служить примером «целеустремленности и планомерности» [14].

В условиях начавшейся Второй мировой войны, в которую оказались втянутыми в качестве противников Германии Великобритания и Франция, компартии этих стран в соответствии с прежними установками выступали за решительное противодействие фашистским агрессорам, в поддержку эффективных усилий в борьбе против нацистской

Германии, в защиту Польши, которая стала первой жертвой германского нападения [15, с. 8-10].

В то же время, руководство Коминтерна, осознавая всю сложность ситуации, возникшей в результате начала Второй мировой войны, сочло необходимым обратиться к И.В. Сталину за разъяснением того, как именно следует на нее реагировать. В ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. И.В. Сталин (в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова) имел беседу с генеральным секретарём ИККИ Г.М. Димитровым. Советский лидер утверждал, что возникшая война ведется за передел мира, за мировое господство. По мнению Сталина, было бы хорошо, если бы обе воюющие стороны «подрались хорошенько и ослабили друг друга» [15, с. 10]. Неплохо, – продолжал он свою мысль, если бы «руками Германии» было бы «расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)». Гитлер, по мнению Сталина, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему». Вождь высказал убеждение, что существовавшее ранее условное разделение стран на демократические и фашистские с началом военных действий в Европе утратило свой смысл. По его утверждению, коммунисты за рубежом должны решительно выступить против своих правительств, ведущих войну. В то же время И.В. Сталин в упомянутой беседе с Г.М. Димитровым, вопреки своим же утверждениям, назвал Польшу фашистским государством, которое угнетает украинцев и белорусов. Сталин заявил, что уничтожение этого государства в создавшихся условиях означало бы, что стало меньше «одним буржуазным фашистским государством». Он считал полезным разгром Польши, в результате которого социалистическая система распространилась бы «на новые территории и население» [15, с. 11].

Политические договоренности о советско-германском сближении так и не были дополнены соответственными договоренностями о культурном обмене. Определенный выигрыш от пакта Риббентропа–Молотова омрачали идеологические издержки. Официальные установки советского руководства не давали возможности их преодолеть.

Советское руководство путём советской культурной пропаганды стремилась с максимальной пользой для себя использовать те узкие каналы, которые открылись в короткий период политического сближения СССР и Германии. Использовалась любая возможность для популяризации русской и советской культуры в Третьем Рейхе. Но противодействие политико-пропагандистских структур и нацистского руководства не позволило использовать данную возможность в полной мере.

Начиная с лета 1940 г., советско-германские отношения начали ухудшаться. Это сказалось на характере деятельности пропагандистских структур. Внимание советской цензуры стали привлекать печатные материалы, излишне позитивно оценивавшие усилия нацистского режима во Второй мировой войне. Так, в «Вестнике иностранной военной и военно-технической информации ТАСС» с лета 1940 г., как отмечали сотрудники УПА ЦК ВКП(б), в названном издании стали превалировать немецкие пропагандистские статьи об «абсолютной непобедимости» вермахта. Некоторые материалы, перепечатанные

«Вестником» из немецкой периодики, сводились к доказательству отличного снабжения германской армии. Все это вызвало нарекания со стороны руководства Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [16, с. 24].

В январе 1941 г. специальная комиссия УПА ЦК ВКП(б) проверяла содержание публикаций в журнале «Интернациональная литература». Как оказалось, за 1940 г. в этом журнале были помещены материалы 85-ти немецких и лишь 30-и советских авторов, что вызвало порицание. Скорее всего, в связи с работой этой комиссии была составлена справка НКВД на Й.Р. Бехера, являвшегося ответственным редактором упомянутого журнала. В справке, в частности, утверждалось, что после подписания советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Бехер высказывал намерение «переехать в Германию» [17, с. 362]. Члены комиссии УПА ЦК ВКП(б) совершенно неуместным посчитали появление в «Интернациональной литературе» публикаций о праздновании в Германии 500-летия изобретения европейского книгопечатания. Между тем, юбилей европейского книгопечатания широко отмечался в СССР. По сведениям Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в Германии к началу 1941 г. насчитывалось 2800 книжных издательств, работало 27000 книготорговцев, имелось 40000 библиотек [13, с. 137]. Немцы, несомненно, имели все основания для того, чтобы отметить 500-летие изобретения книгопечатания, у истоков которого стоял великий соотечественник И. Гутенберг, и умалчивать об этом юбилее немецкоязычное издание «Интернациональной литературы» не могло.

Советское руководство, несмотря на нежелание идти на открытую идеологическую конфронтацию с Германией, весной 1941 г. все-таки решило предпринять некоторые завуалированные антигерманские акции. Сталинской премии удостоились создатели художественного фильма «Александр Невский», снятого с проката после подписания известных соглашений между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г. В апреле 1941 г., когда возникла напряжённость в связи с балканскими событиями, кинолента вновь появилась в прокате. Присуждение ей Сталинской премии было воспринято как антигерманская акция [10, с. 25].

Симптоматичной была встреча И.В. Сталин с британским послом в Москве сэром Стаффордом Криппсом 1 июля 1940 г., на которой генеральный секретарь говорил о возможности улучшения отношений советско-британских отношений [18, с. 116].

«Красная звезда» в номере за 2 августа 1940 г. поместила пространный анализ ситуации на театре военных действий. Военный эксперт газеты полковник Н. Журавлёв пришел к выводу, что Германии и Британии предстоит период долгих и упорных сражений [18, с. 118]. 12 августа в «Правде» появилась похожая статья, в которой исключалась возможность быстрой победы для обеих сторон [1].

Оба издания продолжали детально информировать аудиторию о ходе военных действий на британском направлении: в период между 1 августа 1940 г. и 22 июня 1941 г. «Правда» опубликовала более 300 материалов, а «Красная звезда» почти 240. Причем если «Правда»

чаще придерживалась лаконичного стиля, то «Красная звезда» напечатала 14 аналитических статей. Война в небе постоянно называлась необходимой прелюдией к наземной кампании [18, с. 118].

Советские комментаторы и аналитики указанных изданий чаще всего избегали давать оценки какой-либо из воюющих сторон, предоставляя читателю возможность самому сделать выводы. По мнению авторов публикаций, Германия все ещё удерживала инициативу, но упорное сопротивление противника над родным островом заставило немцев ввязаться в продолжительную борьбу с неясными результатами.

Общий тон публикаций с марта–апреля 1941 г. заметно меняется в пользу Соединенного Королевства, окончательно это произошло уже после нападения нацистской Германии на СССР. В марте–апреле 1941 г. ТАСС начал непосредственную подготовку к пропагандистской войне против ведомства Геббельса. Были собраны соответствующие материалы (выдержки из книги «Майн кампф» Гитлера, статьи о нацистском «новом порядке» в Польше и Югославии и т. д. и т. п.). В составе ТАСС была создана секретная редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном. Однако эта редакция развернула свою работу на всю мощь лишь после нападения Германии на СССР [10, с. 25]. 1 мая 1941 г. в газете «Правда» появилась передовая статья, в которой, утверждалось: «Советский Союз – это страна, где... выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на «высшие» и «низшие» расы» [1].

5 мая 1941 г. на официальной церемонии выпуска слушателей военных академий РККА И.В. Сталин выступил с большой речью. Вождь в своем выступлении дал понять, что следует переходить от мирной политики «к военной политике наступательных действий», Германия отныне рассматривается как потенциальный военный противник [19, с. 275]. В этой речи была немало положительных эпитетов в адрес Красной Армии, тоже время И.В. Сталин стремился показать отставание вермахта от требований времени, заключавшееся, по его мнению, в проявлении «головокружения от успехов», «зазнайства» [19, с. 276]. Эта работа не была доведена до конца. Перестройка партийно-политической работы в Красной Армии отличалась неоднозначностью и противоречивостью.

В развернувшейся политико-идеологической кампании под лозунгом «наступательной войны» большая роль отводилась радиовещанию. 31 мая 1941 г. в докладной записке на имя А.А. Жданова, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию Г.И. Стуков обратил внимание на недостатки в подаче ТАСС информации, от которой, полностью зависело советское радио, т. к. не имело собственных корреспондентов за рубежом [19, с. 243]. ТАСС, по мнению Стукова, обходил «полнейшим молчанием положение в Италии и Германии, а также в оккупированных Гитлером странах». В результате информация принимала «однобокий, объективно прогерманский характер». Между тем, умело составленные обзоры печати нейтральных и невоюющих стран (Швеции, Швейцарии, Финляндии, Турции), а также материалы германских средств массовой информации позволили бы, как считал председатель Всесоюзного радиокomiteта (ВРК),

очень многое «рассказать миллионам советских и зарубежных радиослушателей о положении трудящихся Европы», что не противоречило бы политике нейтралитета, провозглашенной СССР [19, с. 244]. Для ликвидации недостатков в организации радиопропаганды Г.И. Стуков предлагал осуществить следующие мероприятия: 1) передать руководство политикой радиовещания в СССР секретарю ЦК ВКП(б) по пропаганде, который бы еженедельно на специальных совещаниях с руководящими работниками ВРК давал бы «направление в работе»; 2) перестроить работу ТАСС, переложив на него не только обеспечение информацией периодической печати, но и радиовещания. Для этого Стуков считал необходимым укрепить корреспондентскую тассовскую сеть за границей; 3) создать мощную группу прослушивания иностранных радиопередач, которая могла бы снабжать срочной информацией ЦК ВКП(б), составлять специальный бюллетень, используемый в качестве источника для передач «Последних известий». Все это, помимо прочего, давало возможность изучать зарубежный опыт радиопередач; 4) обязать наркомат связи усовершенствовать техническую базу радиовещания [19, с. 244]. Эти предложения были приняты к сведению в ЦК ВКП(б), их намечалось учесть при реорганизации ТАСС.

С свою очередь руководство ТАСС также начало активно перестраивать свою работу, уже ориентируясь на пропагандистское противоборство с Германией. 9 мая 1941 г. на имя Г.М. Маленкова ответственным руководителем ТАСС Я.С. Хавинсоном была направлена справка о структуре зарубежных организаций, ведающих вопросами пропаганды и агитации [9, с. 213].

Я.С. Хавинсон развил активную деятельность, которая порой выходила за рамки его компетенции. 11 июня 1941 г. сотрудник секретного отдела Телеграфного Агентства Советского Союза обратился с личным письмом к А.С. Щербакову. Как оказалось, Я.С. Хавинсон сообщил свои подчиненным о срочном задании: подготовить для ЦК ВКП(б) материал об антисоветской направленности зарубежной, в том числе германской пропаганды.

Представленная им 30 мая 1941 г. на имя А.С. Щербакова докладная записка об организации приема зарубежных радиовещательных станций по рекомендации последнего 18 июня была рассмотрена на Секретариате ЦК. Секретариат принял решение передать материалы К.Е. Ворошилову, считая вопрос важным [8, с. 213].

Таким образом, в мае 1941 г. в СССР начала разворачиваться политико-идеологическая кампания критической по отношению к Германии направленности. Отправной точкой к ее проведению стали речь И.В. Сталина в Кремле перед выпускниками военных академий РККА, а также его тосты и реплики, провозглашенные на банкете по этому поводу (5 мая). Сталин сформулировал в директивной форме новые задачи, стоявшие перед пропагандистскими структурами. К их разрешению были привлечены политико-пропагандистские органы большевистской партии, печатные средства массовой информации, ТАСС и радиовещание.

Если в период потепления отношений с нацистской Германией 1939–1941 гг. в советской пропаганде классовая парадигма была временно заменена на национальную, или же культурно-историческую, то развернувшаяся в мае–июне 1941 г. политико-идеологическая кампания имела явно антигерманский и завуалированный антинацистский характер.

Однако эта кампания так и не приобрела широкого размаха. Она оказалась периферийной по ряду причин. Во-первых, в условиях сложнейшей международной обстановки, когда, несмотря на активизацию внешнеполитических акций А. Гитлера, продолжал действовать пакт о ненападении между Германией и СССР, Москва была вынуждена сдерживать активность пропагандистских органов. Во-вторых, развернуть упомянутую кампанию не удалось по причине ее кратковременности. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. в условиях начавшейся нацистской агрессии существенно расширило круг задач, стоявших перед советскими пропагандистскими органами.

Литература

1. Правда: ежедневная общеполит. газета // Орган ЦК ВКП(б). М. 1939.
2. Известия Советов Народных депутатов СССР: ежедневная общеполит. газета // Изд-е Президиума Верховного Совета СССР. М. 1939.
3. Яковлеа А.Н. Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов, 1917–1956 гг. М.: Материк, 2005. 752 с.
4. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы – первая половина 1990-х годов). Кемерово, 2007. 280 с.
5. Зеленов М.В. Главлит в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. №3. С. 21–36.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9425.
7. Иголкин А.А. Пресса как оружие власти // Россия XXI. 1995. №11-12. С. 68–86.
8. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М.: АИРО–XX, 1997. 288 с.
9. Невежин В.А. Специфика советской культурной дипломатии в условиях сближения СССР и Германии (1939–1941 гг.) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. 10. С. 206–223.
10. Еремин С.В. Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде 1933–1941 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
11. «Фёлькишер беобахтер» (Völkischer Beobachter) – печатный орган НСДАП (NSDAP).
12. Шафганс Б. «Валькирия» Эйзенштейна и германо-советские отношения / Пер. Л.С. Масловой // Киноведческие записки. 1998. Вып. 39. С. 198–211.
13. Невежин В.А. Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939–1941 гг. // Россия и Европа в XIX–XX веках. М., 1996. С. 129–143.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
15. Коминтерн и Вторая мировая война. В 2 ч. Ч. 1. До 22 июня 1941 г.: сб. документов / Ин-т всеобщей истории РАН; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. М., 1994. 554 с.
16. Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. №1. С. 19–34.
17. «Верните мне свободу!»: Деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора: Мемориальный сб. из архивов бывшего КГБ / ред.-сост. В.Ф. Колязин в сотр. с В.А. Гончаровым; Гос. ин-т искусствознания. М.: Медиум, 1997. 446 с.
18. Кудряшов С.А. Битва за Британию // Родина. 2003. №5/6. С. 116–119.
19. Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М.: Эксмо–Яуза, 2007. 320 с.

References

1. Pravda: ezhednevnyaya obshchepolit. Gazeta (1939). Organ TsK VKP(b). Moscow. (In Russian).
2. Izvestiya Sovetov Narodnykh deputatov SSSR: ezhednevnyaya obshchepolit. Gazeta (1939). Izd-e Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. Moscow. (In Russian).
3. Yakovlev, A.N. (2005). Bol'shaya tsenzura: pisateli i zhurnalisty v Strane sovetov, 1917–1956 gg. Moscow. (In Russian).
4. Galaktionov, Yu.V. (2007). Otechestvennaya istoriografiya germanskogo fashizma (1920-e gody – pervaya polovina 1990-kh godov). Kemerovo. (In Russian).
5. Zelenov, M.V. (1997). Glavlit v 20–30-e gody. *Voprosy istorii*, (3), 21–36. (In Russian).
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 9425. (In Russian).
7. Igolkin A.A. (1995). Pressa kak oruzhie vlasti. *Rossiya XXI*, (11-12), 68–86. (In Russian).
8. Nevezhin, V.A. (1997). Sindrom nastupatel'noi voyny. In *Sovetskaya propaganda v preddverii “svyashchennykh boev”, 1939–1941 gg.* Moscow. (In Russian).
9. Nevezhin, V.A. (2010). Spetsifika sovetskoi kul'turnoi diplomatii v usloviyakh sblizheniya SSSR i Germanii (1939–1941 gg.). In *Problemy rossiiskoi istorii*, Moscow, 10, 206–223. (In Russian).
10. Eremin, S.V. (2013). Transformatsiya obraza natsistskogo rezhima v sovetskoi propagande 1933–1941 gg.: avtoref. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg. (In Russian).
11. “Fel'kisher beobakhter” (Völkischer Beobachter) – pechatnyi organ NSDAP (NSDAP). (In Russian).
12. Shafgans, B. (1998). “Val'kiriya” Eizenshteina i germano-sovetskie otnosheniya, Per. L.S. Maslovoi. *Kinovedcheskie zapiski*, 39, 198–211. (In Russian).

13. Nevezhin, V.A. (1996). Kul'tura Tret'ego reikha cherez prizmu sovetskoi propagandy v 1939–1941 gg. In *Rossiya i Evropa v XIX–XX vekakh*, Moscow. 129–143. (In Russian).
14. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 17. (In Russian).
15. Komintern i Vtoraya mirovaya voina (1994). In *1. Do 22 iyunya 1941 g.: sb. Dokumentov*, Moscow. (In Russian).
16. Nevezhin, V.A. (1993). Sovetskaya politika i kul'turnye svyazi s Germaniei (1939–1941 gg.). *Otechestvennaya istoriya*, (10), 19–34. (In Russian).
17. “Vernite mne svobodu!”: Deyateli literatury i iskusstva Rossii i Germanii – zhertvy stalinskogo terrora: Memorial'nyi sb. iz arkhivov byvshego KGB. (1997). Moscow. (In Russian).
18. Kudryashov, S.A. (2003). Bitva za Britaniyu. *Rodina*, (5/6), 116–119. (In Russian).
19. Nevezhin, V.A. (2007). “Esli zavtra v pokhod...”: Podgotovka k voine i ideologicheskaya propaganda v 30-kh – 40-kh godakh. Moscow. (In Russian).

Еремин С.В. Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде (23 августа 1939 – июнь 1941 гг.): источниковедческий аспект // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 106-119. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/10>

Eremin, S.V. (2021). Transformation of the Image of the Nazi Regime in the Soviet Propaganda (23 august 1939 – june 1941): a Source Study Aspect. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 106-119. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/10>

дата поступления: 21.03.2021

дата принятия: 10.06.2021